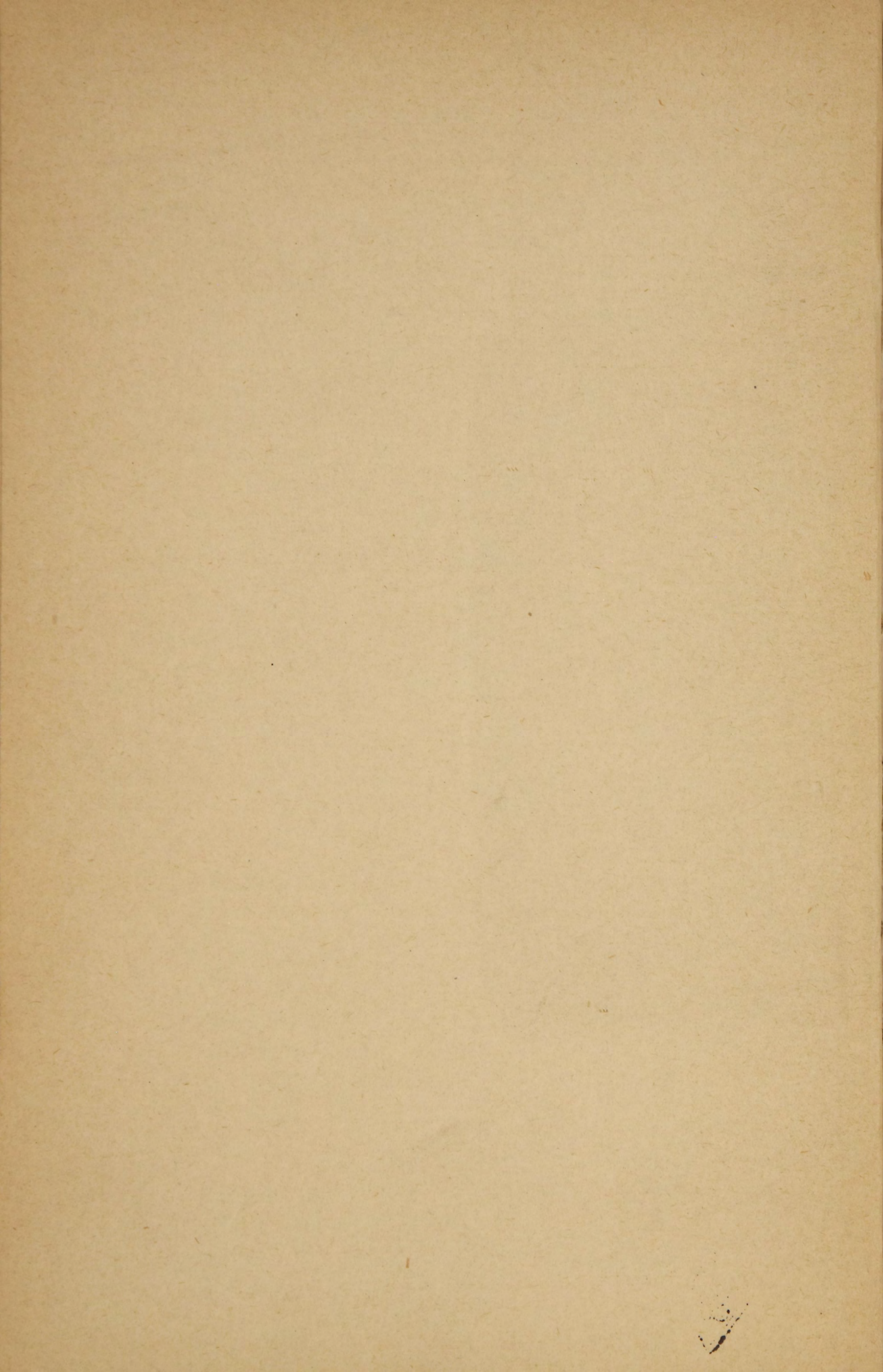

14.280

1874, 1-2.

К

Отм. Зап.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА.

Григорьевъ

I.

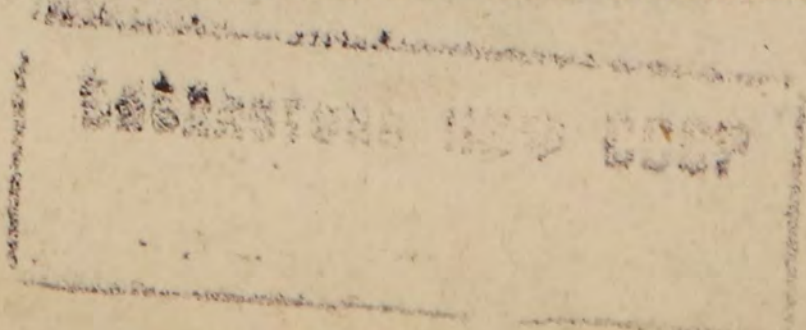
Экономическая основа крестьянской реформы и порожденные ею экономическія и социальныя состоянія.

«На чрезмѣрное дробленіе (Parcellirung) крестьянскихъ поземельныхъ участковъ можно смотрѣть не только какъ на причину, но и прежде всего какъ на симптомъ паденія націй. Крестьянское сословіе составляетъ корень цѣлаго народа; высшіе классы, подобно вѣтвямъ, листьямъ, цвѣтамъ, могутъ вымирать и возобновляться снизу отъ этого корня. Но если корень сгніетъ, то все дерево пропало; оно годно будетъ только къ тому, чтобы быть брошеннымъ въ печь».

Рошеръ.

Кто вдумывался въ исторію нашего внутренняго развитія, тотъ, мы полагаемъ, не усомнится въ томъ, что вплоть до крестьянской реформы, эта исторія содержитъ въ себѣ мало похожего на исторію развитія другихъ европейскихъ государствъ. Начиная отъ Рюрика до послѣдняго царствованія включительно путь нашего внутренняго развитія былъ всегда свой, совершенно особый отъ Европы. Наше государство образовалось совершенно подъ другими условіями и подъ другою формою, чѣмъ государства европейскія. Начала цивилизаціи, положенныя первоначально въ нашу жизнь, были или совершенно иныя, чѣмъ въ Европѣ, или при одинаковости своего первичнаго происхожденія поступали къ намъ съ совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ въ Европѣ, какъ на примѣръ христіанство. Наконецъ мы не наследовали ни мѣстъ бывшихъ населеній, ни самыхъ населеній древней европейской культуры; мы въ нашей древней исторіи имѣли дѣло только съ кочевниками или азіатами, стоявшими обыкновенно

78738

гораздо ниже насъ развитію, покоряли и занимали только ихъ земли, и нашъ прогрессъ мѣшалась только съ ихъ кровью. Такимъ образомъ въ нашихъ зачаткахъ и задаткахъ нашего развитія у насъ не было ничего родственнаго, ничего общаго съ Европою, такого, что бы насъ влекло къ ней. И дѣйствительно мы никогда не имѣли съ ней тѣсныхъ сношеній. Напротивъ, чѣмъ далѣе шла наша исторія, тѣмъ далѣе мы уединялись отъ Европы или, точнѣе сказать, разъединялись съ нею. Вслѣдствіе этого отчужденія мы долго не пользовались ни культурными, ни умственными приобрѣтеніями Европы и не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ движеній, такъ много способствовавшихъ развитію европейскихъ обществъ, каковы, на примѣръ, крестовые походы, реформація и т. п.

Въ нашемъ собственномъ доморощенномъ внутреннемъ развитіи ходъ исторіи съ XIII столѣтія принимаетъ направленіе совершенно противоположное европейскому. Въ Европѣ съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ личное начало, внесенное германцами въ жизнь Европы, ложится въ основу историческаго движенія и становится главною руководящею силою европейскаго развитія. Въ нашей исторіи личное начало никогда не выступало на сцену дѣйствія. Совмѣстно съ гнетомъ родовымъ на личность почти съ самаго начала нашего государства ложится еще болѣе тяжелый гнетъ государственный. Уже съ нашествіемъ монголовъ московскіе князья облакаются диктатурою для борьбы съ монголами. Чѣмъ далѣе, тѣмъ неограниченнѣе дѣлается эта диктатура. Она топчетъ все: историческія права лицъ и обществъ, народное и культурное развитіе, всякое свободное проявленіе и протестъ личнаго начала. Наступаетъ полное безправіе личности, всецѣлое поглощеніе ея государственнымъ началомъ. Къ этому государственному гнету присоединяется потомъ гнетъ крѣпостной общины, вызванной финансовымъ разстройствомъ государства; по мѣрѣ увеличенія государственныхъ нуждъ личность въ крѣпостной общинѣ все болѣе и болѣе закрѣпляется, пока наконецъ совершенно не превращается въ частную собственность. Такимъ образомъ самое начало крѣпостнаго права у насъ совершенно другое, чѣмъ въ Европѣ. Въ Европѣ оно явилось вслѣдствіе наступившей по уничтоженіи государственной власти—анархіи, было продуктомъ насилія частныхъ лицъ,—у насъ никогда никакой анархіи не было, государственная власть была всегда тверда и сильна, крѣпостное право было однимъ изъ ея собственныхъ учрежденій. Въ Европѣ крѣпостное право держалось узурпаціей верховныхъ правъ, похищенныхъ землевладѣльцами и утвержденныхъ за ними исторіей, за которыя должна была потомъ бороться съ ними по-

явившаяся верховная власть; у насъ землевладѣльцы никогда не имѣли суверенныхъ правъ; крѣпостное право было правомъ имъ пожалованнымъ и сохранялось за ними въ тѣхъ только размѣрахъ, въ какихъ угодно было верховной власти и до тѣхъ только поръ, пока она хотѣла этого.

Понятно, что при такомъ различіи и по своему происхожденію, и по своему характеру нашего крѣпостнаго права отъ европейскаго, и разрѣшеніе его не могло имѣть ничего общаго съ послѣднимъ. Хотя это разрѣшеніе и произошло почти одновременно съ европейскимъ и даже было вызвано послѣднимъ, но въ сущности, это были два совершенно различные между собою акта. Въ Европѣ уничтоженіе крѣпостнаго права было результатомъ развитія свободы личности, требовавшей новыхъ общественныхъ формъ, приспособленныхъ для ея свободнаго движенія, — слѣдствіемъ многовѣковаго историческаго процесса, который, вышелушивъ содержаніе стараго феодальнаго порядка, создалъ новые элементы и условія жизни, несовмѣстные съ этимъ порядкомъ, такъ что дальнѣйшее существованіе послѣдняго сдѣлалось невозможно; у насъ ничего подобнаго не было; крѣпостное право какъ учреждено было верховною властію для финансовыхъ цѣлей, такъ и уничтожено было верховною же властію вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, причиняемыхъ обѣднѣніемъ крестьянъ, по чему и называлось улучшеніемъ быта крестьянъ. Въ Европѣ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права началось новое государство, въ основаніе котораго положены свобода и равенство личности; у насъ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права никакихъ переменъ не произошло, остались тѣ же состоянія, что и были. Уничтоживъ крѣпостное право, мы, собственно говоря, сдѣлали то же, что уничтожили откупъ, г.-е. поправили ошибку прежнихъ правительствъ, безъ всякой нужды допустившихъ учрежденіе такихъ институтовъ въ нашей жизни, которые въ ней ничѣмъ не вызывались; и, какъ уничтоженіе откуповъ не вызвало никакихъ переменъ въ нашей государственной области, такъ почти и уничтоженіе крѣпостнаго права. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права мы очутились въ томъ же положеніи, въ какомъ были до его начала. Политическія права привилегированнаго класса остались тѣ же самыя, что и были; что касается до простаго народа, то онъ по освобожденіи хотя *de jure* не лишень отчасти нѣкоторыхъ изъ этихъ правъ, но въ дѣйствительности по невѣжеству своему ими пользоваться мало можетъ, — кромѣ того, по вниманію къ этому же невѣжеству онъ даже въ своемъ непосредственномъ управленіи поставленъ подъ опеку особыхъ чиновниковъ изъ дворянъ, имѣющихъ рѣшительное вліяніе на всѣ его

дѣла; слѣдовательно, въ своемъ непосредственномъ управленіи онъ не возвратилъ себѣ даже той самостоятельности, которою пользовался до начала крѣпостнаго права, т.-е. при Иванѣ Грозномъ. Точно также онъ не возвратилъ себѣ и той свободы личности, которую имѣлъ при послѣднемъ; потому что хотя отъ крѣпостнаго права, т.-е. отъ всякой непосредственной власти помѣщика освобожденъ, но къ землѣ остается прикрѣпленнымъ посредствомъ своего надѣла. Онъ не можетъ оставить земли, данной ему въ надѣлъ, пока не заплатитъ слѣдующаго за нее выкупа, что должно продолжаться почти пятьдесятъ лѣтъ. Этотъ платежъ самъ по себѣ не есть, конечно, особенность нашей выкупной операціи. Точно такимъ же многолѣтнимъ платежемъ обязаны были и освобожденные отъ крѣпостнаго права крестьяне въ Пруссіи и въ Австріи. Но разница въ томъ, что тамъ оцѣнка земель произведена ниже ихъ дѣйствительной стоимости, такъ что получившій надѣлъ нисколько не связывается своимъ надѣломъ; если онъ найдетъ для себя невыгоднымъ удерживать его, то онъ можетъ свободно идти на всѣ четыре стороны; землю его съ тѣми же обязательствами съ удовольствіемъ возьмутъ другіе и самъ владѣлецъ. При недостаткѣ свободныхъ земель въ государствѣ тамъ обезпеченіе его поземельнымъ участкомъ, по оцѣнкѣ, нисшей обыкновенныхъ цѣнъ, не только не составляетъ для него обремененія, а есть дѣйствительное благодѣяніе. У насъ, напротивъ, земли, данныя въ надѣлъ, оцѣнены часто втрое, вчетверо выше ихъ дѣйствительной стоимости и въ такомъ отношеніи къ послѣдней находятся даже въ настоящее время, т.-е. спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ обнародованія Положенія о крестьянахъ. Ежегодная повинность за надѣлъ, составляя съ процентомъ погашенія 6% этой фиктивной оцѣнки, является въ большей части мѣстностей несоразмѣрно высокою съ существующими арендными цѣнами на свободныя земли. Въ этихъ мѣстностяхъ, при множествѣ существующихъ у насъ свободныхъ земель, само собою разумѣется, никогда не могло бы найдтись охотниковъ для пріобрѣтенія въ собственность или пользованіе крестьянскихъ надѣловъ съ лежащими на нихъ высокими ежегодными повинностями. Въ другихъ мѣстностяхъ плодородныхъ, гдѣ выкупная оцѣнка земель, какъ увидимъ ниже, оказалась гораздо ниже ихъ теперешней стоимости, нашлось бы, конечно, много охотниковъ изъ крестьянъ же односельцевъ или безземельныхъ покупать участки тѣхъ, которые пожелали бы оставить свои надѣлы; ихъ взяли бы тамъ съ охотою и сами помѣщики. Но въ этихъ мѣстностяхъ крестьянинъ привыкъ съ дѣтства добывать себѣ хлѣбъ единственно земледѣліемъ и онъ не рѣшится покинуть земледѣ-

ліе и, слѣдовательно, разстаться съ даннымъ ему надѣломъ, каковъ бы онъ ни былъ, не имѣя въ виду переселенія на другія лучшія земли. Здѣсь крестьянинъ могъ бы отказаться отъ даннаго ему надѣла только тогда, когда правительство открыло бы государственныя земли для желающихъ переселенія крестьянъ. Но правительство подобному движенію крестьянъ, пока совершенно не кончится выкупъ земель, благопріятствовать не можетъ. Подобныхъ переселеній, еслибы они были дозволены, пожелали бы всѣ крестьяне, недовольные данными имъ надѣлами, а такихъ недовольныхъ оеазалось бы, по всей вѣроятности, какъ мы увидимъ, большая часть освобожденныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого, принятая нынѣ система выкупной операціи была бы подорвана въ корнѣ и должна была бы неминуемо рухнуть. Вотъ почему правительство, избравъ эту систему, должно было неизбежно на время ограничить право крестьянскихъ переселеній, что оно и сдѣлало, воспретивъ крестьянамъ въ первыя девять лѣтъ по освобожденіи безусловно оставлять полученныя ими въ надѣлъ земли, а послѣ этого срока обставило возможность переселенія крестьянъ на другія земли такими условіями, которыя, въ сущности, дѣлаютъ переселеніе почти рѣшительно невозможнымъ. Именно по «Положенію» 19-го февраля, крестьянинъ, желающій переселиться долженъ 1) возвратитъ данный ему надѣлъ, 2) выполнить свои обязательства по рекрутской повинности, 3) уплатитъ всѣ лежащія на немъ и его семействѣ подати и сборы по 1-е января слѣдующаго года, а также удовлетворитъ всѣ безспорныя частныя взысканія и обязательства, 4) не состоять подъ слѣдствіемъ и судомъ, 5) получить согласіе отъ родителей, 6) обезпечить содержаніе, какъ малолѣтковъ, такъ и другихъ членовъ его семьи, неспособныхъ къ работѣ, остающихся въ мѣстѣ прежняго жительства, 7) заплатитъ всѣ недоимки по выкупному платежу, 8) получить разрѣшеніе на переселеніе отъ волостнаго управленія, 9) представить свидѣтельство на свой пріемъ въ то общество, въ которое хочетъ переселиться, 10) пріобрѣсть въ собственность не далѣе, какъ въ 15 верстахъ отъ послѣдняго, такой участокъ земли, который бы равнялся двумъ душевымъ надѣламъ высшаго размѣра, указаннаго въ «Положеніи» 19-го февраля для этого общества¹. Но еслибы крестьянинъ выполнилъ и всѣ эти условія, — затрудненія все-таки не кончились бы. Въ видахъ правительства въ настоящее время не допускать переселеній и потому лица, уполномоченныя правомъ дозволить переселенія, обязаны особыми

¹ См. Полож. о крест. стр. 132 и слѣд.

инструкціями соображаться съ разными мѣстными условіями при дозволеніи переселеній.

Такимъ образомъ, принятая система выкупной операціи идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ освобожденія. вмѣсто того, чтобы облегчить и ускорить процессъ освобожденія крестьянъ, она до того затруднила и запутала его, что образовала собою новый видъ закрѣпощенія, которое, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ бывшимъ крѣпостнымъ правомъ, но которое ничѣмъ не отличается отъ перваго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ (*glebae adscriptus*), послѣдовавшемъ при Борисѣ Годуновѣ. Какъ тогда крестьянинъ, не теряя своихъ политическихъ и гражданскихъ правъ, будучи, слѣдовательно, полноправнымъ членомъ государства, не могъ оставлять отведеннаго ему участка земли, обязуясь платить владѣльцу послѣдней извѣстный оброкъ, такъ точно теперь, получивъ по освобожденіи изъ крѣпостнаго состоянія тѣ же самыя политическія и гражданскія права, какія имѣлъ при Годуновѣ, крестьянинъ прикрѣпленъ къ своему надѣлу на цѣлыя почти пятьдесятъ лѣтъ и обязанъ въ продолженіе всего этого времени платить ежегодно 6% съ капитализированной стоимости своего надѣла, оцѣненнаго несоотвѣтственно его дѣйствительной производительности, а совершенно фиктивно.

Само по себѣ это временное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ у насъ не могло бы еще имѣть никакихъ особенно вредныхъ послѣдствій. Въ странѣ по преимуществу земледѣльческой, какъ наша, гдѣ городская жизнь даже до настоящаго времени развита еще очень слабо и городскіе промыслы сравнительно немногочисленны, крестьянинъ, по самой силѣ вещей, и даже по вѣковымъ привычкамъ, по собственному желанію остается нѣкоторымъ образомъ крѣпокъ землѣ. Земля его главная, а зачастую и единственная кормилица. Клочокъ земли, на которомъ сидитъ онъ, кормилъ его дѣдовъ и отцевъ, онъ кормитъ и его. Крестьянинъ свыкъся, сжился съ нимъ и у него у самого не только нѣтъ охоты оставить вѣками насиженнаго мѣста, а напротивъ, онъ прежде и болѣе всего желаетъ жить и умереть тамъ же, гдѣ жили и умерли его дѣды и отцы. Такимъ образомъ, прикрѣпленіе, установленное принятою системою выкупной операціи, само по себѣ не могло препятствовать ни обычнымъ промысламъ нашихъ крестьянъ, и не стояло въ противорѣчій съ ихъ собственными привычками и желаніями, тѣмъ болѣе, что, дѣлая ихъ крѣпкими землѣ по мѣсту постоянного жительства, оно открывало имъ полную свободу временнаго передвиженія и временнаго мѣста жительства, гдѣ угодно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полную свободу всякаго рода промысловъ. Но не отяготительное само по

себѣ прикрѣпленіе приняло отягчающій характеръ вслѣдствіе соединеннаго съ нимъ особаго способа надѣленія крестьянъ землею. Потому мы должны войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности относительно нашей системы надѣловъ. Можетъ быть, читателю онѣ покажутся нѣсколько утомительными, но онѣ необходимы, потому что безъ этого онъ никогда не будетъ въ состояніи составить себѣ правильнаго и яснаго понятія о достоинствахъ и недостаткахъ нашей крестьянской реформы.

Первоначально крестьянская реформа имѣла цѣлю не освобожденіе крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, а установленіе между помѣщиками и крестьянами правильныхъ поземельныхъ и экономическихъ отношеній въ виду улучшенія быта послѣднихъ. Почему она и называлась улучшеніемъ быта крестьянъ, и главный и существенный вопросъ ея въ этомъ смыслѣ состоялъ въ надѣленіи крестьянъ достаточнымъ для хозяйства количествомъ земли.

Во всѣхъ высочайшихъ рескриптахъ объ улучшеніи быта крестьянъ, послѣдовавшихъ на имя генераль-губернаторовъ и губернаторовъ, начиная отъ перваго, даннаго 20-го ноября 1857 года на имя виленскаго военнаго, ковенскаго и гродненскаго генераль-губернатора Назимова, было сказано, что крестьянамъ, кромѣ усадебъ, предоставляется въ пользованіе *надлежащее для обезпеченія ихъ быта и повинностей количество земли*. Разъясняя эти рескрипты, министръ Ланской, между прочимъ, писалъ, что частные вопросы по устройству быта крестьянъ будутъ зависѣть отъ собственныхъ соображеній, учрежденныхъ для этого дѣла въ каждой губерніи губернскихъ изъ дворянства комитетовъ, но «что неизмѣнными и неприкосновенными должны остаться главныя начала этого устройства въ высочайшемъ рескриптѣ указанныя. Въ этихъ началахъ, т.-е. въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ *прочной осподлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей* заключается то *незыблемое основаніе, на которомъ должно воздвигнуться предпринимаемое великое дѣло*»¹. Генераль-адъютантъ Я. Ростовцевъ, предсѣдатель и непосредственный начальникъ редакціонныхъ комиссій, учрежденныхъ для выработки основныхъ положеній по крестьянскому дѣлу, по вопросу о томъ: могутъ ли быть уменьшаемы существовавшіе у крестьянъ во время крѣпостнаго ихъ состоянія надѣлы земли? высказывался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «во все время срочно-обязаннаго періода не слѣдуетъ допускать уменьшенія существующихъ на-

¹ «Крестьянское дѣло», Скребицкаго, т. 1, стр. XVI.

дѣловъ; при выкупѣ же земли надѣлы могутъ быть измѣняемы, но во всякомъ случаѣ на основаніи рескриптовъ, т.-е. *чтобы крестьянинъ имѣлъ достаточно земли или угодій для своего прокормленія и для уплаты всѣхъ своихъ повинностей*»¹.

Такимъ образомъ и по непосредственному смыслу высочайшихъ рескриптовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, и по тѣмъ разъясненіямъ, которыя давали на нихъ два главные въ то время руководителя крестьянскаго дѣла и истолкователя по этому предмету намѣреній верховной власти, министръ Ланской и генераль-адъютантъ Ростовцевъ, было ясно, что улучшение быта крестьянъ должно было состоять не въ надѣлѣ ихъ только какимъ бы то ни было участкомъ земли, но въ устройствѣ ихъ самостоятельнаго хозяйства, т.-е. въ надѣлѣ ихъ такимъ количествомъ земли, обрабатывая которое, крестьянинъ могъ бы безбѣдно пропитывать себя и уплачивать всѣ свои повинности. Такъ понимали это дѣло и разработывавшія основное положеніе для освобожденія крестьянъ редакціонныя комиссіи. Опровергая мнѣніе тѣхъ дворянскихъ комитетовъ, которые требовали опредѣленія крестьянскаго надѣла въ возможно наименьшихъ размѣрахъ, на томъ странномъ основаніи, что такой надѣлъ будто бы съ одной стороны «можетъ привести къ скорому и естественному замѣщенію въ сельскомъ быту обязательнаго труда свободнымъ, а съ другой доставить помѣщику постоянныхъ работниковъ для его хозяйства въ лицѣ свободныхъ крестьянъ, если они *недостаточно* будутъ обезпечены землею въ пользованіе», редакціонныя комиссіи замѣчали, что «такіе доводы полагаютъ въ основаніе будущаго устройства *преднамѣренное* недостаточное обезпеченіе крестьянъ землею, дабы лишить ихъ средствъ къ веденію въ прежнихъ размѣрахъ собственнаго самостоятельнаго хозяйства и заранѣе осуждаютъ большую часть крестьянскаго сословія на баграчество, неминуемо сопряженное съ подобнымъ раззорительнымъ для крестьянскаго сословія порядкомъ вещей. Понятно, продолжаютъ онѣ, что подобный доводъ не могъ возбудить къ себѣ сочувствія правительства, а, слѣдовательно, не могъ быть принятъ имъ во вниманіе, ибо *главная цѣль его состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей*, а отнюдь не въ лишеніи этого сословія съ первой же поры его образованія лучшихъ средствъ къ самостоятельному развитію»².

Исполнить въ точности высочайшую волю о надѣленіи каждаго изъ крестьянъ такимъ количествомъ земли, на которомъ

¹ Тамъ же, т. II, ч. I, стр. 16.

² Тамъ же, стр. 31.

онъ могъ бы завести самостоятельное полное хозяйство, вполне обеспечивающее пропитаніе его съ семействомъ и уплату лежащихъ на немъ повинностей, можно было только однимъ способомъ, — именно, надобно было вычислить, сколько для устройства каждаго такого хозяйства потребуется земли въ каждой изъ трехъ полосъ, на которыя комиссіями была раздѣлена Россія по плодородію почвы и по другимъ условіямъ сельскаго хозяйства, — черноземной, нечерноземной и степной, — и затѣмъ опредѣливъ нормальный размѣръ крестьянскаго надѣла въ каждой изъ этихъ полосъ, держаться потомъ этого размѣра твердо и неуклонно, несмотря ни на какія препятствія. Этотъ путь для разрѣшенія вопроса о крестьянскихъ надѣлахъ, нѣкоторымъ образомъ указывался комиссіямъ самымъ закономъ. Законъ нашъ, признавая за помѣщикомъ право собственности на всю принадлежащую ему землю, требовалъ однакожь, чтобы известная часть этой земли находилась въ постоянномъ пользованіи принадлежащихъ помѣщику крестьянъ и на этомъ основаніи ограничивалъ право собственности помѣщика на ту землю, которая находилась въ пользованіи крестьянъ. Помѣщикъ не могъ продать ни клочка изъ принадлежащей ему земли, если ея приходилось не болѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ на каждую состоящаго при имѣніи населенія мужскаго пола душу по послѣдней ревизіи. Въ противномъ случаѣ, по закону, онъ лишался права владѣть крестьянами, и они отбирались въ казенное вѣдомство. «Если земля, — такъ гласилъ законъ, — отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ будетъ помѣщикомъ заложена и закладная будетъ просрочена, или же земля будетъ отдѣльно продана, и въ томъ и другомъ случаѣ останется у крестьянъ менѣе четырехъ съ половиною десятинъ на душу, и къ тому же въ теченіи года не будетъ помѣщикомъ приобрѣтено и дано имъ другой земли соразмѣрно числу душъ, или же они не будутъ, на законномъ основаніи, проданы другимъ съ обязанностію переселить ихъ на собственныя земли и надѣлить ихъ вышеопредѣленнымъ количествомъ земли, то крестьяне въ семъ случаѣ берутся въ казенное вѣдомство, и, по желанію ихъ, или вступаютъ въ государственные крестьяне, съ водвореніемъ на казенныхъ земляхъ, или причисляются къ городскому сословію» ¹ и проч. «Это коренное постановленіе нашего законодательства, какъ объяснялъ бывший членъ редакціонныхъ комиссій, известный нашъ юристъ г. Калачевъ, не подвергалось никакимъ ограниченіямъ; напротивъ того, возникшій во-

¹ Сводъ Законовъ, т. IX, ст. 1,107. Законы о состояніяхъ. См. кромѣ того, т. X, ч. I, ст. 1.397.

прось объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и надѣленіи ихъ землею послужилъ министру юстиціи, графу Панину, основаніемъ къ циркулярному предписанію отъ 16-го ноября 1858 года за № 20,302 о томъ, что помѣщики не должны продавать свою землю отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ, если земли въ имѣніи окажется менѣе 4¹/₂ десятинъ на душу»¹. Такимъ образомъ нормальнымъ крестьянскимъ надѣломъ на душу во время крѣпостнаго состоянія считался надѣлъ въ 4¹/₂ десятины.

Конечно, редакціонныя комиссіи не могли принять этого размѣра за норму для своихъ надѣловъ. То, что годилось для членовъ крѣпостной общины, во многихъ случаяхъ оказалось бы совершенно непригоднымъ для членовъ общины свободной. Во-первыхъ, на земляхъ помѣщичьихъ крестьянинъ получалъ пропитаніе не отъ одного только своего надѣла. Онъ имѣлъ кромѣ этого сервитуты на помѣщичьихъ земляхъ, пользовался здѣсь пастбищемъ, дровянымъ и строевымъ лѣсомъ, кромѣ того въ особенно несчастныхъ случаяхъ получалъ отъ помѣщика прямое вспоможеніе деньгами или натурой, какъ напр. во время скотскаго падежа, голода и т. п. Во-вторыхъ, на помѣщичьихъ земляхъ высшую хозяйственную единицу представлялъ не крестьянскій надѣлъ, а цѣлое имѣніе. Изъ свободныхъ земель этого имѣнія на-рѣзывались новые надѣлы каждому новому нароставшему поколѣнію работниковъ въ узаконенной нормѣ, безъ урѣзки земель изъ прежнихъ надѣловъ. Не въ томъ сила: соблюдалось ли это всегда въ дѣйствительности и даже вообще соблюдалось ли; но это закономъ было постановлено и правительство во всякое время могло потребовать точнаго исполненія закона; слѣдовательно право за каждымъ крестьяниномъ на указной въ четыре съ половиной десятины надѣлъ всегда оставалось и всегда могло быть восстановлено. Наконецъ при опредѣленіи нормы крестьянскаго надѣла въ крѣпостномъ сословіи имѣлось въ виду, что крестьянинъ можетъ употреблять на свой надѣлъ только половину своего труда, остальную половину его труда поглощала обработка помѣщичьихъ земель и другія барщинныя работы. Совсѣмъ въ другое положеніе становился крестьянинъ, дѣлаясь самостоятельнымъ хозяиномъ на собственномъ надѣлѣ! Онъ лишался сервитутовъ на помѣщичьихъ земляхъ, которыми прежде пользовался, точно также лишался чьей бы ни было помощи въ особенныхъ несчастныхъ случаяхъ. Далѣе, какъ бы съ теченіемъ времени ни умножалось его семейство, онъ не имѣлъ для пропитанія его никакихъ другихъ средствъ, кромѣ того же самаго надѣла, который ему данъ; ибо

¹ Тамъ же, т. II, ч. II, стр. 1,076.

запасныхъ земель въ виду нарождающагося поколѣнія онъ не получалъ. Наконецъ извѣстно, что свободный трудъ вообще гораздо энергичнѣе и производительнѣе обязательнаго. Слѣдовательно если въ крѣпостномъ сословіи, при обязанности крестьянина отдавать половину своего труда помѣщику, законъ надѣлялъ крестьянина 4¹/₂ десятинами земли, то очевидно, что для свободного крестьянина, трудъ котораго безраздѣльно долженъ былъ идти на обработку его собственной земли, такой надѣль становился крайне недостаточнымъ.

Но не принимая крѣпостной нормы надѣла, редакціонныя комиссіи могли бы принять эту норму за точку отправленія. Разъ, что нашимъ законодательствомъ издавна была признана необходимость однообразнаго устройства крестьянскихъ хозяйствъ, и для комиссій становилось нѣкоторымъ образомъ обязательнымъ держаться этого основнаго направленія нашего законодательства, тѣмъ болѣе, что это совершенно совпадало съ началами справедливости и равенства. Ибо не могло быть никакихъ разумныхъ причинъ устраивать въ одной и той же мѣстности одного крестьянина хуже, нежели другаго. Что касается до того, что комиссіи, принявъ во вниманіе различіе условій нашего сельскаго хозяйства и раздѣливъ всѣ земли по этимъ условіямъ на три совершенно различныя по хозяйственнымъ условіямъ полосы, должны были установить и три различныя нормы крестьянскихъ надѣловъ, соотвѣтствующія каждой изъ означенныхъ полосъ, то этимъ не только не нарушался бы принципъ принятаго законодательствомъ однообразія, а напротивъ утверждался бы, потому что количественнымъ различіемъ величины нормальныхъ надѣловъ въ разныхъ полосахъ сглаживалось бы ихъ качественное различіе по плодородію. Второе, крѣпостные нормальные надѣлы, издавна установленные закономъ, могли бы и даже должны были бы составить основу для новыхъ нормальныхъ надѣловъ. Признавъ ихъ уже за данное и бесспорное какъ утвержденное за крестьянами закономъ, какъ и смотрѣлъ на нихъ министръ юстиціи Панинъ, предписавшій помянутымъ выше циркулярамъ не отчуждать этихъ надѣловъ,—редакціоннымъ комиссіямъ оставалось бы только рассмотреть: насколько крѣпостные надѣлы въ той или другой мѣстности должны быть увеличены какъ въ силу естественныхъ условій той или другой производительности почвы, такъ и въ силу тѣхъ новыхъ условій положенія крестьянъ, которыя должны были наступить съ ихъ освобожденіемъ и о которыхъ мы сказали выше. И въ этомъ случаѣ редакціонныя комиссіи выступили бы не на новый, неизвѣстный путь. Напротивъ, путь этотъ давно уже былъ указанъ блаженной памяти императоромъ Нико-

лаемъ Павловичемъ. Этотъ прямодушный государь, у котораго дѣятельность никогда не шла въ разрѣзъ съ его убѣжденіями, первый изъ нашихъ государей обратилъ дѣятельное и заботливое вниманіе на бѣдственное положеніе какъ всѣхъ вообще крестьянъ въ Россіи, такъ преимущественно крѣпостныхъ. Различные указы, которые были изданы имъ въ пользу послѣднихъ и о которыхъ мы будемъ еще вести рѣчь впослѣдствіи, помимо того, что облегчили участь многихъ тысячъ крѣпостныхъ, направили вниманіе правительства на этотъ главный корень всѣхъ золъ и послужили подготовленіемъ для нынѣшней реформы. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ на примѣръ, въ Кіевской, Волынской и Подольской, императоръ Николай успѣлъ положить прочное основаніе нынѣшней реформѣ, опредѣливъ инвентарными положеніями, изданными 29 декабря 1848 года, какъ крестьянской надѣль, такъ и поземельныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ. Въ этихъ положеніяхъ въ первый разъ прямо и опредѣленно выражены тотъ издавна нашимъ законодательствомъ признанный, но до сихъ поръ, какъ мы видѣли выше, только отрицательно въ немъ обозначенный принципъ, что земля помѣщика, хотя и составляетъ безспорную его собственность, но съ таковымъ ограниченіемъ, что извѣстная часть земли находится въ постоянномъ пользованіи крестьянъ и неприкосновенна для него. Далѣе инвентарными правилами крестьянамъ нарѣзался такой надѣль земли, который вполне обезпечивалъ ихъ хозяйства какъ пѣшія, такъ и тяглыя (съ волами или лошадьми). Въ примѣчаніи къ § 3 этихъ правилъ было сказано: «нормальное количество земли опредѣляется по мѣстнымъ выгодамъ и особенностямъ имѣнія въ такомъ размѣрѣ, чтобы крестьяне достаточно были обезпечены въ своемъ существованіи и удержаніи хозяйствъ, *придерживаясь при семъ высшаго существующаго въ томъ имѣніи надѣла земли*». Разсматривая вѣдомости надѣловъ по инвентарнымъ положеніямъ, мы находимъ, что высшій пѣшій надѣль въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской, начинаясь отъ 6 десятинъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, доходилъ до 15 и 20 десятинъ. Но это надѣлы пѣшіе. Надѣлы тяглыя, дававшіеся на тѣ хозяйства, гдѣ была пара воловъ или лошадей, были вдвое болѣе пѣшихъ. Кромѣ того если въ землѣ мірской за надѣломъ всѣхъ крестьянъ оставались еще свободные участки, то желающимъ, хотя бы они пользовались уже наивысшими нормальными надѣлами, дозволялось брать эти участки, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они уплачивали за пользованіе ими указанныя въ инвентарѣ повинности. Такимъ образомъ, несмотря на то, что инвентарныя положенія составлялись во время крѣпостнаго со-

стоянія и составлялись для лицъ, которыя должны были оставаться и впредь въ этомъ состояніи, надѣлы земли нарезывались, независимо отъ существовавшей крѣпостной нормы, такіе, которые были бы достаточны для веденія самостоятельнаго хозяйства. Первое, что имѣлось здѣсь въ виду: устроить навсегда прочно и безобѣдно крестьянина, помимо всякихъ другихъ соображеній, которыя могъ породить страхъ и малодушіе. Опытъ двадцати лѣтъ оправдалъ вполне систему надѣловъ, принятую императоромъ Николаемъ. Хозяйство въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской въ то время, какъ возникла мысль объ освобожденіи крестьянъ, оказалось такъ удовлетворительно, что рескриптомъ 9 марта 1858 года высочайше было повелѣно начала новой реформы въ означенныхъ губерніяхъ разработывать *«на основаніи инвентарныхъ правилъ, нынѣ дѣйствующихъ въ этихъ губерніяхъ»*. И благодаря этому новые надѣлы въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Волынской вышли лучше, чѣмъ почти во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Здѣсь не излишне будетъ упомянуть, что инвентари дали нѣкоторымъ образомъ и первый толчекъ къ крестьянской реформѣ. Инвентарныя положенія 1848 года, изобрѣтенныя и выработанныя бывшимъ кіевскимъ генераль-губернаторомъ Д. Г. Бибиковымъ, какъ они ни были хороши во время крѣпостнаго права, составлялись очень поспѣшно, безъ достаточнаго запаса данныхъ, и, по признанію самого составителя ихъ, были неудовлетворительны. Поэтому они устанавливались только на извѣстный срокъ, именно на 6 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока ихъ подвергнуть пересмотру и улучшить; вслѣдствіе чего при составленіи ихъ, какъ положеній временныхъ, было принято за правило безъ особенной нужды «не нарушать вдругъ, какъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ, существующаго порядка, такъ какъ, при предположеніи окончательнаго и правильнаго устройства инвентарей, по истеченіи 6 лѣтъ, правительство получить вмѣстѣ съ симъ возможность съ болѣею точностію и практически опредѣлить всѣ повинности, соотвѣтственно взаимнымъ выгодамъ обѣихъ сторонъ, и привести въ лучшую извѣстность какъ количество, такъ и качество земель, признаваемое необходимымъ для правильнаго устройства сего дѣла¹. На этомъ же самомъ основаніи въ 1852 году инвентари введены были и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Когда истекъ означенный срокъ и приступлено было къ пересмотру и улучшенію инвентарныхъ положеній, то дворянскіе комитеты губерній Виленской,

---

¹ См. первое изданіе матер. редакц. ком. Второй періодъ. Ч. IV. Инвентарныя положенія западныхъ губерній, стр. 63.

Гродненской и Ковенской сочли за лучшее ходатайствовать о совершенномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, «за что историкъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Романовичъ-Славатинскій, долженъ помянуть признательнымъ словомъ какъ инвентари, такъ и ихъ изобрѣтателя»¹.

Примѣръ покойнаго государя ясно указывалъ комиссіямъ, какъ онѣ должны были дѣйствовать въ надѣленіи крестьянъ землею. Изъ опыта надѣла, имъ произведеннаго въ трехъ, въ большей части своей, самыхъ плодороднѣйшихъ изъ нашихъ губерній, было очевидно, что узаконенной крѣпостной нормы надѣла не всегда будетъ достаточно для устройства прочнаго и обеспеченнаго хозяйства даже въ плодородныхъ мѣстностяхъ, но что тѣмъ не менѣе при надѣлѣ эта цѣль должна оставаться непреложною. Такъ или иначе, но она должна была быть достигнута.

Къ сожалѣнію редакціонныя комиссіи нашли для себя не удобнымъ держаться этого пути. По разнымъ соображеніямъ, перечисленіе которыхъ повело-бы насъ теперь далеко отъ нашей ближайшей цѣли, но несостоятельность которыхъ въ послѣдствіи мы докажемъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, они признали невозможнымъ опредѣлить какую-бы то ни было норму надѣловъ, и потому положили держаться *надѣловъ существующихъ*. Это значило сразу потерять всякую почву подъ своими ногами. Ибо что такое могли значить въ нашемъ крѣпостномъ мірѣ надѣлы существующіе? При нарѣзкѣ этихъ надѣловъ имѣлось-ли когда нибудь въ виду дѣйствительное довольство и благосостояніе крестьянъ? Были ли они всегда достаточно соображаемы даже съ насущными потребностями крестьянъ, съ тѣмъ минимумомъ этихъ потребностей, безъ которыхъ не можетъ обходиться никакое живое человѣческое существо? И даже былъ ли вообще расчетъ помѣщику, который самъ платилъ подати за крестьянъ, обязанъ былъ помогать имъ въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ, или давать работать на себя болѣе, нежели сколько нужно было имъ на пропитаніе отъ одной жатвы до другой². Конечно, гдѣ земли были плохи, не давали помѣщику ничего и онъ жилъ оброками, тамъ крестьянинъ могъ пахать на помѣщичьихъ земляхъ сколько душѣ угодно. Но развѣ этотъ надѣлъ, если только его можно назвать надѣломъ, не былъ чистою случайностью, обусловливаемою

¹ См. Дворянство въ Россіи. Соч. Романовича-Славатинскаго, стр. 297.

² У нѣкоторыхъ помѣщиковъ крестьяне вовсе не были надѣлены землей, а жили на господскомъ дворѣ въ качествѣ батраковъ и обрабатывали только господскую землю; у другихъ имѣли только усадьбы. Въ 1827 году одна помѣщица заложила 200 десятинъ земли, а для 28 душъ своихъ крестьянъ оставила всего 10 десятинъ! См. 2-е полн. собр. зав. № 906.

бездоходностию земли и полнымъ пренебреженіемъ къ ней, какъ статья бездоходной помѣщика? Превратись она какимъ нибудь чудомъ въ доходную статью, и помѣщикъ немедленно взялъ-бы ее себѣ, а крестьянина свелъ бы на другую землю. Съ этой точки зрѣнія одинъ изъ членовъ-экспертовъ финансовой комиссіи, Позень, справедливо говорилъ редакціоннымъ комиссіямъ о существующихъ надѣлахъ, какъ о величинѣ въ дѣйствительности не существующей. «Существующій надѣлъ, — писалъ онъ въ письмѣ графу Ростовцеву, — выражаетъ дѣйствительную потребность только въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ земли регулированы и крестьянамъ надѣлены особые участки въ пользованіе по душамъ или тягламъ на все общество или по участкамъ. Но много ли у насъ такихъ имѣній? Въ каждой губерніи едва ли окажется ихъ нѣсколько десятковъ; всѣ остальные хозяйства составились совершенно случайно и рѣдко соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянъ. Тамъ, гдѣ земли хороши и помѣщичьи хозяйства въ порядкѣ, крестьянскіе надѣлы весьма ограничены; тамъ, гдѣ земли дурны и крестьяне на оброкъ или помѣщичьи хозяйства не устроены, крестьянскіе надѣлы велики, но часто не приносятъ крестьянамъ никакой пользы»¹. Но не только у насъ, гдѣ положительно въ волѣ помѣщика состояло дать крестьянину тотъ или другой надѣлъ и даже вовсе не дать, гдѣ помѣщикъ могъ заставить крестьянина работать на себя въ недѣлю по четыре и по пяти дней и наконецъ сколько захочетъ, но даже въ феодальной Европѣ, гдѣ съ самаго начала феодальной системы земли крестьянъ были строго отдѣлены отъ земель князей и рыцарей, такъ что послѣдніе не имѣли права присоединять крестьянскихъ земель къ своимъ, гдѣ королевская власть уже съ конца XVII столѣтія начала зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы рыцари и вообще феодалы не уменьшали крестьянскихъ надѣловъ, не сливали *участковъ* ихъ или отрѣзковъ отъ нихъ съ своими собственными землями, — даже тамъ, говоримъ мы, оставшіеся передъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, крѣпостные надѣлы, оказались болѣе или менѣе вчерашними, случайными надѣлами. Что же должно было сказать о нашихъ крѣпостныхъ надѣлахъ? — По этому нельзя не признать по меньшей мѣрѣ страннымъ, когда редакціонныя комиссіи послѣ разныхъ своихъ соображеній пришли къ тому окончательному выводу, что «бывшій крѣпостной надѣлъ не былъ явленіемъ произвольнымъ и лишеннымъ разумнаго основанія, что онъ напротивъ установился самъ собою пу-

¹ Тамъ же стр. 130.

темъ самымъ естественнымъ въ силу вѣковыхъ отношеній и взаимныхъ выгодъ того и другого сословія, налагавшихъ на помещика и нравственную и матеріальную необходимость обезпечить въ достаточныхъ размѣрахъ быть своего крестьянина», и что такимъ образомъ «можно съ совершенною достовѣрностію сказать, что существующій нынѣ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи крестьянскій надѣлъ есть, за немногими исключеніями, лучшее и даже единственное правильное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина» ¹.

Но высказавъ разъ такое рѣшительное убѣжденіе относительно нормальности надѣловъ существующихъ, редакціонныя комиссіи должны бы были, по крайней мѣрѣ, не дѣлать ни шагу далѣе. Ибо если существующій надѣлъ былъ дѣйствительно, какъ они выражаются, лучшимъ и единственнымъ мѣриломъ того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина, то далѣе и идти было некуда. Оставалось только отстоять существовавшее *statu quo* крестьянскаго крѣпостного поземельнаго устройства и дѣло было бы кончено. Конечно, дѣйствуя на основаніи этого начала, комиссіи прямо шли бы противъ положительнаго закона, который нормальный крѣпостной надѣлъ опредѣлялъ въ 4 ¹/₂ десятины, а существовавшіе въ дѣйствительности крѣпостные надѣлы въ большей части мѣстностей было гораздо ниже этой нормы. Несомнѣнно также, что отъ обращенія въ собственность крестьянъ тѣхъ самыхъ надѣловъ, которые имѣли они въ крѣпостномъ правѣ, быть крестьянъ нисколько не улучшился бы, какъ того требовали высочайшіе рескрипты, но онъ и не ухудшился бы. Мысль, что крѣпостной крестьянской надѣлъ есть наилучшій, оправданный будто-бы опытомъ вѣковъ, на которой построено было бы рѣшеніе самаго существеннѣйшаго и перваго вопроса въ крестьянской реформѣ, вопроса о надѣлѣ, осталась бы тѣмъ же, чѣмъ она и была, т. е. чистою иллюзіею, неимѣющею для себя никакой реальной почвы, ничего соотвѣтствующаго себѣ въ дѣйствительности; но потерявъ реальную почву подъ своими ногами редакціонныя комиссіи, если-бы неуклонно держались этой мысли, остались бы себѣ вѣрны и послѣдовательны въ области теоріи, были бы тверды на почвѣ логическихъ построеній. Каждому, кто смѣлъ бы ихъ упрекнуть въ невѣрности ихъ основнаго начала, они могли бы отвѣчать: «можетъ быть мы и ошибаемся; *errare humanum est*. Но мы дѣйствуемъ согласно съ принятымъ

¹ Тамъ же т. II, ч. I, стр. 32.

нами разъ навсегда началомъ, не допуская никакихъ отъ него уклоненій, не внося нигдѣ нашего личнаго произвола».

Къ сожалѣнію редакціонныя комиссія не могли удержаться и на этой чисто логической позиціи.

Исходя изъ той мысли, что съ одной стороны было немало имѣній, въ которыхъ помѣщики по великодушію своему предоставляли крестьянамъ чрезмѣрно большіе земельные надѣлы, и даже такихъ, въ которыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ вовсе не существовало и вся принадлежащая помѣщику земля находилась въ безотчетномъ, неограниченномъ владѣніи крестьянъ, а съ другой не было недостатка и въ такихъ помѣщикахъ, «которые заранѣе отобрали всѣ или почти всѣ земли крестьянскаго надѣла, оставивъ крестьянъ или вовсе безъ земли или лишь при самомъ скудномъ ея количествѣ», редакціонныя комиссіи нашли, что со стороны новаго законоположенія было бы какъ несправедливо поддерживать вопіющую неправду послѣднихъ, такъ и великодушіе первыхъ награждать отнятіемъ ихъ собственности. Потому положили въ предупрежденіе подобныхъ несправедливостей, установить для крестьянскихъ надѣловъ два предѣла: *высшій и нисшій*. *Высшій* — максимумъ долженъ показывать, больше чего не можетъ имѣть крестьянинъ, и потому каждый разъ, когда крестьянскій надѣлъ превышаетъ этотъ предѣлъ, весь избытокъ земель противъ него отрѣзывается въ собственность помѣщика. *Нисшій* — минимумъ долженъ показывать, меньше чего не можетъ имѣть крестьянинъ и потому въ случаѣ, если бъ въ какомъ нибудь имѣніи крестьянинъ, владѣлъ землею въ количествѣ, меньшемъ противъ этого нисшаго размѣра, тогда помѣщикъ прирѣзываетъ недостающую землю изъ остальныхъ земель. Нисшій надѣлъ составляетъ не болѣе $\frac{1}{3}$ высшаго надѣла.

Эти новыя положенія редакціонныхъ комиссій стояли уже въ полномъ и рѣшительномъ противорѣчій «съ тѣмъ незыблемымъ, по выраженію министра Ланскаго, основаніемъ, на которомъ должно было воздвигнуться великое дѣло, т. е. съ обезпеченіемъ крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ уплатѣ всѣхъ своихъ повинностей». Ибо если по словамъ самихъ комиссій только существующій надѣлъ удовлетворялъ вполнѣ потребностямъ крестьянамъ, то очевидно, что измышленный ими наименьшій этого на двѣ трети надѣлъ этимъ потребностямъ удовлетворять не могъ и слѣдовательно объ улучшеніи крестьянскаго быта — главной задачѣ комиссій — здѣсь нечего было и думать. Помянутый нами выше членъ-экспертъ Позень весьма резонно возражалъ комиссіямъ, что «если для обезпеченія по-

требностей крестьянамъ нужна высшая норма — maximum надѣла, то низшая, составляя одну треть высшей, доставить крестьянину и обезпеченія только въ одной трети; если-же для обезпеченія достаточна низшая норма, то зачѣмъ обременять крестьянина излишними повинностями за двѣ трети?»¹

Но, главное, новыя положенія комиссій о высшемъ и низшемъ надѣлахъ, совершенно разрушали принятое ими начало о существующихъ надѣлахъ и вносили въ дѣло полный хаосъ и произволь. Наименьшій предѣлъ, который вводили комиссіи, никакъ уже нельзя было назвать надѣломъ существующимъ; конечно и вообще существующіе надѣлы были не болѣе, какъ фикція комиссій, и существовали скорѣе въ фантазіи послѣднихъ, чѣмъ въ дѣйствительности: но такъ называемые существующіе надѣлы, если въ дѣйствительности ихъ никогда и не было, всякій имѣлъ право по крайней мѣрѣ предполагать, потому что они предполагались закономъ. Но тотъ же самый законъ, который предполагалъ извѣстные нормальные надѣлы, этимъ самымъ отвергалъ всякіе другіе надѣлы. Слѣдовательно надѣловъ меньшаго размѣра нельзя было даже и предполагать; по закону это предположеніе было бы чистое *nonsens*. Такимъ образомъ надѣлы меньшаго размѣра были вполне изобрѣтены комиссіями, были ихъ собственнымъ измышленіемъ, неимѣвшимъ основанія ни въ законѣ, ни въ дѣйствительности. Въ добавокъ къ тому они стояли въ прямомъ противорѣчій съ основною задачею комиссій—улучшеніемъ быта крестьянъ. Вводя эти надѣлы, комиссіи становились на почву чистаго произвола, безспорное дѣло обращали въ спорное и въ своихъ спорахъ теряли всякую точку опоры. Потому что если комиссіи считали себя въ правѣ, не имѣя никакихъ основаній, по своимъ личнымъ соображеніямъ, вопреки своей задачѣ, предлагать надѣлы меньшаго размѣра, то съ своей стороны и ихъ противники, депутаты губернскихъ комитетовъ, имѣли равное право также, безо всякихъ основаній, по своимъ соображеніямъ, предлагать и уничтоженіе наибольшихъ надѣловъ, и обезземеленіе крестьянъ и все, что угодно. Такъ оно дѣйствительно и было.

Повидимому и въ этомъ случаѣ позиціи были равны, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ весь перевѣсъ переходилъ на сторону противниковъ комиссій. Комиссіи могли быть сильны единственно точнымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ и развитіемъ тѣхъ

¹ Тамъ же стр. 167.

общихъ началъ, которыя указывались высочайшею волею, закономъ, прямымъ смысломъ ихъ задачи. Въ этой позиціи они были неприступны, потому что все, что прямо вытекало изъ означенныхъ началъ, было по существу своему безспорно и изъ всѣхъ споровъ и пререканій могло выходить не иначе, какъ неизмѣннымъ. Но разъ комиссіи оставляли эту позицію, онѣ вступали въ совершенно для нихъ темную область, — область практическихъ отношеній, въ которой могли идти только ощупью. Они не знали ни тѣхъ мѣстностей, о которыхъ шла рѣчь, ни условій этихъ мѣстностей, ни отношеній, въ нихъ существующихъ. Правда, у нихъ въ рукахъ были данныя по тѣмъ предметамъ, по которымъ ихъ можно было собрать, — но по собственному, непрестанно повторяемому признанію самихъ комиссій, эти данныя были такого рода, что на нихъ ни въ какомъ случаѣ невозможно было положиться съ полною увѣренностью. Комиссіи были поставлены въ необходимость повѣрять свои данныя показаніями своихъ же противниковъ. Послѣдніе дѣйствительно вполнѣ владѣли ключемъ этихъ данныхъ. Они видѣли не только ихъ внѣшнія формулы, но понимали до тонкости весь внутренній смыслъ ихъ, всю скрытую подъ ними подкладку. Потому что они были представителями тѣхъ мѣстностей, о которыхъ шла рѣчь, они знали этѣ мѣстности вдоль и поперекъ; они сами на мѣстахъ участвовали въ выработкѣ тѣхъ формулъ, противорѣчіе которыхъ путало и затемняло дѣло. Но разъяснять эти данныя въ ихъ истинномъ свѣтѣ было, конечно, не въ интересѣ противниковъ комиссій. Если цѣль комиссій состояла въ томъ, чтобы провести по возможности чистыми, безъ излишнихъ компромиссовъ, указанныя имъ общія начала, то цѣль противниковъ комиссій состояла напротивъ въ томъ, чтобы провести свой личный интересъ или вовсе нетронутымъ, или наивозможно менѣе тронутымъ при соглашеніи съ этими началами. Натурально, что противники комиссій могли разъяснять данныя только въ томъ направленіи, которое содѣйствовало ихъ личному интересу. И надобно было видѣть, какіе каждый разъ представляли предъ комиссіями бойцы, когда тотъ или другой частный вопросъ, уклоняясь отъ общихъ началъ, становился въ зависимость отъ соображеній практическаго характера! Кто думаетъ, что Россія бѣдна ораторами или политиками, (такую мысль высказывалъ, помнится, г. Стронинъ), что она неспособна поставить контингента такихъ, на примѣръ, львовъ, какіхъ представляетъ современное версальское собраніе, сильно ошибается. Для разсѣянія предубѣжденія мы рекомендуемъ читать труды редакціонныхъ комиссій по крестьян-

янскому вопросу. Эти труды, содержащіе богатый матерьялъ о ходѣ крестьянскаго дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собою несокрушимый памятникъ благородныхъ предначертаній и краснорѣчія російскаго дворянства на пользу общую.

Не нужно особенной проницательности, чтобы понять, что редакціонныя комиссіи не могли случайно выйдти изъ той неприступной позиціи, въ которую онѣ были поставлены. Если онѣ сдѣлали это, если онѣ поставили себя въ положеніе, болѣе выгодное для ихъ противниковъ, чѣмъ для нихъ самихъ, то, очевидно, что была какая-нибудь причина, которая заставила ихъ такъ дѣйствовать, — и этой причины должны мы здѣсь доис- баться.

Прежде, однакожь, чѣмъ приступимъ къ этому изслѣдованію, мы считаемъ нужнымъ, для устраненія всякихъ недоразумѣній, сдѣлать одну необходимую оговорку. Разсматривая труды комиссій, находя работы ихъ во многихъ случаяхъ неудовлетворительными, мы всего менѣе склонны искать причинъ этой неудовлетворительности въ побужденіяхъ какого нибудь неблаговиднаго свойства. Напротивъ, по нашему искреннему убѣжденію, которое мы и считаемъ долгомъ здѣсь заявить, — всякій, кто будетъ внимательно изучать труды комиссій, не можетъ не убѣдиться въ томъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что члены редакціонныхъ комиссій были люди умные, честные, одушевленные самою искреннею любовію къ народу, старавшіеся изъ всѣхъ силъ о томъ, чтобы вопросъ о надѣлѣ разрѣшить къ общему удовольствію. Но люди эти, занятые почти исключительно настоящей минутой, не довольно внимательно заглядывали въ будущее, въ тѣ многоразличныя отношенія экономическія, моральныя, соціальныя, которыя должны будутъ сложиться изъ того или другаго способа надѣла; далѣе, обращая самое заботливое вниманіе на то, чтобы крестьянская реформа, при своемъ введеніи въ жизнь прошла спокойно, не возбуждая ропота и неудовольствія, тѣмъ болѣе безпокойствъ и потрясеній, — они, какъ люди болѣе теоріи, чѣмъ практики, мало давали цѣны тому хроническому мелкому ропоту и неудовольствію, которыя могли породиться неправильнымъ устройствомъ отношеній и которыя, при видимомъ общемъ спокойствіи, могутъ отравлять повседневную жизнь не только самихъ ропщущихъ и недовольныхъ, но и тѣхъ, которые имѣютъ всѣ причины матеріально быть довольными и не роптать, но которые поставлены въ необходимость жить среди ропщущихъ и недовольныхъ. Наконецъ, самое главное, въ нихъ недоставало той рѣшительности и твердости, которыя однѣ способны приня-

тый разъ принципъ проводить безбоязненно, несмотря ни на какія препятствія, не уклоняясь отъ намѣченной этимъ принципомъ прямой линіи ни на право, ни на лѣво. Послѣдняя добродѣтель при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса каждому изъ членовъ комиссій была нужнѣе, чѣмъ всѣ другія достоинства, вмѣстѣ взятыя. Потому что самая задача комиссій по существу своему была двойная и въ своемъ развитіи подавала непрестанные поводы къ уклоненію отъ прямой линіи. То незыблемое основаніе, — мы снова повторимъ слова министра Ланскаго, — на которомъ должно было воздвигнуться великое дѣло, должно было состоять въ обезпеченіи съ одной стороны помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, съ другой крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ уплатѣ всѣхъ своихъ повинностей. При обезпеченіи собственности помѣщикамъ надобно было имѣть въ виду не только то, чтобы земли помѣщиковъ не отошли къ крестьянамъ задаромъ, не за подлежащую цѣну, но и, какъ выяснено было потомъ, чтобы при устройствѣ крестьянскихъ хозяйствъ было обращено вниманіе на возможное охраненіе большихъ помѣщичьихъ хозяйствъ. Во исполненіе послѣдняго требованія комиссія приняла за непреложное для себя правило, при надѣленіи крестьянъ землею, изъ земель помѣщика не менѣе трети этихъ земель оставлять въ собственности помѣщика, — и сдѣлали это весьма резонно, потому что этимъ въ точности исполнялась высочайшая воля объ охраненіи большихъ хозяйствъ. Но само собою разумѣется, что высочайшая воля требовала охраненія тѣхъ большихъ хозяйствъ, которыя могли быть охранены на законномъ основаніи. Понимать эту волю иначе, было бы противно не только простому здравому смыслу, но и самому достоинству верховной власти. Циркуляръ министра Панина, наложившій немедленно по возникновеніи мысли о крестьянской реформѣ, запрещеніе на продажу всѣхъ тѣхъ помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ земли было не болѣе узаконеннаго количества, т.-е. $4\frac{1}{2}$ десятины на ревизскую душу, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что таковъ именно былъ смыслъ высочайшей воли относительно охраненія большихъ хозяйствъ. Очевидно, что помѣщикъ, у котораго земель было не болѣе, какъ по $4\frac{1}{2}$ десятины на ревизскую душу, не могъ имѣть права удержать въ своей собственности ни одной десятины изъ этихъ земель; потому что, по ясному смыслу закона, земли эти, какъ бывшія въ пользованіи крестьянъ, должны были отойти въ ихъ собственность за опредѣленный, конечно, выкупъ. Тутъ со стороны комиссій не требовалось никакого охраненія для земель

помѣщика. Но возможны были другіе случаи, гдѣ помѣщикъ могъ нуждаться въ такомъ охраненіи. Положимъ, онъ имѣлъ бы земель не по $4\frac{1}{2}$ д., а по 7 десятинъ на душу. Комиссіи, имѣя въ виду высочайшую волю о наилучшемъ устройствѣ быта крестьянъ, могли постановить такую высокую норму для крестьянскихъ надѣловъ, что у помѣщика, несмотря на избытокъ земель противъ крестьянской крѣпостной нормы, при новыхъ надѣлахъ земли или вовсе не осталось бы, или осталось бы только ничтожное количество. Такія только или подобныя имъ имѣнія, которыя можно было охранять на законномъ основаніи, и могло имѣть въ виду помянутое требованіе высочайшей воли. Еслибы это требованіе комиссіи поняли въ такомъ именно смыслѣ, то имъ никогда бы не нужно было изобрѣтать минимума надѣла. Минимумъ надѣла представлялъ бы собой крѣпостной поземельный надѣлъ въ $4\frac{1}{2}$ десятины. Еслибы у помѣщика такого количества земли не было, то комиссіямъ оставалось бы, надѣливъ узаконеннымъ количествомъ земли тѣхъ, кого можно было надѣлить, остальные затѣмъ души перевести на казенныя земли. Такимъ образомъ комиссіи имѣли полное право принять за непреложное для себя правило оставлять помѣщику треть его земель, но съ таковымъ ограниченіемъ, что правило это исполняется только на законномъ основаніи, т.-е. когда сохраненіе трети земель помѣщику не влечетъ за собою пониженія крестьянскихъ надѣловъ ниже узаконенной крѣпостной нормы надѣла, т.-е. въ $4\frac{1}{2}$ десятины на ревизскую душу.

Но комиссіи захотѣли быть *plus royalistes, que le roi*. Онѣ рѣшились сохранить каждому помѣщику не менѣе трети его земель, не обращая вниманія на то, на сколько соразмѣрна численность живущаго на этихъ земляхъ крѣпостнаго населенія съ количествомъ земель и сохранена ли здѣсь не только полная крѣпостная норма, т.-е. $4\frac{1}{2}$ десятины земли на душу, но даже двѣ трети или половина этой нормы и т. д. При подобномъ приѣмѣ комиссіи, натурально, не могли обойтись безъ того, чтобы не прибѣгнуть къ измышленію такого размѣра надѣла, который никогда не существовалъ и даже не могъ существовать, потому что ни для какого хозяйства не былъ годенъ. Предположимъ, помѣщикъ имѣлъ 100 душъ крестьянъ и 300 десятинъ земли. Такъ какъ здѣсь до законной крѣпостной нормы надѣла въ $4\frac{1}{2}$ десятины на душу не доставало еще 150 десятинъ, то изъ этой земли по закону не только не слѣдовало давать ни одного вершка помѣщику, но и изъ крестьянскаго населенія, имѣя въ виду, согласно высочайшей волѣ, прочное устройство его хозяйства,

можно было дать надѣль не болѣе, какъ только двумъ третямъ крестьянъ, остальную треть слѣдовало перевести на государственныя земли и надѣлить ихъ тамъ. Комиссiи же вмѣсто этого поставили дѣло такимъ образомъ: изъ 300 десятинъ земли онѣ одну треть, т.-е. 100 десятинъ отдавали помѣщику; затѣмъ остающіяся 200 десятинъ дѣлили на все наличное число крестьянскихъ душъ, но не по ровну, а соображаясь съ тѣмъ, какой существующей надѣль изысканъ былъ ими въ той мѣстности, гдѣ лежало имѣнiе. Если этотъ существующей надѣль оказывался въ 3 десятины, то 3 десятины признавались *maximum* надѣла для данной мѣстности, а *minimum* по положенiю составляла 1 десятина. Такъ какъ изъ 200 десятинъ нельзя было дать всѣмъ 100 человѣкамъ высшаго надѣла, то земля дѣлилась такимъ образомъ, что 50 человѣкъ получали надѣль высшій, а 50 надѣль нисшій. Что при такомъ способѣ надѣла цѣль надѣла совершенно извращалась, т.-е. надѣль былъ соображаемъ не съ потребностями крестьянскаго хозяйства, а съ наличнымъ количествомъ земель, имѣющихся у помѣщика, и потому главная и прямая задача комиссiй, или, какъ выражался министръ Ланской, то незыблемое основанiе, на которомъ должно было воздвигнуться великое дѣло, т.-е. улучшение быта крестьянъ, совершенно терялось изъ виду, это очевидно само собою. Зло еще не было бы, конечно, очень велико, еслибы надѣлы *minimum* встрѣчались только, какъ исключенiя въ немногихъ малоземельныхъ имѣнiяхъ и въ общей суммѣ надѣловъ представляли собою какiя-нибудь сотни. Къ сожалѣнiю, вышло совсѣмъ не такъ. Принятое комиссiями правило оставлять помѣщику въ собственность треть его земель, независимо отъ того, сохранилъ ли онъ узаконенную крѣпостную норму надѣла въ $4\frac{1}{2}$ дес. на душу живущаго на его земляхъ населенiя или нѣтъ, неизбежно должно было повліять повсюду на величину надѣловъ *maximum*овъ, и понизивъ послѣднiе, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужить къ распространенiю *minimum*овъ.

Мы уже сказали выше, что существующей надѣль былъ вообще, скорѣе величиною фиктивной, чѣмъ дѣйствительною. Чтобы разыскать его, надобно было, очевидно, принять во вниманiе большинство сходныхъ надѣловъ въ той или другой мѣстности и представляющей это большинство надѣль признать за надѣль существующей, т.-е. за наивысшій надѣль *maximum*. Но большинство имѣнiй во всѣхъ губернiяхъ составляли имѣнiя малолюдныя съ небольшимъ числомъ крѣпостныхъ и, слѣдовательно, малоземельныя. Такъ имѣнiя отъ 21 д. до 100 душъ имѣли

Въ губ. Воронежской	2066	пом.	при общемъ числѣ всѣхъ пом.	2475
» Курской	4668	»	»	5363
» Орловской	2655	»	»	3732
» Пензенской	1242	»	»	1269
» Рязанской	3991	»	»	5134
» Смоленской	4370	»	»	5208
» Тамбовской	2350	»	»	3164
» Тульской	2623	»	»	3860
» Херсонской	2269	»	»	2591
» Черниговск.	3792	»	»	4238

т. е. въ общемъ числѣ помѣщиковъ въ каждой губерніи многодушные, многоземельные помѣщики составляли не болѣе $\frac{1}{3}$, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ наприм. въ Курской, Смоленской число ихъ понижалось чуть не до $\frac{1}{8}$. Такимъ образомъ существующій надѣлъ вездѣ долженъ былъ обуславливаться имѣньями малоземельными, въ которыхъ притомъ количество земли часто было, быть можетъ, вдвое и даже втрое меньше указанной въ законѣ крѣпостной нормы надѣла на каждую ревизскую душу. Само собою разумѣется, что въ такихъ имѣніяхъ крестьянскій надѣлъ былъ очень незначителенъ. Хотя комиссіи и говорятъ, что «онѣ опредѣляли высшіе предѣлы крестьянскихъ надѣловъ въ черноземныхъ мѣстностяхъ (или что тоже существующіе надѣлы), по особымъ условіямъ каждой изъ нихъ и по общему количеству всѣхъ земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, имѣя при этомъ въ рукахъ разработанныя свѣдѣнія только объ имѣньяхъ свыше 100 душъ», однако «для убѣжденія въ правильности своихъ соображеній признали необходимымъ сравнить принятыя цифры наибольшихъ размѣровъ съ свѣдѣніями о дѣйствительныхъ крестьянскихъ надѣлахъ, въ виду правила, чтобъ отрѣзываніе излишнихъ земель (отъ крестьянъ) всегда составляло характеръ исключенія и ни въ какомъ случаѣ не обращалось бы въ правило»¹. Что сравненіе это было болѣе, чѣмъ простое сравненіе, что напротивъ свои соображенія о надѣлахъ, составленныя на основаніи общаго количества земель въ помѣщичьихъ имѣньяхъ и разработанныхъ свѣдѣній по имѣніямъ съ населеніемъ свыше 100 душъ, комиссіи исправили согласно съ надѣлами существующими, въ этомъ читатель легко убѣдится, сличивъ слѣдующую представляемую нами для примѣра таблицу о надѣлахъ губерніи *Курской* и нѣкоторыхъ черноземныхъ уѣздовъ губерніи *Вятской*.

¹ Крестьянское дѣло Т. II, Ч. II, стр. 1054.

Губернія Курская черноземная вся.	Земли на душу по описаніямъ помѣщичьихъ имѣній.		на высшій надѣль на душу.
	Всей вообще.	Въ пользован. крестьянъ.	
Уѣзды:			
Бѣлгородскій	9,35	2,68	3
Грайворонскій	3,66	2,22	2 ³ / ₄
Дмитріевскій	6,09	3,20	3 ¹ / ₂
Корочевскій	4,69	2,15	2 ³ / ₄
Курской	7,63	2,57	3
Львовскій а) въ южной части . . .	6,36	2,52	2 ³ / ₄
» б) въ сѣверной части . . .	6,36	2,52	3
Новооскольскій	5,02	2,56	3
Обоянскій	6,34	2,66	3
Путивльскій	5,39	2,30	2 ³ / ₄
Рыльскій а) въ южной части . . .	6,31	2,62	2 ³ / ₄
» б) въ сѣверной части . . .	6,31	2,62	3
Старооскольскій	5,70	2,51	3
Суджанскій	5,76	2,34	3
Тимскій	9,61	3,06	3 ¹ / ₄
Щигровскій	7,58	2,94	3
Фатежскій	7,78	2,67	3
Черноземные уѣзды Вятской губ.			
Елабужскій	19,21	2,81	5
Малмыжскій	21,59	3,83	5
Сарапульскій	8,64	2,67	4 ¹ / ₂

Если читатель нѣсколько всмотрится въ эту таблицу, то увидитъ, что величина надѣловъ соразмѣряется здѣсь не съ количествомъ всей земли, приходящейся въ томъ или другомъ уѣздѣ на душу, а съ количествомъ земли, находящейся или, правильнѣе сказать, показанной въ дѣйствительномъ пользованіи, такъ что въ Бѣлгородскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, въ которомъ приходится 9³/₄ десятинъ на душу, надѣль полагается въ 3 десятины на душу, а въ Дмитріевскомъ въ 3¹/₂, хотя всей земли на душу въ послѣднемъ почти только 6 десятинъ. Ту же самую несообразность между величиною надѣла и общимъ количествомъ земель на душу не трудно примѣтить и въ уѣздахъ Фатежскомъ, Суджанскомъ, Новооскольскомъ и т. д. Если сличить надѣлы

уѣздовъ по обѣимъ губерніямъ, то несообразности окажется еще болѣе. Если въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, при общемъ количествѣ земли на душу въ 6,09 десятинъ, данъ надѣлъ въ $3\frac{1}{2}$ десятины, то въ Елабужскомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ Вятской губерніи, при общемъ количествѣ земли на душу въ первомъ 19,21 десят., во второмъ 21,59 десят., могъ бы быть данъ надѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ $10\frac{1}{2}$ десятинъ. Отчего онъ ограниченъ только 5-тью?—Ясно, что надѣлы повсюду соображались не столько съ общимъ количествомъ земель на душу въ той или другой мѣстности, сколько, — а большею частію едва ли даже не исключительно, — съ дѣйствительнымъ надѣломъ мелкихъ имѣній, т. е., говоря иначе, мелкія имѣнія, сильно обезземеленныя противъ узаконенной крѣпостной нормы, вездѣ понизили размѣръ существующаго или, что то же, наибольшаго надѣла. Послѣдствіемъ этого было то, что многіе изъ лучшихъ крестьянскихъ надѣловъ, бывшихъ при крѣпостномъ порядкѣ, оказались неподходящими подъ новый наибольшій надѣлъ и подверглись обрѣзкѣ. Въ черноземныхъ уѣздахъ различныхъ губерній изъ общаго числа помѣщичьихъ имѣній, по свидѣтельству самихъ комиссій, подверглось такой обрѣзкѣ 25%; причемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ процентъ стоитъ еще выше этого. Такой процентъ мы находимъ очень значительнымъ, но комисіи не находятъ его значительнымъ, однакожь, дѣлаютъ при этомъ слѣдующее характеристическое примѣчаніе: «свѣдѣнія о дѣйствительныхъ крестьянскихъ надѣлахъ разработаны только по имѣніямъ съ населеніемъ болѣе 100 душъ, потому, еслибы представилась возможность сравнить число душъ крестьянъ, которые могутъ подвергнуться отрѣзкѣ земель, то отношеніе это было бы менѣе благоприятно, и потому редакціонныя комиссіи выразили опасеніе, что *принятые ими размѣры наибольшихъ размѣровъ малы* и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ» ¹.

Что касается до нечерноземныхъ уѣздовъ разныхъ губерній, то они подвергались обрѣзкѣ при новыхъ надѣлахъ еще въ сильнѣйшей степени. «Изъ сравненія проектированныхъ наибольшихъ размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ для нечерноземныхъ губерній, — говорятъ редакціонныя комиссіи, — сдѣлалось ясно, что число имѣній, въ которыхъ находятся излишнія земли, значительнѣе, чѣмъ въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Весьма немного уѣздовъ, въ которыхъ число это оказалось менѣе $\frac{1}{5}$ части; большинство же уѣздовъ колеблется между $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$. Нельзя также сказать,

---

¹ Тамъ же.

чтобы незначительная часть уѣздовъ превышала это отношеніе, которое въ нѣкоторыхъ уѣздахъ доходитъ до $\frac{1}{2}$ и даже болѣе. Но редакціонныя комиссіи, — продолжаютъ онѣ же сами, — несмотря на это, не рѣшились идти далѣе въ возвышеніи наибольшаго размѣра, *въ видахъ оградженія помѣщиковъ*, и имѣя въ виду, что во многихъ даже многоземельныхъ оброчныхъ имѣніяхъ вся земля показана въ пользованіи крестьянъ, хотя часть ея вовсе не имѣетъ никакого хозяйственнаго употребленія. Поэтому, — заключаютъ комиссіи, — такія показанія о количествѣ крестьянскихъ угодій нельзя считать за дѣйствительныя крестьянскіе надѣлы, и въ подобныхъ случаяхъ будетъ не отрѣзка земли отъ крестьянъ, а разграниченіе крестьянскихъ угодій отъ господскихъ»¹.

Въ степной полосѣ надѣлъ вышелъ еще болѣе случайнымъ и мелкимъ, чѣмъ въ обѣихъ предшествующихъ. Хозяйство производится здѣсь по особой системѣ, такъ называемой залежной. Одна и та же земля засѣвается обыкновенно по нѣсколькѣ лѣтъ сряду въ лучшихъ мѣстностяхъ, — несолонцеватыхъ отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ — самое большее, — и потомъ отдыхаетъ, служа для пастбища, никакъ не менѣе 10-ти лѣтъ; въ худшихъ мѣстностяхъ съ солонцеватыми почвами земля обрабатывается сряду отъ 2-хъ до 3-хъ, и самое большее четырехъ лѣтъ, и потомъ отдыхаетъ не менѣе 15-ти лѣтъ. Безъ такого продолжительнаго отдыха земли солонцеватыя не могутъ давать ничего, а земли песчаная превратятся просто въ сыпучіе пески. Во время крѣпостнаго права, когда у крестьянъ обрабатываемая земля приходила къ выпашкѣ, помѣщикъ, обыкновенно, отводилъ имъ новыя земли, оставляя старыя на отдыхъ. Земель здѣсь вообще было больше, чѣмъ въ мѣстностяхъ черноземной и нечерноземной, а потому обыкновенно крестьяне пахали, сколько позволяли имъ силы. Различіемъ этихъ силъ и опредѣлялась величина крестьянскихъ посѣвовъ, такъ что здѣсь, собственно говоря, никакихъ надѣловъ не было. Здѣсь комиссіямъ предстояло опредѣлить размѣръ надѣла самимъ по собственному усмотрѣнію. Такъ какъ у комиссій не было никакихъ свѣдѣній о томъ, сколько именно земли нужно здѣсь для крестьянскаго хозяйства, и какъ должна долго отдыхать земля въ разныхъ мѣстностяхъ, то казалось бы, не было ничего проще, какъ добыть эти свѣдѣнія посредствомъ спроса самихъ крестьянъ. Но редакціонныя комиссіи предпочли, относительно надѣловъ въ степныхъ мѣстностяхъ, идти путемъ совершенно теоретическимъ, именно слѣдующимъ:

¹ Тамъ же, стр. 1,071.

Имѣя въ виду, что въ мѣстностяхъ правильнаго трехпольнаго хозяйства наибольшій размѣръ надѣла состоитъ изъ 2-хъ хозяйственныхъ десятинъ въ полѣ, слѣдовательно, въ двухъ поляхъ ежегодно занимается посѣвами хлѣбовъ 4 хозяйственныхъ или, что то же, $5\frac{1}{2}$ указныхъ десятинъ, редакціонныя комиссіи пришли къ тому заключенію, что, увеличивъ это количество до 6-ти десятинъ, можно въ степной полосѣ, по общему здѣсь многоземелью, признать этотъ надѣлъ за обыкновенный, не допуская при немъ, какъ въ другихъ полосахъ, никакого минимума. Но, устанавливая такой надѣлъ, редакціонныя комиссіи сами же сознавались, что «онѣ не отвергаютъ, чтобы тутъ не было поуртывности въ невылуду крестьянъ, хотя, безъ сомнѣнія (!?), незначительной» ¹. Но этотъ найденный обыкновенный размѣръ надобно было, кромѣ того, приспособить къ условіямъ залежнаго хозяйства, требующаго болѣе или менѣе долготѣняго отдыха почвы. Такъ какъ, по вышеприведеннымъ даннымъ, почва въ однѣхъ мѣстностяхъ требовала отдыха не менѣе 10-ти лѣтъ, въ другихъ не менѣе 15-ти лѣтъ, то было очевидно, что, принимая надѣлъ на душу въ 6 десятинъ, нельзя было въ первыхъ мѣстностяхъ дать земли на каждую душу менѣе двухъ надѣловъ, т. е. 12 десятинъ на душу, а во вторыхъ менѣе трехъ, т. е. менѣе 18-ти десятинъ на душу. Но комиссіи нашли такой надѣлъ *стѣснительнымъ для помѣщиковъ*. Потому, исходя изъ той мысли, что приведенныя выше данныя о необходимыхъ срокахъ отдыха для земель взяты съ земель оброкосодержателей, которые обыкновенно снимаютъ пустопорожнія земли, лишеныя толоки скотомъ, кромѣ того, платя дорогія цѣны за вольнонаемныя работы, они должны разсчитывать на хорошіе урожаи, чтобы не понести убытковъ, комиссіи нашли, что у крестьянъ въ обоихъ этихъ случаяхъ обстановка гораздо выгоднѣе, потому земля у нихъ подъ посѣвомъ можетъ оставаться не болѣе 3-хъ лѣтъ, а слѣдовательно, и срокъ ея отдохновенія можно сократить отъ 9-ти до 5-ти лѣтъ, смотря по качеству почвы. На основаніи всего этого комиссіи раздѣлили степную полосу на 3 разряда, установивъ для *перваго* разряда надѣлъ на душу въ $6\frac{1}{2}$ десятинъ, для *втораго* въ $8\frac{1}{2}$ десятинъ, для *третьяго* въ $10\frac{1}{2}$ десятинъ. Такъ какъ въ первомъ разрядѣ всѣхъ помѣщичьихъ земель считалось отъ 20 до 36 десятинъ на душу, во второмъ отъ 27 до 36, въ третьемъ 36 десятинъ, то очевидно, что во всѣхъ трехъ разрядахъ въ собственность крестьянъ поступило менѣе трети общаго количества всѣхъ земель, хотя по положенію комиссій, постановленному

¹ Крестьянское дѣло. Скребицкаго. Т. II-й, стр. 1,057.

особо для степной полосы, онѣ не обязывались оставлять во владѣніи помѣщиковъ болѣе половины общаго количества земли. Слѣдовательно мелкопомѣстные имѣнія и въ степной полосѣ оказали свое дѣйствіе на пониженіе размѣра крестьянскаго надѣла. По всей вѣроятности, соображаясь съ территориями этихъ имѣній, редакціонныя комиссіи дѣлали свои совершенно уже произвольныя постановленія и о количествѣ земли, которая требуется здѣсь для крестьянскаго хозяйства, и о срокахъ, необходимыхъ для отдыха земли въ разныхъ мѣстностяхъ.

Относительно надѣловъ минимумовъ мы уже сказали выше, что они даже своимъ происхожденіемъ обязаны мелкимъ имѣніямъ, оказавшимся малоземельными противу узаконенной крѣпостной нормы надѣла. Не будь послѣднихъ, не было бы никакихъ надѣловъ минимумовъ. Но эти имѣнія, кромѣ того, повліяли на самую величину надѣловъ минимумовъ, уменьшивъ ихъ и посредственно чрезъ пониженіе размѣра наибольшихъ надѣловъ, и непосредственно чрезъ пониженіе первоначально принятой комиссіями величины минимумовъ. Редакціонныя комиссіи, дѣлая соображенія о надѣлахъ по свѣдѣніямъ, разработаннымъ только объ имѣніяхъ свыше 100 душъ, первоначальный размѣръ надѣловъ минимумовъ положили въ $\frac{2}{3}$ наибольшаго надѣла. Но когда оказалось, что въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ надѣлы менѣе щедры, чѣмъ въ большихъ, то, говорятъ комиссіи, признано было «для строгаго соблюденія правила объ исключительности прирѣза земли еще понизить наименьшій размѣръ, принявъ его въ $\frac{1}{3}$ противъ высшаго предѣла крестьянскихъ надѣловъ»¹. Но дѣло и этимъ не ограничилось. Въ числѣ имѣній, которыя на общепринятомъ языкѣ называются мелкопомѣстными, есть немало имѣній *официально* такъ-называемыхъ мелкопомѣстныхъ,¹ каковыми по закону признаются всѣ помѣстья, имѣющія менѣе 21 д. Эти имѣнья были такъ обезземелены, что не въ состояніи были выдѣлить и того ничтожнаго минимума, который былъ установленъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, оказалось 40,785 помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе, чѣмъ по 21 ревизской душѣ. Въ общей сложности всѣ эти помѣщики владѣли 325,627 душами, изъ которыхъ 137,244 было вовсе безземельныхъ и неимѣющихъ усадебной осѣдлости. Но и затѣмъ владѣльцы все-таки далеко не имѣли узаконенной крѣпостной нормы надѣла на душу. Комиссіи поставлены были въ недоумѣніе: что имъ тутъ дѣлать? По принятому ими принципу, онѣ

¹ Тамъ же, стр. 1,073.

должны были бы и здѣсь оставить помѣщику треть земель; но имѣнія были такъ ничтожны, что изъ трети земель у помѣщика не могло образоваться никакого хозяйства. Къ тому же, при надѣлѣ всѣхъ крестьянъ даже минимумомъ надѣла у помѣщиковъ многихъ изъ этихъ имѣній не осталось бы не только трети, но и ни клочка земли. Лучшее, что можно бы было сдѣлать—это переселить крестьянъ на казенныя земли, оставивъ помѣщикамъ всю имѣвшуюся въ ихъ рукахъ землю. Но комиссіи нашли, что «поставить правиломъ, что крестьянинъ долженъ оставить и родину и кровь свой, потому только, что у владѣльца все имущество не превышаетъ 21 души, было бы высшею несправедливостію въ отношеніи къ первымъ; а въ отношеніи къ вторымъ — насильственное удаленіе изъ мѣстъ малонаселенныхъ будущихъ сѣмщиковъ земли лишило бы ихъ надежды на вѣроятное возвышеніе цѣны на нее»¹. Такимъ образомъ, при невозможности развязать представлявшійся гордіевъ узелъ путемъ принятыхъ принциповъ оставалось разрубить его помимо послѣднихъ. Такъ и сдѣлали комиссіи. Они освободили мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ 1) отъ обязанности надѣлать землею всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые не были надѣлены ею въ крѣпостномъ правѣ, причисливъ послѣднихъ къ имѣніямъ въ качествѣ дворовыхъ, но съ правомъ, впрочемъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, требовать, если пожелаютъ, надѣла на государственныхъ земляхъ съ пособіемъ отъ казны на первоначальное обзаведеніе и устройство и съ разными льготами, предоставляемыми переселенцамъ; 2) отъ обязанности прирѣзывать къ существующему въ ихъ имѣніяхъ крестьянскому надѣлу, какъ бы онъ ни былъ въ сравненіи съ назначеннымъ для той мѣстности *minimum*'омъ надѣла, недостающее до этого *minimum*'а количество земли. Даже еслибы во всемъ имѣніи крестьяне кромѣ усадьбы и усадебной земли никакой другой земли не имѣли, они должны были довольствоваться этою землею. Правда, имъ предоставлялось право, какъ и бывшимъ безземельнымъ, на общемъ основаніи съ послѣдними, требовать надѣла на земляхъ государственныхъ, но въ томъ только случаѣ, «буде владѣлецъ изъявитъ на это согласіе»². Но была ли владѣльцу какая нибудь выгода давать такое согласіе? Мы думаемъ, никакой. Хотя усадебная земля крестьянъ по переселеніи ихъ на государственныя земли поступала въ собственность помѣщика,

¹ Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій. *Третій періодъ*. Ч. IX. Докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 22 о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, стр. 32.

² См. тамъ же ч. XVIII, стр. 839—846.

но усадебныя земли оцѣнены вообще такою высокою цѣною, которой помѣщикъ не могъ получить никогда при свободной продажѣ своей земли, слѣдовательно, ему всегда выгоднѣе было получить за нее выкупныя деньги, тѣмъ болѣе, что крестьяне сидящіе на его землѣ съ одною усадебною осѣдлостію представляли собою тѣхъ именно желанныхъ съемщиковъ земли, способныхъ возвысить цѣны на нее, о которыхъ говорятъ комиссіи въ приведенномъ нами мѣстѣ и лишаться которыхъ никоимъ образомъ было бы неблагоприятно.

Такихъ, впрочемъ, желанныхъ съемщиковъ земли для возвышенія цѣнности помѣщичьихъ имѣній представляли собою и всѣ крестьяне, получившіе минимумы надѣловъ. Эти минимумы повсюду были ничтожны.

Въ 121 уѣздѣ черноземной полосы наименьшій надѣлъ, начинаясь отъ 0,92 десятины не восходилъ выше 1,8 десятины. Изъ 212 уѣздовъ нечерноземной полосы онъ въ 147 уѣздахъ, начинаясь отъ 1,1 десятины, не поднимался выше 1,9 десятины; только въ остальныхъ заключалъ въ себѣ по мѣстамъ около двухъ десятинъ, большею частію по двѣ десятины, а иногда доходилъ до 2,7 десятины. Какъ велико число душъ, получившихъ минимум надѣла въ черноземной и нечерноземной полосахъ Россіи, неизвѣстно, — но надобно полагать, что оно было очень значительно, ибо малоземельныя имѣнія, какъ мы видѣли, вездѣ преобладали, составляя въ разныхъ губерніяхъ отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{7}{8}$ общаго числа имѣній. Что ни на одной десятинѣ въ черноземной полосѣ, ни на двухъ въ нечерноземной ничего похожаго на дѣйствительное хозяйство составить нельзя, — это понятно само собою. Поэтому проектъ комиссій о наименьшихъ надѣлахъ встрѣтилъ возраженіе даже въ тѣхъ изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые, отстаивая выгоды дворянъ, не желали однакожь окончательно руинировать и крестьянъ. Одни изъ этихъ членовъ требовали установленія одного только наибольшаго однообразнаго надѣла для всѣхъ крестьянъ. Другіе настаивали, по крайней мѣрѣ, на увеличеніи минимума до $\frac{3}{4}$ наибольшаго надѣла. Замѣчательны въ этомъ случаѣ слова Кошелева (рязанскаго), замѣчательны потому, что стоя вполнѣ на сторонѣ дворянскихъ интересовъ, онъ однакожь находилъ несправедливымъ отнимать земли у крестьянъ и награждать ими тѣхъ помѣщиковъ, которые противузаконно обезземелили свои имѣнія. Требуя наименьшаго надѣла въ $\frac{3}{4}$ наибольшаго, Кошелевъ утверждалъ, что только такой минимум (составляющій въ сѣверной части Рязанской губерніи — двѣ, а въ южной $1\frac{3}{4}$ на душу) будетъ соответствовать требованіямъ рескрипта и доставить крестьянамъ надѣлъ не недостаточный. Опровергая низкій минимум, уста-

новленный комиссіями, онъ говоритъ: «будетъ, конечно, много случаевъ, въ которыхъ по малоземелью, крестьяне останутся при скудномъ надѣлѣ, но умножать число таковыхъ произвольно, награждать помѣщиковъ, лишившихъ своихъ крестьянъ вовсе земли, и, вмѣсто отмѣны вопіющей несправедливости, освящать ее, это я считаю дѣломъ невозможнымъ. Уваженіе къ совершившемуся факту должно имѣть свои границы, — и когда явно нарушены требованія справедливости, то законъ долженъ отмѣнить неправду и возвратитъ крестьянамъ имъ слѣдующее»¹.

Если мы сообразимъ и сведемъ къ одному итогу все вышесказанное, то окажется слѣдующее:

1) По признанію самихъ комиссій изъ общаго числа имѣній въ черноземныхъ мѣстностяхъ болѣе, чѣмъ въ четверти имѣній, прежній крѣпостной надѣлъ уменьшенъ.

2) По признанію самихъ же комиссій подобное уменьшеніе бывшихъ надѣловъ въ нечерноземной полосѣ въ большей части имѣній колеблется между $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$, доходя въ незначительной части до половины и даже болѣе.

3) Какъ въ черноземной, такъ и нечерноземной полосѣ есть очень много крестьянъ, которые получили надѣлы минимумы, а нѣкоторые даже надѣлы меньше этихъ минимумовъ.

4) Къ числу получившихъ надѣлы минимумы должно отнести и такъ-называемыхъ *дарниковъ*, т.-е. крестьянъ, отказавшихся отъ надѣла и получившихъ четвертую часть наивысшаго надѣла въ даръ. Число такихъ дарниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень значительно. Такъ въ показаніи г. Галкина-Враскаго, данномъ въ высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, значитъ, что въ Саратовской губерніи, въ уѣздахъ Сердобскомъ и Балашовскомъ въ сѣверной части Аткарскаго, въ нѣкоторыхъ частяхъ Камышенскаго и Саратовскаго, такихъ дарниковъ считается до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ².

Такимъ образомъ, можно утвердительно сказать, что большая часть освобожденныхъ крестьянъ получили количество земли гораздо меньшее, чѣмъ какимъ они пользовались во время крѣпостнаго права, хотя освободившись отъ барщинныхъ работъ, которыя отнимали у нихъ прежде половину и даже болѣе времени, они могли бы теперь обрабатывать для себя земли вдвое бо-

¹ Крестьянское дѣло Т. II, Ч. I, стр. 167.

² Докладъ высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. 1873 г. Прилож. VI, стр. 215.

лѣе, чѣмъ сколько обрабатывали прежде. Это одоовременное съ одной стороны удвоеніе рабочихъ силъ, съ другой уменьшеніе орудія производства болѣе, чѣмъ на половину противу прежняго, составляетъ внутреннее противорѣчіе нашей системы надѣловъ, которое немедленно разрушило бы нашу выкупную операцію, еслибы она не была поддерживаема новымъ временнымъ закрѣпленіемъ освобожденныхъ силъ. Такимъ образомъ, закрѣпленіе, по нашему мнѣнію, составляетъ только слѣдствіе принятой неудобной системы надѣловъ, совершенно не соотвѣтствующей нашимъ условіямъ, и составляетъ само по себѣ моментъ несущественный въ дѣлѣ; при другой системѣ надѣловъ оно могло бы существовать въ той же самой формѣ, въ какой существуетъ и теперь и не имѣть характера закрѣпленія. Въ такой же точно формѣ, какъ у насъ, оно существовало въ выкупной операціи и Австріи, и Пруссіи, но тамъ оно по причинамъ, о которыхъ мы уже сказали, не связывало свободы лица.

Нѣкоторые думаютъ совершенно иначе. Они существенное зло видятъ не въ системѣ нашихъ надѣловъ, а именно въ случайномъ слѣдствіи этой системы—закрѣпленіи. Еслибы подобныя мнѣнія принадлежали тѣмъ лицамъ, которыя во время разрѣшенія крѣпостнаго вопроса защищали прелести, такъ-называемой, *волчьей воли* и требовали полного обезземеленія крестьянъ, то объ нихъ не стоило бы и говорить. Къ сожалѣнію, такое точно мнѣніе высказывается людьми, которымъ недавно высочайше было поручено войдти въ разсмотрѣніе послѣдствій реформы въ нашемъ сельско-хозяйственномъ бытѣ и озаботиться пріисканіемъ мѣръ для устраненія существующихъ здѣсь неустройствъ. Мы разумѣемъ нѣкоторыхъ лицъ, засѣдавшихъ въ высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства, въ особенности дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Бушена. Г. фонъ-Бушень, не заикается ни однимъ словомъ о фундаментѣ крестьянской реформы, системѣ надѣловъ, и весь недостатокъ реформы видитъ въ формальной сторонѣ дѣла, именно въ томъ, что отмѣнивъ самыя крупныя и вопіющія стѣсненія личности, реформа эта оставила, однакожь, нетронутыми многія изъ нихъ. Изъ такихъ оставшихся стѣсненій онъ указываетъ на два: 1) на прикрѣпленіе лица къ землѣ и 2) къ общинѣ. По его мнѣнію «*прикрѣпленіе къ землѣ*—(Hörigkeit der Scholle, servage de la glebe, glebae adscriptio) — суть крѣпостнаго права. Въ Россіи,—говоритъ онъ,—съ отмѣною крѣпостнаго права, это прикрѣпленіе осталось въ полной силѣ. Крестьянинъ крѣпокъ по прежнему землѣ; не земля ему принадлежитъ, а онъ землѣ. Если земля его не въ состояніи прокормить, онъ все-таки броситъ ее

не можетъ. Ища пропитанія на фабрикѣ ручнымъ трудомъ, отхожимъ промысломъ, наймомъ, онъ все-таки долженъ платить за землю и считается *de jure* земледѣльцемъ и сельскимъ обывателемъ, а *de facto* дѣлается амфибіею и не можетъ ни отстать отъ одного, ни пристать къ другому»¹. По этой приведенной нами выдержкѣ надобно думать, что г. фонъ-Бушенъ иностранецъ и нашихъ отношеній совершенно не знаетъ. Онъ обсуживаетъ наши отношенія по иностраннымъ. Извѣстно, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ сильно развита городская жизнь, различные городскіе промыслы,—изъ массъ въ нѣкоторыхъ странахъ четверть, въ другихъ треть, если не болѣе, родились и воспитались въ мастерскихъ, на фабрикахъ, на заводахъ и т. п., не видавъ никогда земледѣлія. Если людей, воспитанныхъ такимъ образомъ взять и посадить на землю и заставить платить за нее, то, конечно, это будетъ значить насильно привязать ихъ къ такому труду, къ которому они не привычны и не способны, — и они, дѣйствительно, будутъ съ земли бѣжать на фабрики или заводы и будутъ представлять собой амфибіи, которыя не пристають къ фабрикѣ и заводу, и не могутъ отстать и отъ земли, имъ данной. Но наши крестьяне находятся въ совершенно другомъ положеніи. Они родились и воспитались на земледѣльческомъ трудѣ, къ этому только труду привычны и такой трудъ только и знаютъ. Слѣдовательно, если они отъ земли бѣгутъ на фабрики, то вовсе не по желанію или охотѣ, а потому только, что земля, данная имъ, ихъ, какъ выражается г. фонъ-Бушенъ, прокормить не можетъ. Ихъ трудъ закрѣпощенъ теперь дѣйствительно, но только недостаткомъ земли, ибо это заставляетъ ихъ бѣгать и искать непріятнаго и не подручнаго труда на фабрикахъ. Но дайте имъ такой надѣлъ земли, который можетъ ихъ прокормить и удовлетворить всѣмъ ихъ потребностямъ и прикрѣпите ихъ къ нему, тогда это прикрѣпленіе потеряетъ всякій стѣснительный характеръ, такъ точно, какъ не почувствуетъ никакого стѣсненія рыба, которую вы бросите въ воду. Ибо не говоря уже о томъ, что земледѣльческій трудъ будетъ ему пріятенъ, какъ привычный и имъ любимый, развѣ можетъ когонибудь стѣснять земля, могущая прокармливать, т.-е. имѣющая цѣнность? Жаловался ли ктонибудь и когданибудь на полученіе недвижимой собственности, положимъ, путемъ не свободнаго приобрѣтенія, на примѣръ, посредствомъ наслѣдства, дара, выигрыша? Не представляется ли самый вопросъ объ эмансипаціи крестья-

¹ Докладъ высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства. Прил. V, стр. 39.

нина отъ недвижимой собственности, т.-е. отъ земли, на томъ только основаніи, что онъ самъ, положимъ, даже не захотѣлъ бы заниматься ею, ни съ чѣмъ несообразнымъ абсурдомъ? Вѣдь не хлопочетъ же никто объ эмансипаціи отъ этой собственности помѣщиковъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не занимается самъ земледѣліемъ, а нѣкоторые по многу лѣтъ даже вовсе не видятъ своихъ имѣній? Еслибы крестьянинъ, получивъ въ надѣлъ достаточное количество земли, имѣющей не фиктивную, какъ во многихъ мѣстностяхъ теперь, а дѣйствительную цѣнность, и не хотѣлъ самъ заниматься ею, то развѣ онъ не умѣлъ бы получать съ нея ренты, какъ получаетъ теперь помѣщикъ, или не могъ бы выгодно передать ее съ тѣми самыми обязательствами, которыя теперь лежатъ на ней, другому?

Мнѣніе г. фонъ-Бушена объ общинѣ еще болѣе утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи, что онъ, какъ иностранецъ, очень поверхностно знакомъ съ нашими отношеніями. Какъ существенные характеристическіе признаки общины, онъ выставляетъ не только передѣлы, и условливаемая послѣдними черезполосность и дробленіе участковъ, но даже постепенное уменьшеніе надѣловъ, вслѣдствіе надѣленія землею новыхъ членовъ. Между тѣмъ всѣмъ, кто сколько нибудь интересовался изученіемъ вопроса объ общинѣ, извѣстно, что ни передѣлы, ни черезполосность и дробленіе участковъ не составляетъ неотъемлемой принадлежности общины. Передъ глазами всѣхъ существуютъ и процвѣтаютъ общины нашихъ менонитовъ, устроенныя на принципѣ русской общины, въ которыхъ ничего подобнаго нѣтъ; что касается до уменьшенія надѣла посредствомъ надѣленія новыхъ членовъ, то это основной характеръ не общинной, а частной собственности. Извѣстно, на примѣръ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Тюрингіи и прусскомъ Эйхсфельдѣ (части бывшаго курфиршества Майнцакаго), гдѣ съ давнихъ временъ дозволена была полная свобода дѣленія крестьянскихъ земель по законамъ наслѣдства, земли эти раздробились на самыя ничтожныя клочки. Въ Гейлингенштетерской полевой межѣ, состоящей всего изъ 6,660 моргеновъ, находится 900 собственниковъ, изъ которыхъ только 15 имѣютъ болѣе двухъ моргеновъ. Поземельное владѣніе во всемъ прусскомъ Эйхсфельдѣ болѣею частію такъ раздроблено, что не рѣдко на протяженіи $\frac{1}{2}$ квадратной мили встрѣчаются хозяйства изъ 20—30 моргеновъ, раздѣленные на 150—200 отдѣльныхъ самостоятельныхъ участковъ. Есть самостоятельные участки—хозяйства, состоящіе изъ $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ даже $\frac{1}{64}$ моргена. Средняя величина поземельныхъ участковъ въ Эйхсфельдѣ составляетъ почти $\frac{3}{4}$ моргена. Эту же среднюю величину должно принять и для прирейнскихъ прусскихъ земель,

а если взять въ расчетъ лѣса и неудобныя земли, то придется понизить ее до $\frac{1}{3}$ моргена. Изъ $10\frac{1}{2}$ милліоновъ моргеновъ, составляющихъ рейнскую Пруссію, занимаютъ земли

886	хозяйствъ	свыше	600	моргеновъ	каждое.
1,362	»	отъ 300 до 600	»	»	»
46,523	»	» 30 » 300	»	»	»
181,669	»	» 5 » 30	»	»	»
455,835	»	менѣе 5	»	»	»

Въ такомъ же, если еще не болѣе измельченномъ видѣ являются крестьянскіе участки въ Виртембергскомъ королевствѣ, во Франціи и т. д. ¹. Такъ сильно дробится крестьянская поземельная собственность, предоставленная себѣ самой въ силу наслѣдственныхъ раздѣловъ! У насъ, несмотря на то, что на дробленіе земли имѣли вліяніе тѣ же наслѣдственные раздѣлы и раздѣлы семейные, земля, благодаря общинѣ, нигдѣ не подвергалась такому атомистическому дѣленію. Оно бывало прежде, какъ исключеніе только въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, и затѣмъ подобное измельчаніе поземельныхъ участковъ, какъ общее для всей Россіи, мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ придуманныхъ редакціонными комиссіями надѣлахъ минимумахъ. Здравый смыслъ общины, по происхожденію и характеру своему чисто земледѣльческой, не могъ не видѣть ни съ чѣмъ несообразнаго non-sens'a въ надѣленіи своего члена такимъ клочкомъ земли, на которомъ онъ никакого хозяйства вести не можетъ. Выступить изъ границъ этого здраваго смысла общинѣ никогда не позволялъ принципъ равенства, строго соблюдаемый ею при раздѣлѣ земель. Чиновнику, надѣляющему крестьянъ землею и разсуждающему in abstracto, сколько нужно для крестьянскаго хозяйства земли, конечно, можетъ показаться, что достаточное хозяйство можетъ быть основано и на двухъ десятинахъ, и на одной, и на дробяхъ десятины. Но мужикъ, который de facto знаетъ, сколько земли онъ можетъ обработать и сколько можетъ дать ему то или другое количество земли, сейчасъ пойметъ, достаточный ли дается ему для хозяйства надѣлъ или нѣтъ, тѣмъ болѣе пойметъ это цѣлое общество мужиковъ, которые всѣ надѣляются совершенно одинаковыми участками земли. Въ этомъ отношеніи и передѣлы земли не были такъ вредны и такъ безтолковы, какъ думаетъ о нихъ г. фонъ-Бушенъ, напротивъ, на извѣстной степени земледѣльческой культуры и политическаго развитія они были дѣломъ необходимымъ и оказали несомнѣнную услугу обществу.

¹ См. Gebundenheit oder freie Veräusserlichkeit des bäuerlichen Grundethums in Königreich Hannover, v. Fachtmann. 1864. S. 42.

Начать съ того, что русскій народъ вовсе не такъ слѣпо и бессмысленно привязанъ къ передѣламъ земли, какъ это обыкновенно предполагаютъ разные теоретическіе устроиватели русскаго народа. Еще Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 году, разсуждая о томъ: не будутъ ли передѣлы земли вредить развитію земледѣлія въ Россіи, писалъ: «кто можетъ рѣшить это? Опытные и образованные сельскіе хозяева отзываются объ этомъ не выгодно и думаютъ, что земледѣліе не можетъ идти впередъ, когда такой принципъ примѣняется во всей своей строгости. Но въ томъ-то и дѣло, что *уже давно этотъ принципъ не примѣняется во всей своей строгой послѣдовательности*. Онъ нигдѣ не покинуть, но онъ подлежитъ естественнымъ, удобнымъ и выгоднымъ видоизмѣненіямъ. Русскіе поселяне въ своей массѣ не имѣютъ ни малѣйшаго недостатка въ здоровомъ, практическомъ пониманіи того, что относится къ дѣйствительнымъ интересамъ. Въ нихъ, можетъ быть, этого качества больше, чѣмъ въ другихъ народахъ; они давно увидѣли, какія выгоды и неудобства приносить строгое доведеніе системы ровнаго дѣлежа до крайнихъ послѣдствій. Когда я спрашивалъ одного опытнаго и образованнаго сельскаго хозяина, противника передѣловъ, г. Карновича (въ Ярославлѣ), дѣйствительно ли гдѣ-нибудь земля ежегодно вновь передѣляется между членами общины, то онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ отвѣчалъ на это отрицательно, и его отвѣтъ подтвержденъ былъ многими другими людьми и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ я предлагалъ этотъ вопросъ»¹. Далѣе Гакстгаузенъ разсказываетъ, что въ Ярославской губерніи крестьяне передѣлы земель производятъ только въ годъ *ревизій*, т.-е. народныхъ переписей, и то съ великою неохотою. Изъ этого ясно видно, что еслибы земледѣльческая культура достигла такой высоты въ Россіи, что передѣлы земли стали бы вредить ея дальнѣйшему развитію, то русская община нисколько не стала бы стоять за нихъ и немедленно ихъ бросила бы². Но до настоящаго

¹ Изслѣдованіе внутренней политической народной жизни. Соч. Гакстгаузена, стр. 81.

² Впрочемъ, мнѣніе, будто передѣлы земли, совершаемые черезъ болѣе или менѣе длинные сроки, напримѣръ, отъ ревизіи до ревизіи, т.-е. черезъ 14, 15 лѣтъ, могутъ служить помѣхой развитію земледѣльческой культуры,—мнѣніе, чисто огульное, ни на чемъ не основанное. Нигдѣ земледѣльческая культура не стоитъ такъ высоко, какъ въ Англіи. Но тамъ господствующая система обработки земли фермерская, по контрактамъ, которые заключаются не болѣе какъ на 7—14 лѣтъ. Каждое улучшеніе земли, произведенное фермеромъ, ведетъ за собою непремѣнно увеличеніе арендной цѣны при заключеніи новаго контракта. Это, однакожь, не мѣшаетъ фермерамъ заботиться объ удобреніи земли въ теченіи того короткаго срока, когда они ею владѣ-

времени передѣлы земли оказали великую услугу государству и обществу тѣмъ, что поддерживали въ крестьянахъ чувство равенства политическаго и экономическаго, не давая развиваться среди нихъ, изъ ихъ собственной среды, *четвертому* эксплуатирующему сословію, и тѣмъ, что сохраняли въ нихъ хозяйственный, такъ сказать, смыслъ, пониманіе хозяйства, какъ дѣйствительнаго, самостоятельнаго хозяйства, пропитывающаго семью, а не какъ клочка земли, на которомъ, по пословицѣ, не куда козѣ положить хвоста и на которомъ можно собрать только нѣсколько пучковъ луку. Въ сохраненіи общиной этого хозяйственного смысла въ народѣ въ совокупности съ чувствомъ равенства политическаго и экономическаго заключается причина, почему ни наследственные, ни семейные раздѣлы не могли оказать у насъ такого вреднаго вліянія на измельченіе крестьянскаго землевладѣнія, какое они оказали въ другихъ странахъ, гдѣ у крестьянъ община давно была сокрушена и крестьянское землевладѣніе, какъ и землевладѣніе другихъ сословій, развивалось исключительно на принципѣ личной собственности. Конечно, этому не мало способствовалъ и запасъ земель, которыя имѣли въ своемъ распоряженіи общины для надѣленія землею новыхъ своихъ членовъ. Однакожь, такой запасъ земель былъ, какъ извѣстно, не во всѣхъ общинахъ. Но по чувству равенства, воспитываемому въ общинахъ вѣками, онѣ предпочитаютъ скорѣе тѣсниться до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ позволяетъ имъ выработанный также вѣками хозяйственный смыслъ, чѣмъ надѣлять своихъ отдѣльных членовъ такими клочками земли, на которыхъ они не могутъ вести никакого хозяйства. Благоустроенныя и богатая общины, какъ, на примѣръ, нѣмецкія, выступаютъ въ этомъ случаѣ на путь болѣе широкій. Онѣ для новыхъ нарождающихся членовъ общины покупаютъ новыя земли и селятъ ихъ тамъ, чтобы не уменьшить для нихъ величины поземельныхъ участковъ своихъ прежнихъ членовъ. Изъ всего сказаннаго видно, что община способствуетъ къ сохраненію въ цѣлости крестьянскихъ поземельныхъ участковъ, а къ измельченію ихъ, напротивъ, прямо ве-

---

ють. Ясно, что если общинникъ, при долгосрочныхъ передѣлахъ, владѣющій землею вдвое или въ полтора раза долѣе фермера, не считаетъ выгоднымъ удобрять ее, то причина тутъ не въ передѣлахъ. Все это самымъ основательнымъ образомъ было доказано и объяснено въ рядѣ статей объ общинѣ, помѣщенныхъ въ нѣсколькихъ книжкахъ «Современника» за 1867 годъ въ отдѣлѣ «Критики». Въ приложеніи къ одной изъ этихъ статей (въ XI книжкѣ), содержащемъ «Сравненіе выгоды прочныхъ улучшеній для общинника и для фермера» съ математическою точностію и очевидностію доказано, что при прочномъ улучшеніи земли всѣ выгоды остаются на сторонѣ общинника.

детъ землевладѣніе, основанное на принципѣ личной собственности. Если г. фонъ-Бушенъ можетъ говорить совершенно противное этому, то это, мы думаемъ, происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ малаго знакомства его съ землевладѣніемъ на общинномъ принципѣ. Тѣмъ болѣе, по этому, достойно сожалѣнія, что г. фонъ-Бушенъ позволяетъ себѣ дѣлать объ этомъ малоизвѣстномъ ему предметѣ такой рѣзкій приговоръ, какъ слѣдующій: «Защита общиннаго землевладѣнія приравниваетъ его къ ассоціямъ и артелямъ. Значитъ, партія каторжниковъ, прикованныхъ къ одной цѣпи, тоже можетъ назваться ассоціею или артелью? (*Остроумно вѣдь? не правда ли?*). Говорятъ,—продолжаетъ г. фонъ-Бушенъ,— оно представляетъ гарантію противъ пауперизма. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что пауперизма, при нормальномъ всеобщемъ нищенствѣ, дѣйствительно, не возможно будетъ отличить и замѣтить». Очевидно, что г. фонъ-Бушенъ человекъ формъ; онъ судитъ о предметѣ не по существу, а по той внѣшней обстановкѣ, въ которой онъ ему является. Отъ этой обстановки онъ никакъ не можетъ отрѣшиться. Современная русская община ему представляется страдающею пауперизмомъ. Изъ этого онъ заключаетъ, что таковъ принципъ русской общины, что она не можетъ не страдать пауперизмомъ, и не находитъ лучшаго средства, чтобы поправить ее, какъ посоветовать ея членамъ, чтобы они разсѣлись порознь, каждый отдѣльно. Онъ никакъ не хочетъ догадаться, что причины ея пауперизма могутъ быть совсѣмъ другія, независимыя отъ ея принципа. Еслибы г. фонъ-Бушенъ увидалъ въ трактирѣ, что какой нибудь джентльменъ кушаетъ обѣдъ въ три рубля, а сидящая недалеко отъ него кучка мужиковъ ѣстъ общій обѣдъ, стоющій не болѣе пятиалтыннаго на брата, то онъ,—мы полагаемъ,—объяснилъ бы это себѣ никакъ не тѣмъ, что у джентльмена въ карманѣ 100 рублей, а ни у одного изъ мужиковъ болѣе пятиалтыннаго нѣтъ, а тѣмъ, что послѣдніе обѣдаютъ въ кучѣ, и впередъ для улучшенія ихъ обѣда посоветовалъ бы имъ садиться порознь. Разуверять г. фонъ-Бушена въ неправильномъ пониманіи дѣла было бы и долго, и, по всей вѣроятности, напрасно. Поэтому мы рекомендуемъ ему для исправленія его неправильнаго возрѣнія на общину, какъ на источникъ пауперизма, прочесть, на примѣръ, хоть сочиненіе: «*Наши колоніи*», г. Клауса, разъясняющее подробно какъ достоинства общины, такъ и тѣ условія, при которыхъ она можетъ процвѣтать.

Мы не безъ намѣренія заговорили о г. фонъ-Бушенѣ и трудахъ высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности.

Труды эти очень близко стоятъ къ нашему предмету и мы не можемъ не относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ инициативѣ нынѣшняго министра государственныхъ имуществъ, который призналъ необходимымъ собрать свѣденія о результатахъ реформы спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе положенія 19 февраля. Поставить прямо этотъ вопросъ надобно было нѣкоторое мужество. У насъ до сихъ поръ или вовсе умалчивали о результатахъ реформы, или говорили объ этомъ предметѣ не иначе, какъ въ тонѣ славословія. Говорить о неблагопріятныхъ результатахъ реформы значило точно нападать на реформу, порицать ея проведеніе. Никому не приходило на мысль, что крестьянская реформа, независимо отъ тѣхъ или другихъ своихъ послѣдствій, сама по себѣ, по своему принципу, стоитъ выше всякихъ порицаній. Въ этомъ случаѣ совершенно справедливы слова г. Скалдина, что хотя «гражданская свобода куплена крестьянами слишкомъ дорогою цѣною, но они все таки остаются въ выигрышѣ, потому что предметъ ими купленный въ сущности не имѣетъ цѣны; безъ гражданской свободы невозможны были бы никакія улучшенія ни въ матеріальной, ни въ умственной ихъ жизни, а съ нею могутъ придти современемъ и другія блага цивилизаціи, пока нынѣ для крестьянъ несуществующія»¹. Но съ другой стороны крестьянская реформа, какъ она ни прекрасна по принципу, въ своемъ выполненіи есть дѣло рукъ человѣческихъ и, какъ всѣ подобныя дѣла, можетъ быть полна всякаго рода несовершенствъ и ошибокъ. Оставлятъ ее безъ критическаго разсмотрѣнія, не указывать допущенныхъ въ ней промаховъ и ошибокъ значило бы добровольно отказываться собрать лучшую жатву съ того посѣва, на который положено было столько труда и сдѣлано столько расходовъ! Вотъ почему, — повторяемъ мы, — мы вполне сочувствуемъ мысли нынѣшняго министра государственныхъ имуществъ заняться пересмотромъ тѣхъ результатовъ, которые дала реформа въ теченіи двѣнадцати лѣтъ своего существованія. Но сочувствуя самой мысли, мы признаемся, никакъ не можемъ сочувствовать принятымъ способамъ ея исполненія. Если бы комиссія была образована для собранія свѣденій, которыя предназначились бы только для литературнаго употребленія, то о цѣнности ея трудовъ не могло бы быть и рѣчи. Какъ ни недостаточны собранные ею матеріалы, но за полнымъ отсутствіемъ у насъ какихъ бы то ни было свѣденій по этому предмету, эти матеріалы въ литературѣ были бы неоцѣненны. Но комиссія имѣетъ цѣли практическія, правительственныя. Докладъ, составленный ею на

¹ См. Въ Захолустѣ и столицѣ соч. Скалдина О. З. 1867, стр. 627.

основаніи собранныхъ ею свѣденій, черезъ комитетъ министровъ долженъ идти на высочайшее разсмотрѣніе. Это значитъ, что задача комиссіи ни больше ни меньше, какъ поправить крестьянскую реформу. Задача очень великая и важная,—и къ способамъ исполненія ея нельзя относиться легко. Итакъ посмотримъ, что же такое сдѣлала комиссія, что бы исполнить эту великую, возложенную на нее задачу.

Прежде всего о наружности изданныхъ комиссіею трудовъ.

Когда вы сморите на пять объемистыхъ (исключая одного, содержащаго докладъ) томовъ *in folio*, изданныхъ комиссіею относительно современнаго состоянія сельскаго хозяйства и сельской производительности, то какъ любитель подобнаго рода изслѣдованій (мы предполагаемъ это) вы приходите въ невольный восторгъ. Когда вы раскрываете эти томы и начинаете читать заглавія содержанія ихъ, восторгъ этотъ еще болѣе увеличивается. Чего тамъ нѣтъ? Вотъ томъ I-й приложеній, содержащій сводъ свѣдѣній о современномъ положеніи сельско-хозяйственной промышленности вообще, сообщаетъ данныя и 1) о *видахъ пользованія землею*, и 2) о состояніи отдѣльныхъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности, и 3) о цѣнности денежныхъ повинностей, и 4) о землевладѣніи и 5) о сельско-хозяйственномъ кредитѣ, и 6) о сельско-хозяйственномъ образованіи. Томъ II-й, пожалуй, и еще богаче свѣдѣніями. Тутъ вы найдете (мы не будемъ перечислять подробно мелкихъ отдѣловъ, а поименуемъ только крупные) свѣдѣнія и 1) о недостаткахъ современнаго положенія сельско-хозяйственной промышленности вообще, и 2) сводъ мѣръ, предлагаемыхъ для устраненія недостатковъ современнаго положенія сельско-хозяйственной промышленности, и 3) общія статистическія таблицы по разнымъ предметамъ, сочиненныя или губернаторами, или взятыя изъ подлежащихъ департаментовъ и 4) частныя записки и замѣтки членовъ комиссіи и другихъ лицъ. Томъ III-й обнимаетъ стенографически-записанные отвѣты приглашенныхъ въ комиссію экспертовъ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Томъ IV-й содержитъ наконецъ описанія имѣній, заложенныхъ въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита по даннымъ этого общества. Сначала этотъ томъ возбуждаетъ нѣкоторое даже удивленіе своею неожиданностью. Но прочитавъ въ первыхъ строкахъ приложеннаго къ этому тому предисловія, что «для опредѣленія доходности имѣній необходимы выясненіе и оцѣнка всѣхъ факторовъ производства, а въ описяхъ для залога въ поземельномъ кредитѣ заключаются, дескать, данныя по всѣмъ частямъ сельско-хозяйственной статистики», читатель перестаетъ удивляться и примиряется съ томомъ IV, содержа-

шимъ описи заложенныхъ въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита имѣній.

Однакожь, въ читателѣ при видѣ 4 увѣсистыхъ томовъ in folio, изданныхъ комиссіею, невольно рождается вопросъ: когда и какимъ образомъ успѣла комиссія собрать столько разнообразныхъ свѣдѣній по предметамъ самымъ разнороднымъ, когда изъ протокола ея засѣданій явствуется, что она начала собираться 21-го ноября 1872 года, а кончила свои занятія 28-го апрѣля 1873 года, т.-е. засѣдала менѣе полугода, и во время своихъ засѣданій ничѣмъ почти не занималась, кромѣ выслушиванія приглашенныхъ въ комиссію экспертовъ?

На это содержится отвѣтъ въ объясненіи предсѣдателя, данномъ въ комиссіи въ первомъ ея засѣданіи. Въ этомъ объясненіи говорится, что комиссія высочайше утверждена мая 26-го дня 1872 года, что до созванія ея министръ государственныхъ имуществъ командировалъ на лѣто чиновниковъ своего министерства въ разныя губерніи Европейской Россіи для собранія свѣдѣній о положеніи сельскаго хозяйства, что собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія и по количеству и по качеству превзошли ожиданія его, министра; именно къ первому засѣданію комиссіи, т.-е. къ 21 ноября 1872 года имѣлись свѣдѣнія уже отъ 860 лицъ, въ томъ числѣ отъ 18 губернаторовъ, 23 предводителей дворянства, отъ 100 мировыхъ и земскихъ учрежденій, отъ 237 землевладѣльцевъ, отъ 78 управляющихъ имѣніями, торговцевъ, отъ 108 волостныхъ правленій, старшинъ и крестьянъ домохозяевъ и отъ 236 разныхъ лицъ и учрежденій. Кромѣ того министръ особыми циркулярами пригласилъ какъ губернаторовъ, такъ и предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ, а равно сельско-хозяйственныя общества заявлять о мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ сельскаго хозяйства.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя по разработкѣ ихъ чиновниками министерства, составили томы I и II.

Посмотримъ же, что это за свѣдѣнія и что за обработка? Раскрываемъ первый томъ. Первый отдѣлъ этого тома сообщаетъ свѣдѣнія о видахъ пользованія землею, и прежде всего о способахъ веденія хозяйства частными землевладѣльцами въ губерніяхъ. Возьмемъ одну какую-нибудь изъ этихъ губерній, напри- мѣръ, хоть Саратовскую. «Вольнонаемное хозяйство въ здѣшнемъ краю, говорится объ этой губерніи, — рѣдкость; большею частію землевладѣльцы отдають земли крестьянамъ за деньги или за обработки». Рядомъ съ этимъ свѣдѣніемъ, въ особой графѣ, на боку написано, что оно сообщено управляющимъ маріинскою учебною фермою. Нѣсколько ниже о той же системѣ сельскаго

хозяйства въ Саратовской губерніи говорится, что «система хозяйства здѣсь большею частію вольнонаемная и весьма мало исполная», а о самомъ свѣдѣніи замѣчается, что оно сообщено председателемъ Аткарской уѣздной управы, мировыми посредниками Саратовскаго, Хвалынскаго, Аткарскаго и Царицынскаго уѣздовъ, землевладѣльцемъ Камышинскаго уѣзда и двумя волостными старшинами Царицынскаго и Камышинскаго уѣздовъ. Еще ниже говорится, что «хозяйство у землевладѣльцевъ смѣшанное по всѣмъ системамъ», а о свѣдѣніи замѣчается, что оно сообщенно мировымъ посредникомъ саратовскаго уѣзда и двумя землевладѣльцами саратовскаго и петровскаго уѣзда. Читатель поставленъ въ недоумѣніе такимъ способомъ сообщенія свѣдѣній, и не знаетъ: чему и кому онъ долженъ вѣрить? Какая же въ самомъ дѣлѣ система хозяйства въ саратовской губерніи—вольнаемная, исполная или смѣшанная? И если и та, и другая, и третья, то которая преобладаетъ и гдѣ преобладаетъ, на какихъ пространствахъ? Кто изъ сообщающихъ свѣдѣнія вѣрнѣе говоритъ: управляющій ли маріинскою учебною фермою, председатель ли аткарской земской управы съ присоединенной къ нему компаніей мировыхъ посредниковъ и волостныхъ старшинъ, или мировой посредникъ саратовскаго уѣзда съ двумя землевладѣльцами? Кому изъ нихъ слѣдуетъ вѣрить и даже можно ли вѣрить кому-нибудь? Такой же точно венигретъ какихъ-то quasi свѣдѣній и на основаніи почти такихъ же показаній сообщается по другимъ отдѣламъ. Возьмемъ, на примѣръ, изъ отдѣла подъ названіемъ: *«пища и другія жизненныя потребности крестьянскаго населенія»*, какую-нибудь губернію, хотя Тверскую. «Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ,—говорится въ этомъ отдѣлѣ,—пища крестьянъ улучшается и потребленіе мяса увеличивается, въ другихъ же этого улучшенія не замѣчается». Въ графѣ съ боку объ этомъ свѣдѣніи замѣчается, что оно сообщено председателемъ корчевской земской управы, двумя волостными старшинами весьегонскаго и корчевскаго уѣздовъ, двумя землевладѣльцами, однимъ весьегонскимъ, другимъ ржевскимъ и колязинскимъ,—онъ же и предводитель колязинскаго дворянства. Далѣе о той же тверской губерніи говорится, что «въ ней значительно увеличивается потребленіе чая, сахара, табаку и водки; жизненныя потребности тоже увеличиваются, особенно въ отношеніи одежды; сюртуки, энотовыя шубы, цѣпочки, часы, цилиндрическія шляпы (!?), а у женщинъ зонтики, лаковые штиблеты и кринолины встрѣчаются нерѣдко». Въ графѣ съ боку отмѣчено, что это свѣдѣніе сообщено председателемъ корчевской земской управы. Мы сообщили все, что напечатано въ отдѣлѣ «о пищѣ и дру-

гихъ жизненныхъ потребностяхъ крестьянскаго населенія» относительно тверской губерніи. Что по этимъ свѣдѣніямъ никакого понятія ни о пищѣ, ни о жизненныхъ потребностяхъ крестьянъ тверской губерніи составить нельзя, объ этомъ и толковать нечего. Но вообразите себѣ, что какому-нибудь любознательному нѣмцу или англичанину, выучившемуся читать порусски, вдругъ попадаются подъ руку труды комиссіи и онъ читаетъ, что въ тверской губерніи крестьяне щеголяютъ въ энотовыхъ шубахъ, при часахъ съ цѣпочками и даже въ цилиндрическихъ шляпахъ, а крестьянки съ зонтиками, въ кринолинахъ и лаковыхъ штиблетахъ, и что свѣдѣніе это сообщено не какимъ-нибудь праздношатающимся сочинителемъ, а лицомъ нѣкоторымъ образомъ офиціальнымъ — предсѣдателемъ земской корчевской управы, — вѣдь онъ непременно поскачетъ въ тверскую губернію, чтобы посмотреть на это диво. И съ кого это писалъ свое изображеніе тверскихъ пейзажей и пейзажей предсѣдатель корчевской земской управы? Надобно полагать, съ нѣкоторыхъ торчавшихъ передъ его глазами старыхъ дворовыхъ, донашивавшихъ барскіе обноски еще шестидесятыхъ годовъ.

Изъ трудовъ, изданныхъ комиссіею, лучше другихъ томъ третій, содержащій въ себѣ показанія экспертовъ по вопросамъ сельскаго хозяйства; но и его можно назвать лучшимъ только потому, что другіе томы плохи. Самъ же по себѣ и этотъ томъ крайне неудовлетворителенъ. Впервыхъ, программа вопросовъ, по которой отбирались показанія отъ экспертовъ, очень велика. Она обнимаетъ 269 вопросовъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ сельскаго хозяйства и сельской производительности. Отвѣчать на всѣ эти вопросы не могла ни одна душа. Всякой отвѣчалъ только на немногіе вопросы. А между тѣмъ въ программѣ вопросы существенные и важные не отдѣлены отъ второстепенныхъ и менѣе значительныхъ, такъ что въ итогѣ отвѣтовъ на вопросы незначительные очень много, а на вопросы болѣе важные очень мало. Такъ, напримѣръ, на вопросъ о достаточности или недостаточности крестьянскихъ надѣловъ отвѣчали очень немногіе. Далѣе, мы не знаемъ, почему въ число экспертовъ по сельскому хозяйству были приглашены тѣ, а не другія лица. Вѣроятно комиссія на это имѣла какія-нибудь свои особенныя основанія, которыхъ, впрочемъ, въ изданныхъ въ свѣтъ трудахъ не объяснила. Но изъ показаній самихъ экспертовъ оказывается, что одни изъ нихъ въ своихъ имѣніяхъ бываютъ только лѣтомъ наѣздомъ, для отдыха; другіе вовсе и имѣній никакихъ не имѣютъ, а въ различныхъ мѣстностяхъ бывали въ качествѣ туристовъ; въ число такихъ экспертовъ попалъ и нашъ почтен-

ный сотрудник, редактор «Полицейских Вѣдомостей», С. В. Максимовъ, который несомнѣнно можетъ талантливо описать и зеленѣющую ниву, и трудъ пахаря, обрабатывающаго свое поле и т. п., — но какой-же онъ сельскій хозяинъ (!?); мы, по крайней мѣрѣ, никакъ не думаемъ, чтобы и по его настоящей профессіи, и по прежнимъ его трудамъ можно было въ немъ заподозрить какія-нибудь солидныя и стоящія вниманія свѣдѣнія по предметамъ сельскаго хозяйства и сельской производительности; третьи и помѣстья имѣютъ и хозяйствомъ занимаются, но даютъ такіе странные отвѣты, что невольно удивляешься, какимъ образомъ комиссія могла захватить подобныхъ людей въ эксперты. Такъ, напримеръ, на 49-й вопросъ комиссіи о надѣлахъ, формулированный слѣдующимъ образомъ: «обеспечиваетъ ли надѣлъ существованіе крестьянъ и лежащія на нихъ повинности при надлежащемъ съ ихъ стороны хозяйствѣ и достаточномъ удобреніи угодій? Если не вполне обеспечиваетъ, то насколько?» одинъ изъ экспертовъ тульской губерніи отвѣчаетъ такимъ образомъ: «надѣлъ вполне обеспечиваетъ существованіе крестьянъ; они платятъ только три рубля съ десятины, тогда какъ землю отдають въ наемъ по 9 рублей; слѣдовательно, у нихъ съ каждой десятины остается по 6 рублей». (Стр. 66). Вѣдь при минимумѣ надѣла, упадающемъ въ тульской губерніи во многихъ мѣстностяхъ до 0,92 десятины, это такой отвѣтъ, который можетъ годиться въ любой сатирической листокъ, а никакъ не въ правительственное изслѣдованіе о состояніи сельскаго хозяйства. Другой экспертъ изъ воронежской губерніи на тотъ же вопросъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: «надѣлъ вполне обеспечиваетъ какъ существованіе крестьянъ, такъ и отбытіе ими всѣхъ денежныхъ повинностей. Несмотря на то, что у нашихъ крестьянъ въ году до 130 праздниковъ, занимающихъ болѣе $\frac{1}{3}$ годичнаго времени, и притомъ въ лѣтнее полугодіе съ 1-го апрѣля по 1 октября, въ 26 недѣль, изъ 183 дней приходится 60 праздничныхъ и только 123 рабочихъ дня, несмотря на все это, въ эти 123 дня одинъ хорошій работникъ, проводя на каждой изъ главныхъ полевыхъ работъ только по семи дней, можетъ обрабатывать количество земли равное четыремъ душевымъ надѣламъ, т.-е. по одной десятинѣ въ каждомъ полѣ cadaго надѣла. Полагая одного работника на два душевыхъ надѣла, окажется, что обработавъ эти два надѣла, хорошій работникъ получитъ за обработку по найму равнаго этимъ двумъ надѣламъ количества земли» и проч. (см. стр. 39). Очевидно, что г. экспертъ никакъ не догадывается, что его рѣчь доказываетъ совсѣмъ не то, что онъ доказать хочетъ. Ему хочется доказать, что надѣлъ очень удовлетворителенъ, а изъ его словъ

выходить, что надѣлъ такъ малъ, что хорошему работнику ни почемъ отработать цѣлыхъ четыре душевыхъ надѣла. Такихъ отвѣтовъ, показывающихъ очевидное недомысліе господъ экспертовъ, мы могли бы привести очень много.

Изъ сказаннаго нами очевидно, что на трудахъ комиссіи нельзя основать никакихъ прочныхъ выводовъ, что она только *oleum et laborem perdidit*, но существеннаго для рѣшенія сельско-хозяйственнаго вопроса ничего не дала. Къ чести комиссіи должно сказать, что она и сама не рѣшилась приступить къ какимъ-нибудь твердымъ и опредѣленнымъ законопроектамъ на основаніи собранныхъ ею данныхъ. Ея окончательныя соображенія и заключенія — совершенно общаго свойства и имѣютъ цѣлю скорѣе обратить вниманіе правительства на ту или другую сторону сельскаго хозяйства, чѣмъ предрѣшать тѣ или другія мѣры окончательно. Эта осторожность комиссіи въ своихъ окончательныхъ выводахъ и заключеніяхъ очень разумна. Потому что еслибы правительство и рѣшилось обратить вниманіе на тѣ предметы, на которые обращаетъ его комиссія, то остается полная возможность глубже изслѣдовать предметъ, затронутый комиссіею, и широкая свобода принять то или другое направленіе.

За всѣмъ тѣмъ все-таки нельзя не пожалѣть, что комиссія не избрала другихъ способовъ для рѣшенія своей задачи, тѣмъ болѣе, что для собранія тѣхъ свѣдѣній, которыя нужны были ей, нынѣ есть надежные и способные органы — это земства. Губернскія земства въ каждомъ изъ уѣздовъ могли бы открыть особые комитеты для собранія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, эти свѣдѣнія были бы потомъ сведены, свѣрены и разсмотрѣны въ центральныхъ губернскихъ комитетахъ и потомъ бы уже поступили бы на заключеніе высочайше утвержденной комиссіи. Работы потребовалось бы много, но за то свѣдѣнія получились бы полныя, подробныя, вѣрныя, точныя, на которыхъ можно бы было приблизительно безошибочно строить тѣ или другіе выводы.

Но довольно о комиссіи. Обратимся теперь къ нашему предмету.

Грыцько.

Смирновъ

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА.

II.

Экономическая основа крестьянской реформы и порожденные ею экономическія и соціальныя состоянія.

Всюду, гдѣ уничтожалось крѣпостное право, главною цѣлью этого уничтоженія въ экономическомъ отношеніи было: освободить производительныя силы страны отъ тѣхъ оковъ, которыя были наложены на нихъ крѣпостнымъ состояніемъ, дать каждому возможность прилагать свой трудъ къ тому, къ чему приложить его онъ умѣетъ и хочетъ, вызвать этою полною свободою всю энергію и всю полноту его силъ для труда. И въ Европѣ, кромѣ Россіи, не было еще страны, которая могла бы осуществить этотъ идеаль во всей полнотѣ и широтѣ. Ибо всѣ другія страны могли освободить трудъ, но за недостаткомъ земли, не имѣли возможности дать самой наибольшей части освобожденнаго народа, т.-е. земледѣльческой, столько свободной земли, сколько требовалось для полного занятія всѣхъ способныхъ къ земледѣлію рукъ. Одни мы имѣли земель вволю; одни мы могли дать нашему громадному населенію столько земель, сколько бы оно ни потребовало для работы. Но главное наше преимущество при этомъ состояло еще въ томъ, что мы имѣли возможность все нужное для крестьянъ количество земли отдать въ ихъ полную *собственность*.

Собственность во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности служитъ наилучшимъ возбуждателемъ полного напряженія силъ, всей энергіи труда въ трудящемся. Но, можетъ быть, нигдѣ она не производитъ такихъ чудесъ, какъ въ земледѣліи. По словамъ Артура Юнга, извѣстнаго англійскаго сельскохозяина прошедшаго столѣтія, изучавшаго основательно производительность земледѣлія, при различныхъ условіяхъ и способахъ его производства, — «магическая сила собственности здѣсь такова, что она

обращаетъ песокъ въ золото». Въ земледѣліи не можетъ быть никакого сравненія труда земледѣльца собственника не только съ трудомъ наемнымъ, но даже съ трудомъ земледѣльца, обладающаго землею на болѣе или менѣе продолжительное число лѣтъ. «Дайте человѣку въ прочное владѣніе черную скалу, говоритъ тотъ же Артуръ Юнгъ:—онъ обратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню».

Мы должны здѣсь, однако, оговориться. Подъ поземельною собственностью въ данномъ случаѣ, мы разумѣемъ не вообще поземельную собственность, но только такіе поземельные участки, которые имѣютъ объемъ, достаточный для пропитанія одного семейства и которые обрабатываются собственными руками своихъ владѣльцевъ. Самое слово собственность мы принимаемъ здѣсь не въ точномъ только смыслѣ этого слова, но къ разряду собственности относимъ и тѣ участки, которыми обрабатывающій ихъ владѣетъ потомственно, неотчуждаемо, хотя бы то и съ платою опредѣленной, неизмѣнной ренты. Потому что такое владѣніе въ сущности ничѣмъ не отличается отъ владѣнія на правѣ собственности. Владѣлецъ также смотритъ на него, какъ на неотъемлемое свое имущество, какъ и собственникъ, также не щадитъ ни своихъ средствъ, ни силъ для его все большаго и большаго улучшения.

Гдѣ бы мы ни стали изучать мелкую поземельную собственность въ Швейцаріи, Италіи, Испаніи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи, Норвегіи, и т. д., вездѣ мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ явленіемъ—неизмѣримымъ трудолюбіемъ обрабатывающихъ ее собственными руками владѣльцевъ, трудолюбіемъ, для котораго почти рѣшительно нѣтъ ничего невозможнаго. Медленно, шагъ за шагомъ, съ невѣроятнымъ напряженіемъ силъ и терпѣніемъ они умѣютъ возбудить производительность почвы всюду, гдѣ есть малѣйшая къ тому возможность, и создаютъ зеленѣющія нивы часто на неприступныхъ почти скалахъ Швейцаріи и Лангедока, на сыпучихъ пескахъ западной и восточной Фландріи, на скалистыхъ безводныхъ долинахъ Норвегіи. Различные сельско-хозяева и экономисты, изучавшіе въ различныхъ странахъ культуру мелкой поземельной собственности, не могутъ достаточно надивиться тѣмъ чудесамъ, которыя производятся руками мелкихъ собственниковъ въ возбужденіи и увеличеніи производительности земли и въ преодолѣніи безчисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ препятствій, противопоставляемыхъ имъ природою въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. «По выѣздѣ изъ Сова, такъ рассказываетъ Артуръ Юнгъ въ своемъ путешествіи по Франціи:—я былъ пораженъ, увидѣвъ

обширное пространство земли, состоящее изъ громадныхъ скалъ, но воздѣланное съ трудолюбивѣйшею заботливостью. У каждаго домика есть оливковыя, туковыя, миндальныя, персиковыя деревья, между которыми разсѣяны виноградники такъ, что все пространство покрыто самою странною смѣсью этихъ садовъ съ утесистыми скалами. Жители этой деревни заслуживаютъ награды за свое трудолюбіе и получили бы ее, еслибы я былъ французскимъ министромъ. Они скоро обратили бы въ сады всѣ окружающія ихъ пустыни. Эти дѣятельные хозяева оплодотворили свои скалы, конечно, потому, что они собственники этихъ скалъ. Они сдѣлали бы тоже самое со всѣми пустынями, еслибы были одушевлены всемогущимъ принципомъ собственности». Помимо того напряженія силъ, которое вызывается въ трудящемся чувствомъ собственности, и котораго нельзя замѣнить никакимъ наемнымъ трудомъ, фермеръ, даже самый знающій и трудолюбивый, не можетъ никогда соперничать съ мелкимъ собственникомъ въ обработкѣ земли по той простой причинѣ, что земля, которую обрабатываетъ послѣдній, часто не можетъ окупать наемнаго труда. Мелкій собственникъ можетъ работать на всякой сколько нибудь удобной землѣ; его трудъ не купленный, и онъ сначала вполне доволенъ и тѣмъ, если можетъ прокармливаться отъ принадлежащаго ему участка земли. Но тѣмъ съ большею энергіею напрягаетъ онъ свои силы, несетъ свои маленькія средства, что бы оплодотворить свой участокъ, усилить его производительность. По мѣткому выраженію Сисмонди, «его маленькое наследственное имѣніе есть истинная сберегательная касса, всегда готовая принимать всѣ его маленькіе барыши, обращать въ прибыль всѣ его свободныя минуты». Чѣмъ долѣе идетъ время, тѣмъ болѣе растеть и богатѣетъ эта касса,—и неустаннымъ трудомъ цѣлаго ряда поколѣній участокъ земли съ плохою почвою, даже съ голымъ пескомъ, какъ въ Бельгіи, ничего не стоившій, превращается въ плодоноснѣйшую и дорогую землю. Фермеръ такъ дѣйствовать не можетъ. Закладывая значительный капиталъ въ землю только на извѣстное число лѣтъ, онъ долженъ разсчитывать въ установленный непременно срокъ выручить этотъ капиталъ и выручить съ болѣе или менѣе значительнымъ процентомъ прибыли, никакъ, по крайней мѣрѣ, не меньшимъ того, который онъ могъ бы получить на биржѣ и безъ всякаго труда. Потому, фермеръ можетъ брать въ аренду только землю лучшаго качества, но и на ней всегда встрѣтятся много такихъ клочковъ, которые будутъ невыгодны для обработки наймомъ. По мнѣнію одного изслѣдователя «даже въ тѣхъ приходахъ Шотландіи или Англіи, гдѣ существуетъ наилучшее хозяйство, въ этихъ оставляемыхъ фер-

мерами безъ обработки клочкахъ пропадаетъ столько земли, что еслибы всѣ ихъ соединить и воздѣлать, ихъ достало бы на содержаніе всѣхъ бѣдныхъ прихода». Но и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ почвы, предполагая даже, что фермеръ ни одного клочка земли не оставитъ не обработаннымъ, фермерское хозяйство все-таки не можетъ никогда достигнуть той высоты культуры, какой можетъ достигать хозяйство мелкаго собственника. Фермеръ, какъ человѣкъ, обыкновенно арендующій болѣе или менѣе обширное пространство земли, и притомъ пришлый на ней, никогда не можетъ до такой глубины, подробности и тонкости изучить всѣхъ особенностей той мѣстной почвы, на которой онъ ведетъ хозяйство, до какой изучаетъ ихъ всякій болѣе или менѣе смѣтливый мелкій собственникъ. Фермеръ можетъ быть съ большимъ запасомъ агрономическихъ свѣдѣній, можетъ имѣть не менѣе обширныя свѣдѣнія въ земледѣльческой химіи, — но онъ никогда не въ состояніи «понимать около земли», — въ данной мѣстности такъ, какъ понимаетъ мужикъ, который самъ изучилъ и изучаетъ ее каждый день практически въ теченіи многихъ лѣтъ съ самаго дѣтства и, который, сверхъ того, получилъ о ней много практическихъ же свѣдѣній по наслѣдству отъ отцевъ и дѣдовъ. Этимъ «пониманіемъ около земли» поселяне собственники изумляютъ наблюдателей во всѣхъ странахъ. Они знаютъ до мельчайшихъ подробностей каждый шагъ своей земли — какого онъ свойства, какой требуетъ обработки и удобренія, для какихъ хлѣбовъ или злаковъ годенъ и т. п., и никакой агрономъ, никакой ученый и опытный фермеръ никогда не въ состояніи извлечь изъ участка, принадлежащаго поселянину-собственнику всей той пользы, какую извлечетъ онъ самъ. Рассказывая о бытѣ тосканскихъ половниковъ, владѣющихъ землею, подобно собственникамъ, на наслѣдственномъ правѣ, Сисмонди слѣдующими чертами описываетъ ихъ изумительное, практикою пріобрѣтенное знаніе почвы своихъ участковъ. «Почти всѣ половники, говоритъ онъ: — живутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе на одномъ участкѣ и знаютъ его во всей подробности, съ точностію, которая дается только чувствомъ собственности. Полосы полей, поднимающіяся террасами другъ надъ другомъ, часто имѣютъ въ ширину не больше двухъ футовъ, но качества каждой полосы изучены половникомъ; эта полоса суха, а эта холодна и сыра; тутъ растительный слой глубокъ, здѣсь скала едва прикрыта тонкимъ слоемъ земли; на этой полосѣ родится такой сортъ пшеницы, на другой полосѣ иной сортъ; тутъ напрасно было бы сѣять турецкую пшеницу, здѣсь земля не родитъ бобовъ; тутъ отлично родится ленъ, а подлѣ этого ручья она хороша для пень-

ки. Такимъ образомъ, вы съ удивленіемъ узнаете отъ половника, что на пространствѣ 10 арпановъ земля по своимъ качествамъ и мѣстоположенію имѣеть множество разныхъ сортовъ, столько сортовъ, сколько не умѣеть отличить богатый фермеръ на фермѣ въ 500 акровъ. Это оттого, что большой фермеръ чувствуетъ себя недолгимъ гостемъ на фермѣ и долженъ хозяйничать по общимъ правиламъ, пренебрегая подробностями. Половникъ имѣеть опытъ прошедшаго, умъ его возбуждается страстью и выгодною, онъ превосходный наблюдатель, вся будущность принадлежитъ ему, онъ думаетъ не объ одномъ себѣ, а также о дѣтяхъ и внукахъ. Потому когда онъ сажаетъ вѣсковое оливковое дерево и въ глубинѣ ямы, вырытой для него, роетъ спускъ для воды, которая могла бы повредить ему, онъ изучаетъ всѣ слои земли, которые прокапываетъ».

Наконецъ, когда рѣчь идетъ о превосходствѣ хозяйства поселянина-собственника надъ фермерскимъ хозяйствомъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ, можетъ быть, самомъ важномъ и главномъ обстоятельствѣ, въ которомъ сокрыта тайна этого превосходства и которымъ вполне объясняется, почему трудъ поселянина-собственника напряженнѣе и успѣшнѣе труда фермера, почему онъ лучше знаетъ свою землю, чѣмъ послѣдній, и почему онъ способенъ скалы и пустыни обращать въ цвѣтушія нивы. Это обстоятельство есть любовь къ землѣ. Для фермера земля только источникъ прибыли; онъ кладетъ въ нее свой капиталъ, но не душу свою. Она предметъ его расчетовъ, но не задушевныхъ его помысловъ; онъ не пожертвуетъ для нея не только часа своего собственнаго отдыха, но ни одного даже наемнаго часа, если не видитъ въ томъ прямой своей выгоды. Поселянинъ-собственникъ относится къ землѣ не такъ. Онъ срастается съ ней душою и сердцемъ; она дѣлается предметомъ его постоянныхъ заботъ и помысловъ, не только мѣстомъ его занятій, но и мѣстомъ его отдыха и наслажденій. Земля для него не кормилица только, она, по выраженію Мишле, его любовница. Къ ней спѣшитъ онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ и въ часы своего труда, и въ часы своего досуга и ей, какъ своему лучшему другу, повѣряетъ свои лучшія надежды и мечты. Чрезвычайно характеристично и полно глубокой правды изображеніе, сдѣланное Мишле, какъ французскій поселянинъ-собственникъ въ воскресенье, отправивъ въ церковь свою жену и дѣтей и одѣвшись самъ въ праздничное платье, чтобы немедленно идти туда же, какъ будто ненарокомъ попадаетъ на свое поле. Зачѣмъ и какъ онъ попадаетъ туда?—«Правда, дорога лежала ему близко къ землѣ; онъ зашелъ по дорогѣ. Онъ смотритъ на нее, но, раз-

умѣется, онъ не пойдетъ на нее; что ему дѣлать на ней? А все-таки онъ всходитъ на нее. — Но, по крайней мѣрѣ, навѣрное, онъ уже не станетъ работать. Вѣдь онъ одѣтъ по праздничному. На немъ чистая блуза, бѣлая рубашка. — Что-жь? Это не мѣшаетъ вырвать вотъ эту сорную траву, сбросить этотъ камень. Надобно было бы выдернуть еще вотъ этотъ корень, но съ нимъ нѣтъ заступа: это надо отложить до завтра. — И вотъ онъ складываетъ руки, стоитъ, смотритъ, серьезный, полный мыслей. Долго, очень долго онъ смотритъ; онъ какъ будто забылся. Наконецъ, онъ замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ; онъ видитъ прохожаго и удаляется медленными шагами. Прошедши шаговъ тридцать, онъ опять останавливается, оборачивается, бросаетъ на свою землю послѣдній взглядъ, глубокой, задумчивый взглядъ, и кто понимаетъ то, что видитъ, тотъ видитъ страсть въ этомъ взглядѣ, видитъ, что вся душа его, вся любовь его въ томъ взглядѣ»¹.

Читатель видитъ теперь ту силу, которая воодушевляетъ мелкаго собственника въ его трудѣ и которая производитъ тѣ чудеса въ земледѣльческой культурѣ, о которыхъ мы сказали выше. Но очевидно, эта сила можетъ присутствовать въ немъ только до тѣхъ поръ, пока онъ вполне доволенъ своимъ положеніемъ, пока и въ будущемъ оно свѣтло для него, пока онъ надѣется чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе улучшать и возвышать его своимъ трудомъ, иначе говоря, до тѣхъ поръ, пока его собственность, т.-е. тотъ поземельный участокъ, которымъ онъ владѣетъ, вполне достаточенъ, по крайней мѣрѣ, для пропитанія его съ его семействомъ. Разъ этотъ минимумъ нарушенъ и крестьянинъ отъ своей земли долженъ бѣжать на сторону искать себѣ куска хлѣба, собственность теряетъ свою чарующую силу, потому что при такой собственности онъ точно также остается не обезпеченъ въ своемъ пропитаніи, какъ и всякій батракъ и пролетарій. А не имѣя полного обезпеченія въ землѣ, крестьянинъ не можетъ, еслибы и хотѣлъ, сосредоточить на ней всѣхъ своихъ заботъ и помысловъ, не можетъ привязаться къ ней съ тою страстію, съ какою привязывается къ ней мелкій собственникъ, вполне ею обезпечиваемый. Переставъ быть его кормилицей, земля перестаетъ быть и его любовницей. Какъ скоро порвана эта внутренняя связь между крестьяниномъ и землей, — конецъ благосостоянію крестьянина и страны. Крестьянинъ обрекается на вѣчное нищенство, страна на хищничество и опустошеніе своихъ земель. «Если, говоритъ Дж. Ст. Милль:—участокъ земли, принадлежа-

¹ Основныя начала пол. экономіи, Милля, т. I, стр. 326, 366 и 332.

щій поселянину, недостаточенъ для поддержки его благосостоянія, то хотя бы этотъ участокъ принадлежалъ ему по праву полной собственности, такое положеніе дѣль, имѣя всѣ невыгоды, едва ли будетъ имѣть хотя какую нибудь изъ выгодъ системы мелкой собственности. Поселянинъ принужденъ будетъ тогда или скудно жить продуктами своей земли, или постоянно пріобрѣтать средства къ жизни, нанимаясь въ работники, какъ будто вовсе нѣтъ у него поземельной собственности, а если всѣ сосѣдніе участки также мелки, какъ его участокъ, то ему трудно будетъ и находить себѣ работу»¹. А недостатокъ работы, при множествѣ конкурентовъ на нее естественно и неизбежно поведетъ къ пониженію вообще заработной платы въ мѣстности, а, слѣдовательно, и къ пониженію въ ней общаго благосостоянія.

Но это не все. Земледѣльческая культура страны, гдѣ поземельная собственность преимущественно мелкая, а поземельные участки, принадлежащіе мелкимъ собственникамъ такъ незначительны, что не могутъ ихъ пропитывать, должна неминуемо съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падать. Крестьянинъ, который отъ своей земли долженъ бѣгать и на сторонѣ искать себѣ заработковъ для пропитанія, не можетъ ни такъ хорошо знать своей земли, какъ знаетъ ее мелкій собственникъ, прокармливающійся отъ нея и постоянно одною ею или ею преимущественно занятый, ни такъ тщательно ее обрабатывать. Напротивъ, съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе будетъ отставать отъ нея, обрабатывать ее небрежно, какъ наемникъ, стремиться и приспособляться къ тѣмъ заработкамъ, которые обѣщаютъ болѣе обезпеченія и въ концѣ концовъ, вѣрно, бросить ее. Такая обработка земли будетъ истощать почву страны, уменьшить земледѣльческій продуктъ въ ней и размножить въ сельскомъ населеніи пролетаріевъ — людей, отставшихъ отъ земледѣлія и неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій для своего пропитанія. Ибо стоитъ разъ отстать отъ земледѣлія, а потомъ возвратиться къ нему будетъ очень трудно. Еще Гакстгаузенъ, рассуждая объ отхожихъ промыслахъ и производимомъ ими передвиженіи населенія въ Россіи, писалъ: «Это передвиженіе ослабляетъ и разрушаетъ любовь къ семьѣ и къ своей родинѣ и, кромѣ того, отнимаетъ отъ земледѣлія нужныя для него руки. Замѣчено, и это можно принять за постоянное правило въ Россіи, что человѣкъ, по какой бы то ни было причинѣ, бросившій земледѣліе, никогда не возвращается къ нему болѣе. Въ особенности рѣзко это видно на отставныхъ солдатахъ, которые, не имѣя обыкно-

¹ Тамъ же, стр. 329.

венно никакихъ средствъ, идутъ въ сторожа, въ разносчики, въ лакеи и т. д., но никогда не возвращаются къ своему прежнему состоянію земледѣльцевъ»¹.

Но, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ культура земли, должно пострадать моральное развитіе народа въ каждой странѣ, гдѣ массы теряютъ прочное обезпеченіе въ средствахъ жизни. Въ этомъ отношеніи воспитательное значеніе собственности, — и именно только вполне обезпечивающей собственности, — ничѣмъ незамѣнимо. Первое, что даетъ такая собственность каждому крестьянину, это — чувство хозяйственной самостоятельности, независимости ни отъ кого и ни отъ чего, кромѣ собственнаго труда. Разъ крестьянинъ сознаетъ, что онъ стоитъ на корню, что его матеріальное благосостояніе находится въ его собственныхъ рукахъ, онъ уже поставленъ самымъ этимъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи сравнительно съ другими простыми работниками его среды на такую высоту, которая достижима, быть можетъ, только для немногихъ изъ послѣднихъ. Въ немъ немедленно является смыслъ, сообразительность и извѣстная широта взгляда относительно своего дѣла. Это уже не простой рабочій, который машинально дѣлаетъ то, что ему укажутъ, которому нѣтъ дѣла до того, чѣмъ заняты другіе, которому все равно, что бы изъ работы ни вышло. Онъ уже соображаетъ: какъ и что надобно дѣлать, чѣмъ и когда лучше заняться, придумываетъ, какъ бы лучше повести дѣло. У него является естественная гордость — не ударить лицомъ въ грязь передъ другими, не повести хозяйства хуже другихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пробуждается естественное желаніе узнать: какъ и что дѣлается у другихъ, поучиться, позаимствовать лучшее, — однимъ словомъ, пробуждается любознательность и наблюдательность. Недаромъ же замѣчаютъ, что англійскій работникъ, у котораго отнята мысль имѣть собственность, стоитъ по сметкѣ и сообразительности гораздо ниже рабочихъ континентальныхъ странъ. Та же самая гордость заставляетъ хозяина-собственника, — бѣденъ ли онъ, богатъ ли, — довольствоваться своимъ достаткомъ, не протягивать руки къ своему сосѣду за разными подачками. Это стремленіе быть обязаннымъ всѣмъ самому себѣ порождаетъ въ немъ расчетливость и бережливость. Какъ батраки и вообще люди, неимѣющіе обезпеченнаго хозяйства, не заботятся о будущемъ и тратятъ всѣ свои заработки, такъ, напротивъ, земледѣльцы-собственники, вполне обезпеченные, склонны совершен-

¹ Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и проч., соч. Гакстаузена, стр. 124. Москва. 1870 г.

но къ противоположной крайности; ихъ бережливость нерѣдко переходитъ въ скопидомство. «Они, — говоритъ Милль, — отказываютъ себѣ въ удобствахъ и удовольствіяхъ, которыхъ нельзя было бы не одобрить, и живутъ скудно, чтобы копить деньги». Но это зло еще неважное, хотя такое скопидомство и превращается иногда въ кулачество. Милль справедливо говоритъ, что «еще дешево покупается этою цѣною неоцѣненное достоинство, какое составляетъ для народа водвореніе привычки опираться на собственные силы; это достоинство одно изъ первыхъ условій всего хорошаго въ человѣкѣ, это корень, безъ котораго трудно утвердиться въ человѣкѣ всѣмъ другимъ хорошимъ качествамъ; это качество, необходимое рабочему классу даже и для того, чтобы достигъ порядочнаго матеріальнаго благосостоянія». Кромѣ того, кулачество между вполне обеспеченными крестьянами можетъ быть явленіемъ только исключительнымъ; скопидомство можетъ случаться чаще, но оно большею частію не только безвредно, но иногда и полезно по пословицѣ: «скупость не глупость»; замѣчено, что крестьяне во всѣхъ странахъ копятъ свои деньги большею частію для того, чтобы прикупить земли. Слѣдовательно, въ общемъ остается благоразумная бережливость. Что значитъ быть благоразумно бережливымъ? Это значитъ для крестьянина не бросать денегъ зря, но вести расходъ такъ, чтобы и хозяйство держать въ добромъ порядкѣ, и себя самого такъ, чтобы передъ міромъ не было стыдно. У бережливаго хозяина и кафтанъ всегда добросуконный и чистый, и сапоги кожаные высокіе, и домъ хорошій, неразвалившійся и въ домѣ все чисто и прилично, и хлѣбъ-соль есть. Онъ и воровать не пойдетъ, и въ кабакъ безъ нужды не пойдетъ, и ссоръ и дракъ не затѣетъ, даже въ домѣ своемъ съ женою и дѣтьми будетъ обращаться по иному, не какъ другіе. Однимъ словомъ, создайте только бережливаго, т. е. имѣющаго обезпечивающую вполне собственность хозяина, и вы поднимете нравственность народа на неизмѣримую высоту въ сравненіи съ тѣмъ, что есть теперь хоть бы у насъ. И наоборотъ, если вы не дадите крестьянину ни кола, ни двора или посадите его на такомъ клочкѣ земли, который даже скудно пропитывать его не можетъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что онъ сдѣлается мало по малу и лѣнтяемъ, и пьяницею, и воромъ и т. п.

Лучшимъ и нагляднымъ доказательствомъ этому можетъ служить Испанія. Едва ли еще какой нибудь другой народъ въ Европѣ пользовался такой дурной репутаціей въ продолженіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ и у иностранцевъ, и у своего собственнаго дворянства, какъ испанцы. Говорили объ испанцахъ, что и лѣ-

нивѣйшій это изъ народовъ, и безпечнѣйшій, что привыкъ онъ жить во всякой грязи и нечистотѣ, ничего лучшаго не желаетъ и никакого проку отъ него ждать нельзя. Жалкое состояніе Испаніи, повидимому, подтверждало эту репутацію. Въ самомъ дѣлѣ такая богатая и плодородная страна какъ Испанія не могла пропитывать своего сравнительно-незначительнаго населенія собственнымъ хлѣбомъ. Даже еще не далѣе, какъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, она пятую часть потребнаго для его пропитанія хлѣба получала изъ за границы. Обвинители народа или не хотѣли вникать въ причины такого жалкаго состоянія Испаніи, или имѣли интересъ не разъяснять этихъ причинъ другимъ. Исключая немногихъ добросовѣстныхъ путешественниковъ, никто, на примѣръ, не обращалъ вниманія на то, что всѣ богатѣйшія и плодороднѣйшія провинціи Испаніи, какъ-то: Эстремадура, Андалузія и др. были превращены въ маіоратныя владѣнія и находились въ рукахъ немногихъ грандовъ. Такъ, Андалузія почти вся принадлежала четверемъ только герцогамъ: Инфантидо, Медина де Ріозеко, Эскалона и Оссуна, изъ которыхъ первый получалъ отъ своихъ земель ежегоднаго дохода 90 тысячъ дукатовъ, герцогъ Эскалона 100 тысячъ, а остальные двое по 130 тысячъ. Точно такіе же громадныя маіораты выдѣлялись въ другихъ богатыхъ провинціяхъ. Такъ, герцоги Медина Цэли и Медина Сидоніа въ провинціяхъ Гранадѣ и Толедо получали каждый отъ своихъ имѣній по 150 тысячъ дукатовъ ежегоднаго дохода. Что же такое были эти маіоратныя имѣнія для страны? Одинъ путешественникъ французъ, посѣтившій въ концѣ прошлаго столѣтія маіоратъ герцога Медина Сидоніа, такъ описываетъ это владѣніе: «Цѣлыхъ десять часовъ ѣхалъ я по владѣніямъ герцога Медина Сидоніа; на всемъ пространствѣ моего пути я не встрѣчалъ ничего, кромѣ полей и пастбищъ. Не было нигдѣ ни малѣйшаго слѣда жилаго мѣста; нигдѣ ни сада, ни огорода, ни канавы, ни загороди. Крупный собственникъ господствовалъ здѣсь подобно льву въ лѣсахъ, который своимъ рычаніемъ разгоняетъ все, что могло бы къ нему приблизиться. Въмѣсто человѣческихъ жилищъ я натолкнулся только на семь или восемь стадъ рогатаго скота и кобылицъ. Когда видишь этихъ животныхъ свободно носящимися безъ ярма и узды на этихъ необозримыхъ, безграничныхъ поляхъ, то невольно переносишься мыслию въ первобытнѣйшій міръ, когда животныя раздѣляли еще съ человекомъ господство надъ землею, вездѣ находили свою собственность и не принадлежали никому». Когда, такимъ образомъ, гранды захватили въ свои руки всѣ плодороднѣйшія и богатѣйшія провинціи Испаніи, превративъ ихъ въ маіоратныя ля-

тифундіи, народъ могъ находить себѣ пріютъ и удобно для себя располагаться единственно въ тѣхъ провинціяхъ, которыя по своей почвѣ не представляли собою приманки для жадности грандовъ. Таковы были Баскія, или Бискаія, Астурія, Галиція, Каталонія. Всѣ эти провинціи имѣли почву неблагоприятную, каменистую, самую трудную для обработки. но во всѣхъ нихъ была достаточная мелкая собственность, полная или наследственная, съ умеренными рентами, а Баскія, кромѣ того, умѣла отстоять всѣ свои древнія права — фуэросы, при общемъ уничтоженіи ихъ во всей Испаніи при Карлѣ V. И тотъ самый народъ, который былъ лѣнивъ, безпеченъ и бѣдствовалъ въ богатѣйшихъ провинціяхъ Испаніи, — здѣсь въ провинціяхъ съ почвою каменистою и неблагоприятною, оказывался дѣятельнѣйшимъ и трудолюбивымъ. Когда Эстремадура — одна изъ самыхъ цвѣтущихъ и населеннѣйшихъ провинцій Испаніи во время римлянъ, мавровъ, готовъ, не могла пропитывать въ XVII, XVIII и даже началѣ XIX столѣтія, болѣе, чѣмъ 357 человекъ на квадратной милѣ, когда вмѣстѣ съ нею не менѣе богатая Андалузія, не смотря на малочисленность своего населенія, значительную, а по нѣкоторымъ даже большую часть хлѣба, нужную для его пропитанія, получала изъ за границы, въ это самое время бѣдная по природѣ, каменистая Баскія пропитывала свыше тысячи человекъ на одной квадратной милѣ... Но вотъ со второго десятилѣтія нынѣшняго столѣтія начинается новая эра для всей Испаніи. Въ 1811 году было упразднено здѣсь крепостное право; почти одновременно съ этимъ всѣ временныя крестьянскія аренды были превращены въ наследственные съ опредѣленною рентою; въ 1820 и 1821 году окончательно уничтожены маіораты, потомъ послѣдовала секвестрація имущества, находившихся въ рукахъ монастырей и духовенства, и ихъ продажа. Крестьяне жадно раскупили продававшіяся земли, такъ что правительство получило почти въ три раза большую сумму, чѣмъ какую предполагало получить. Многократныя реакціи, непрестанныя политическія безпокойства мѣшаютъ пока обнаружиться вполне тѣмъ результатамъ, которые долженъ принести этотъ новый порядокъ вещей; но нѣкоторые уже есть и теперь, по нимъ мы можемъ судить о томъ будущемъ, которсе ожидаетъ Испанію, когда она успокоится политически. Тогда какъ начиная съ XVI столѣтія народонаселеніе Испаніи постоянно уменьшалось—въ 1534 году въ Испаніи было 8.206,791 жит., въ 1702 году оказалось всего 5.700,000 душъ и этого незначительнаго населенія она все-таки не могла пропитывать даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, теперь народонаселеніе Испаніи увеличилось почти втрое болѣе, чѣмъ было оно

въ началѣ XVIII столѣтія, и Испанія не только его пропитываетъ, но и отпускаетъ огромное количество хлѣба за границу. Не смотря на частыя реакціи, политическія безпокойства, хроническое разстройство финансовъ, государственныя бумаги Испаніи пользуются довѣріемъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ. Испанскій крестьянинъ, обвинявшійся въ лѣности, безпечности, крайней испорченности, оказался дѣятельнымъ, трудолюбивымъ, бережливымъ. Даже склонности къ спиртнымъ напиткамъ показываетъ меньше, чѣмъ крестьяне всѣхъ другихъ сторонъ ¹. А между тѣмъ у него пока и образованія такого нѣтъ, какое имѣютъ крестьяне другихъ странъ, и нѣтъ такой попечительной полиціи, которая заставляла бы его писать приговоры о наказаніи за пьянство. Ясно ли теперь, что можетъ утвердить нравственность въ народѣ?

Нельзя не пожалѣть, что люди, которые у насъ болѣе всѣхъ кричатъ о безнравственности народа, о его лѣности, пьянствѣ, страсти къ воровству и т. п., менѣе всѣхъ вникаютъ въ причины этой безнравственности. Всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о безнравственности народа, у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ мѣръ противъ угрожающаго зла, кромѣ усиленія полицейскихъ мѣръ; благо это такія мѣры, которыхъ не нужно выдумывать, онѣ всѣми свято памятуются и хранятся, какъ отчее наслѣдіе, хотя людямъ, титулюющимъ себя образованными, должно бы быть извѣстно, что полицейскія мѣры не могутъ создавать ни благосостоянія, ни нравственности, а могутъ только охранять ихъ, въ излишество же употребляемая, самымъ вѣрнымъ образомъ, разрушаютъ и то, и другое. За то, когда становится вопросъ о мѣрахъ, которыя дѣйствительно могли бы поднять нравственность народа, именно о прочномъ матеріальномъ обезпеченіи его, о солидномъ устройствѣ его хозяйства, тѣ же самые моралисты являются рѣшительными противниками этихъ мѣръ. Еслибы это происходило изъ исторической вражды сословій, съ этимъ еще можно бы было помириться; была бы причина; но у насъ этой вражды, благодаря Бога, нѣтъ. Еслибы это происходило изъ какихъ-нибудь тонкихъ расчетовъ своекорыстія, и съ этимъ даже можно бы было помириться; ибо кто себѣ врагъ? Но и этого нѣтъ. Никто не доволенъ, и трудно, въ самомъ дѣлѣ, быть довольнымъ, постоянно чувствуя, что бокъ о бокъ съ тобой живетъ безчисленное множество голодныхъ и холодныхъ сосѣдей, изъ которыхъ каждый,

¹ Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft etc, von Sugenheim, т. I стр. 36—78.

можетъ смотрѣть на тебя, не иначе, какъ съ завистию и злостию... Жизнь ли это? Счевидно, что такой жизни никто желать себѣ не можетъ, а слѣдовательно, не можетъ и создавать, и устроить ее для себя по преднамѣренному разсчету. А если она создалась и устроилась руками тѣхъ именно, которые ее не желали, то это могло произойти отъ недомыслия, крайней ограниченности, совершеннаго непониманія своихъ прямыхъ выгодъ. Такъ оно дѣйствительно и было.

Перечитывая отчеты редакціонныхъ комиссій, невольно изумляешься тому учердію, съ которымъ члены губернскихъ комитетовъ хлопочутъ не только объ уменьшеніи крестьянскихъ надѣловъ до невозможности вести на нихъ какое бы то ни было хозяйство, но и о совершенномъ обезземеленіи крестьянъ. Напрасно редакціонныя комиссіи возражаютъ имъ, что правительство согласиться на это не можетъ, что при слишкомъ сильномъ сокращеніи крестьянскихъ надѣловъ оно было бы поставлено въ необходимость вводить ихъ насильственными мѣрами. Что-жь за важность—насильственныя мѣры?! Если онѣ нужны, то почему же ихъ и не употребить?!

Такой или почти такой отвѣтъ даютъ депутаты комиссіямъ въ слѣдующихъ, нисколько не двусмысленныхъ выраженіяхъ: «Мы вовсе не считаемъ, — говорятъ они послѣднимъ, — серьезнымъ доводъ редакціонныхъ комиссій касательно невозможности для правительства отвѣчать за сохраненіе общественнаго спокойствія при уменьшеніи надѣловъ крестьянъ... Дворянство хорошо знаетъ условія сельскаго быта и не могло бы предложить опасную мѣру, тѣмъ болѣе, что эта опасность прежде всего обратилась бы на самихъ помѣщиковъ. Правительство также не откажется отъ своей обязанности поддерживать и защищать право собственности, хотя бы и старались его увѣрить, что такая защита опасна для общественнаго спокойствія»¹.

Итакъ, вопросъ объ уменьшеніи крестьянскаго надѣла противъ крѣпостной нормы для губернскихъ депутатовъ былъ нѣкоторымъ образомъ вопросомъ жизни и смерти! Добиваться возможнаго сокращенія этихъ надѣловъ надобно было во что бы то ни стало даже съ требованіемъ употребленія оружія! Что же? Земли что ли въ пользованіе крестьянъ во время крѣпостнаго права было такъ много, что еслибы отдать всю эту землю имъ въ собственность, у помѣщиковъ не на чемъ было бы вести

¹ Крестьянское дѣло, Стрещицкаго. Т. II, ч. 1-я, стр. 137.

своего хозяйства? Нѣтъ, — по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1861 году редакціонными комиссіями о числѣ помѣщиковъ и крестьянъ и о количествѣ находившейся въ пользованіи тѣхъ и другихъ земли, извѣстно, что состояло земли:

въ распоряженіи 103,158 помѣщиковъ 69,721,094 десятины.

въ пользованіи 9,795,163 крестьянъ 35,779,014 десятинъ,

такъ что среднимъ числомъ на cadaго помѣщика приходилось 673 десятины, на cadaго крестьянина только 3,6 десятины! Надѣль, кажется, не роскошный, и скорѣе слѣдовало бы стараться увеличить его, по крайней мѣрѣ, вдвое, если не втрое, чѣмъ требовать его урѣзки даже съ употребленіемъ, еслибы понадобилось, оружія.

Что же, спрашивается, заставляло губернскихъ депутатовъ вести въ комиссіяхъ ожесточенную борьбу за сокращеніе крестьянскихъ надѣловъ до крайняго минимума, даже до обезземеленія, и отстаивать чуть не каждый шагъ земли, точно у нихъ отнимаютъ послѣднее достояніе?

Недомысліе и ограниченность, а никакъ не злобство. Эти добродушные люди, требовавшіе сокращенія крестьянскихъ надѣловъ, не страшась даже употребленія оружія, совершенно не понимали, что они дѣлали. И если ужъ нужно кого нибудь здѣсь обвинять, то подражая гоголевскому почтмейстеру, обвинявшему въ прибытіи ревизора французовъ, правильнѣе было бы сказать: что тутъ англичанинъ гадилъ, а никакъ не они. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ всѣ дебаты о надѣлахъ сквозитъ розовая мысль о томъ, какъ это хорошо будетъ въ Россіи, когда она уподобится Англіи, когда у мужика, какъ здѣсь, земли не будетъ или вовсе, или будетъ очень мало, а ѣсть мужикъ будетъ хотѣть по прежнему, и онъ натурально, будетъ поставленъ въ необходимость арендовать господскія земли. Какія массы явятся тогда конкурентовъ на земли, — какія огромныя ренты будутъ получать землевладѣльцы русскіе, пожалуй, еще покрупнѣе, чѣмъ въ Англіи!

Не будемъ пока говорить о безсмыслицѣ самаго представленія, которымъ предполагается возможность установить въ Россіи такія же поземельныя отношенія, какія существуютъ въ Англіи. Согласимся на время, что это возможно, и что русскіе землевладѣльцы искренно желаютъ всѣхъ русскихъ мужиковъ превратить въ арендаторовъ. По здравому смыслу что для этого надобно дѣлать? Надобно дать крестьянину столько земли, чтобы онъ не только былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи, но даже имѣлъ достатокъ. Да, чтобы имѣлъ даже достатокъ. Потому, что за ра-

дось имѣть арендатора, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, который ничего не имѣетъ, и не можетъ ничѣмъ обезпечить своей аренды, и, который, въ родѣ кочевника, можетъ ускакать отъ васъ во всякое время, потому что ему жалѣть даже нечего? Но, говорятъ:—если вы дадите крестьянину столько земли, что онъ въ своемъ пропитаніи будетъ обезпеченъ, онъ ограничится ея обработкою, болѣе не будетъ ничего ни искать, ни дѣлать, и потому арендовать чужихъ земель не будетъ. По здравому смыслу это опять не такъ. Политическая экономія учитъ, что самое вѣрное средство возбудить всю энергію силъ работника къ труду—это возвысить и увеличить его потребности, воспитать его въ такихъ привычкахъ, которыя требуютъ большихъ средствъ для своего удовлетворенія. А этого можно достигнуть не иначе, какъ поставивъ его на такой уровень благосостоянія, который давалъ бы нѣкоторую возможность удовлетворять вновь появляющимся потребностямъ и образовываться лучшимъ привычкамъ. Если мужикъ будетъ обезпеченъ въ своемъ пропитаніи съ нѣкоторымъ избыткомъ, то у него явится желаніе и самому имѣть кафтанъ получше, и жену нарядить, и избу устроить получше, и скоть, и разную утварь завести получше и тому подобныя потребности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, явится желаніе, за недостаткомъ своей, прихватить земли на сторонѣ. При такомъ настроеніи нечего опасаться, что онъ не успѣетъ справиться съ работой, онъ нарабатываетъ вдвое, втрое противъ того, что онъ работаетъ теперь,—но при этомъ, будетъ и сосѣдъ хорошій, и съемщикъ земли надежный.

Но такъ учить здравый смыслъ; по уличной и классической экономіи,—что, впрочемъ, зачастую почти одно и то же,—изъ которой всѣ почерпаютъ хозяйственную мудрость, выходитъ это совсѣмъ иначе. Хозяинъ скопидомъ пользуясь труднымъ положеніемъ и даже просто какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ нанимающихся къ нему рабочихъ, хочетъ обобрать ихъ, дать имъ цѣну далеко не божескую, но нѣсколько сомнѣвается: не будетъ ли, дескать, это ужъ очень несправедливо и обидно для рабочихъ? Онъ беретъ первое попавшееся ему подъ руку политико-экономическое сочиненіе, чтобы найти разрѣшеніе своему сомнѣнію,—и читаетъ: «принужденіе къ работѣ законодательнымъ путемъ, говоритъ авторъ сочиненія:—соединено съ слишкомъ большими трудностями, насиліями и шумомъ, между тѣмъ, какъ *голодъ* оказываетъ не только мирное, безгласное и постоянное давленіе, но какъ самый естественный мотивъ для промышленности и труда вызываетъ также и наибольшее напряженіе силъ». «Нѣтъ, этотъ что-то ужъ черезъ-чуръ хва-

таеть, — смѣло-ко я возьму что-нибудь посоліднѣе и болѣе научное», и беретъ классическаго автора. Но и классическій авторъ говоритъ ему: напрасно вы сомнѣваетесь; смѣло давайте грошъ вмѣсто рубля, если рабочіе соглашаются на это. Тутъ вы ни въ чемъ не виноваты; тутъ вы дѣйствуете по непреложному закону спроса и предложенія. И если вы дадите больше, то сдѣлаете просто даже глупость. Въ каждой странѣ существуетъ извѣстный неизмѣнный фондъ заработной платы, изъ котораго каждому рабочему достается именно столько, сколько должно достаться. Каждый частный предприниматель или хозяинъ есть *eo ipso* представитель этого фонда, и сколько бы онъ ни давалъ рабочему по непреложному закону спроса и предложенія, онъ даетъ именно столько, сколько слѣдуетъ дать. Такъ ужъ это установлено самимъ Богомъ, гласятъ послѣдователи классической экономіи, — и, кромѣ того, архифилистеромъ Іереміею Бентамомъ, прибавляетъ злобно авторъ «Капитала», извѣстный ересіархъ, отщепенецъ православной экономіи.

Таковы господствующія воззрѣнія и уличной, и классической экономіи, — воззрѣнія, которыми мы пропитываемся всѣ съ дѣтства съ начала отъ нашихъ родителей, отъ лицъ близкихъ къ намъ, потомъ въ школѣ, потомъ во всѣхъ кругахъ и обществахъ, куда насъ забрасываетъ судьба. И можетъ быть, въ настоящее время не много можно найти натуръ, настолько сильныхъ, которыя вполне отрѣшились отъ этихъ воззрѣній и почитаютъ безчестнымъ обирать своего собрата подъ благовиднымъ прикрытіемъ закона спроса и предложенія. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, если ни члены губернскихъ комитетовъ, ни редакціонныя комиссіи не нашли ничего ни предосудительнаго, ни несправедливаго въ томъ, чтобы примѣнить принципъ конкуренціи къ поземельной рентѣ и основать у насъ систему *коттерства*, т. е. такую систему аренды, въ которой крестьяне, неимѣющіе вовсе земли или имѣющіе ея недостаточное количество, нанимаютъ земли сами непосредственно у землевладѣльца, и въ которой та или другая величина выдаваемой ими ренты опредѣляется ихъ взаимнымъ соперничествомъ.

Извѣстно, что нигдѣ не принято отдавать земли въ пользованіе землевладѣльцамъ-поселянамъ на принципъ соперничества. Они пользуются землею обыкновенно или на правѣ собственности, или на правѣ потомственнаго владѣнія за извѣстную, твердо опредѣленную неизмѣнную ренту, или, наконецъ, на правѣ временнаго владѣнія за ренту, опредѣляемую обычаемъ. Система *коттерства* подъ вліяніемъ англійскихъ поземельныхъ отношеній развила и господствуетъ въ Европѣ исключительно въ

Ирландіи. Подъ вліяніемъ тѣхъ же отношеній она основалась въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи, но потомъ оставлена. Въ сущности, впрочемъ, система коттерства не имѣетъ ничего общаго съ системою англійскаго арендованія земель или крупнаго фермерства, хотя и та, и другая основаны на принципѣ соперничества. По системѣ фермерства земли отдаются обыкновенно капиталистамъ или вообще людямъ состоятельнымъ, слѣдовательно, конкуренція идетъ здѣсь между капиталистами. Капиталистъ не выдастъ за землю такой ренты, которая уничтожила бы его прибыль. Онъ разсчитываетъ все: необходимый для затраты капитала, издержки производства, процентъ прибыли и дастъ за аренду приблизительно ни болѣе, ни менѣе того, чего она въ дѣйствительности стоитъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда конкуррентами на аренду являются люди, ничего неимѣющіе, у которыхъ нѣтъ не только никакого солиднаго капитала, но нечѣмъ даже заплатить за аренду, мало того: нечѣмъ даже, быть можетъ, просуществовать завтрашній день. Понятно, что такіе люди не могутъ раздумывать: дешево или дорого съ нихъ требуютъ за аренду, они готовы всегда дать какую угодно цѣну, только бы имъ дали землю. Секретарь комиссіи, изслѣдовавшей законы о бѣдныхъ въ Ирландіи, Ривенсъ, говоритъ, что онъ видѣлъ въ Ирландіи ферму, которая не могла давать, какъ ему до точности извѣстно, доходу болѣе 50 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и которая, благодаря коттерству, находилась въ арендѣ за 450 фунтовъ стерлинговъ. «Въ Ирландіи,—говоритъ онъ же,—въ каждой семьѣ, неимѣющей достаточно земли для своего прокормленія, одинъ или нѣсколько человѣкъ ходятъ по міру; изъ этого легко понять, что поселяне всячески стараются снимать мелкіе участки, и что предлагаемая ими рента не основывается ни на плодородіи земли, ни на собственной ихъ возможности заплатить обѣщанныя деньги: они просто обѣщаютъ плату какую угодно, лишь бы получить участокъ. Почти никогда не могутъ они уплатить обѣщанной ренты, и потому, какъ только вступили въ пользованіе землею, становятся должниками людямъ, у которыхъ сняли ее. Въ уплату ренты они отдають весь продуктъ земли, за исключеніемъ картофеля, нужнаго на ихъ прокормленіе; но вся эта плата бываетъ обыкновенно меньше обѣщанной ренты, потому долгъ ихъ обыкновенно растетъ. Иногда обѣщанная рента бываетъ больше всего самаго урожайнаго продукта, какой когда-либо случался на участкѣ, или какой можетъ дать участокъ въ наилучшее лѣто при существующей системѣ обработки; поэтомъ, еслибы поселянинъ исполнилъ условія договора съ землевладельцемъ, которыхъ почти никогда не можетъ исполнить, то онъ

воздѣлывалъ бы землю задаромъ, и еще давалъ бы землевладѣльцу премію за позволеніе воздѣлывать ее»¹.

Конечно, въ странѣ, гдѣ много свободныхъ земель и населеніе по отношенію къ нимъ не очень еще значительно, какъ у насъ, система коттерства не можетъ причинять особеннаго вреда, хотя, впрочемъ, и у насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, густо населенныхъ, какъ, на примѣръ, Курской, Тамбовской и т. п., она начинаетъ сказываться довольно ощутительно. Но для насъ въ данномъ случаѣ важенъ не столько размѣръ явленій, уже вызванныхъ у насъ системою коттерства, сколько внесеніе въ нашу жизнь самаго принципа, который не преминетъ вызвать вездѣ, гдѣ откроется возможность, сродныя себѣ явленія. Что система коттерства принесетъ огромный вредъ всюду, гдѣ она успѣетъ развиться и утвердиться, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; она разорила окончательно ирландскій народъ и до настоящаго времени остается источникомъ всевозможныхъ бѣдствій въ Ирландіи. Мы не думаемъ, чтобы кто нибудь желалъ въ наше землевладѣніе ввести ирландскія отношенія. И если система коттерства имѣлась у насъ въ виду при надѣлѣ крестьянъ землею и потомъ, дѣйствительно, какъ бы санкціонирована скудостію надѣловъ, то этого мы не можемъ себѣ объяснить ничѣмъ другихъ, какъ только тѣмъ, что ни члены губернскихъ комитетовъ, ни даже члены редакціонныхъ комиссій не были знакомы съ разрушительными дѣйствіями этой системы. Иначе они не допустили бы такихъ ничтожныхъ надѣловъ именно въ тѣхъ губерніяхъ, которыя населены очень густо и гдѣ слѣдовательно система коттерства очень легко и быстро можетъ утвердиться, или, по крайней мѣрѣ, предупредили бы ея развитіе какими-нибудь ограниченіями. Вообще обществу нашему пока совершенно не ясенъ тотъ вредъ, которымъ угрожаетъ въ будущемъ нарождающаяся у насъ система коттерства. Многіе радуются даже тому, что въ нѣкоторыхъ густо населенныхъ губерніяхъ арендная плата идетъ съ каждымъ годомъ все въ гору и гору, полагая, что это именно и есть знаменіе наступленія того, обѣщающаго нашимъ русскимъ ландлордамъ золотыя горы, фермерства, о которомъ они мечтали въ дни разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, всякому извѣстно, что истинное фермерство не можетъ явиться ни въ одной странѣ прежде, чѣмъ почувствуется въ ней необходимость и возможность приложенія большихъ капиталовъ къ землѣ и прежде, чѣмъ образуются капиталисты изъ самихъ земледѣльцевъ или людей, изучавшихъ его теоретически, которые одни и

¹ Осн. пол. эе. Милля, т. I, стр. 373.

способны быть фермерами. Въ настоящее же время роль фермеровъ у насъ разыгрываютъ или кулаки-купцы, или евреи, или ненашедшій для себя нигдѣ помѣщенія и хлѣба благородный людъ, т. е. аферисты, которые ничего не смыслятъ въ земледѣліи, смотрятъ на аренду, какъ на выгодную аферу, и которые о томъ только и заботятся, чтобы какъ можно скорѣе выжавъ изъ арендуемой ими земли все, что можно, убѣжать отъ нея и перейти къ какой-нибудь другой аферѣ, болѣе выгодной. Такое фермерство для почвы, пожалуй, еще хуже всякаго коттерства, потому что оно беспощадно истощаетъ землю, когда обрабатываетъ ее наемнымъ трудомъ; а когда, раздѣляя ее на мелкіе участки, раздаетъ въ аренду крестьянамъ, то дѣлаетъ это на основаніи того же принципа соперничества, какъ и система коттерства, но съ тѣмъ различіемъ противъ послѣдней, что арендаторъ, какъ платящій ренту, назначаетъ гораздо выснія цѣны за отдаваемые въ наемъ участки, чѣмъ назначилъ бы самъ землевладѣлецъ. Если есть какое-нибудь преимущество *русскаго* фермерства передъ системою коттерства, то развѣ только въ томъ, что, по рѣдкости аферистовъ, фермерство зло пока рѣдкое и вредитъ болѣе частнымъ интересамъ лицъ и интеллигентныхъ, и состоятельныхъ, которыя сами могутъ защитить себя, если захотятъ; слѣдовательно, зло это терпѣть еще кой-какъ можно; но коттерство совсѣмъ другое дѣло. Это такое зло, которое угрожаетъ распространиться и которое всею своею тяжестью падаетъ на беззащитный и неразвитый народъ. Этого зла правительство не можетъ и не должно терпѣть; оно имѣетъ и право, и обязанность подавить его немедленно въ его началѣ. «Рентамъ,—говоритъ Милль,—платимымъ поселянами, никогда не слѣдуетъ быть произвольными, никогда не слѣдуетъ зависѣть отъ землевладѣльца; эти ренты необходимо должны быть опредѣлены неизмѣнно обычаемъ или закономъ; а гдѣ не установился, какъ въ тосканскомъ половничествѣ, взаимный выгодный обычай, тамъ разсудокъ и опытъ требуютъ, чтобы рентамъ была назначена неизмѣнная величина государственною властью»¹.

Все, что мы говорили доселѣ о поселянахъ-собственникахъ, мы говорили почти исключительно на основаніи богатыхъ свѣдѣній, собранныхъ по этому предмету Д. С. Миллемъ и помѣщенныхъ въ его Политической экономіи. Хотя сочиненіе это выходитъ въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, кажется, уже третьимъ изданіемъ и существовало въ самомъ началѣ разрѣшенія крестьянскаго вопроса, тѣмъ не менѣе можно фактами доказать, что

¹ Основ. политич. экон. Милля. Т. I-й, стр. 385.

оно остается до настоящаго времени неизвѣстно нашимъ официальнымъ и офиціознымъ лицамъ, и превосходное изслѣдованіе Милля о мелкой поземельной собственности, писанное точно нарочито для нашей страны, остается у насъ безъ всякаго вниманія, именно въ то время, когда идетъ коренное преобразование крестьянскаго быта во всѣхъ направленіяхъ. Нельзя не признаться, что это составляетъ одно изъ прискорбныхъ явленій нашей жизни, что люди, назначаемые въ разныя преобразовательныя комиссіи, очень часто ничего не знаютъ и ничего не читаютъ, но преобразовываютъ все такъ, какъ имъ Богъ положить на душу. Оттого многіе преобразовательные эксперименты ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые совершались во время Федора Ивановича или Бориса Годунова разными безграмотными боярами и подъячими, и только ломаютъ и уродуютъ то, что было лучшаго въ развитіи народа, не создавая сами ничего ни нужнаго, ни желаемаго для народа. Пора бы, кажется, положить конецъ такому порядку вещей и приставлять ко всякому дѣлу, въ особенности въ законодательныхъ вопросахъ, такихъ людей, которые приготовлены къ нему или, по крайней мѣрѣ, старались уразумѣть и изучить его. У нашихъ сосѣдей пруссаковъ юноша, предназначающій себя въ государственную службу, обязывается окончить полный курсъ наукъ по подлежащему для этой цѣли факультету. «Потомъ онъ долженъ извѣстное число лѣтъ прослужить въ томъ вѣдомствѣ, которое онъ избралъ по своей спеціальности, для того, чтобы практически изучить свое дѣло. И только тогда уже онъ допускается къ испытанію, которое признаетъ его вполне способнымъ къ государственной службѣ, или не признаетъ. Для лицъ, желающихъ получить право на занятіе высшихъ должностей, по финансовому, напримѣръ, управленію, при испытаніи требуется знаніе: государственнаго права, политической экономіи, полицейскаго и финансоваго права, и, по крайней мѣрѣ, общее знакомство съ вспомогательными камеральными науками, особенно съ сельскимъ хозяйствомъ». «Славу и гордость Пруссіи,—говоритъ Петерсъ,—составляетъ то, что она въ числѣ своихъ чиновниковъ имѣетъ людей образованныхъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Чтобы поддержать эту славу, тщательно блюдутъ за тѣмъ, чтобы въ государствѣ не ослабѣвало научное образованіе»¹.

Конечно, для нашихъ чиновниковъ такихъ высокихъ требованій ставить невозможно. Но все-таки было бы желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, лицамъ, назначаемымъ въ преобразова-

¹ Финансовое управленіе и финансы Пруссіи, соч. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. Спб. 1871. Т. I-й, стр. 101—112.

тельные комиссіи, нарочито предлагали что-нибудь прочитывать по тѣмъ предметамъ, которые должны подлежать обсужденію. Тогда въ ихъ словахъ чувствовалось бы скромное и убѣдительное знаніе дѣла, а не банальныя только и ярыя фразы, какія вѣщаетъ, на примѣръ, хотъ г. фонъ-Бушенъ о предметѣ, ему мало извѣстномъ, а въ ихъ законопроектахъ видна была бы мудрая осторожность и подобающее уваженіе къ здоровому народному смыслу.

Отъ общихъ соображеній о томъ экономическомъ состояніи, которое должно было создаться нашею системою надѣловъ, мы перейдемъ теперь къ самимъ фактамъ.

Докладъ высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее интересное свѣдѣніе о крестьянахъ:

«Крестьяне жадно покупаютъ земли какъ въ черноземныхъ, такъ и нечерноземныхъ мѣстностяхъ и часто платятъ за землю столь дорого, что предлагаемая ими цѣна далеко не соответствуетъ установившейся доходности, но, покупая малыми участками и почти не цѣня свой трудъ, они, тѣмъ не менѣе, считаютъ такія сдѣлки для себя выгодными. Земли приобрѣтаются крестьянами въ собственность вообще единолично, а иногда нѣсколькими хозяевами вмѣстѣ путемъ складчины. Крестьянинъ, купившій землю въ личную собственность, относится къ ней съ крайнею бережливостью, какъ опытный и разсудительный хозяинъ. При этомъ онъ рѣдко выходитъ изъ общины и рѣдко бросаетъ свой прежній надѣлъ, хотя землю, находящуюся въ общинномъ владѣніи, пренебрегаетъ (!?) и часто сдаетъ односельчанамъ. Были случаи, когда крестьяне покупали землю не только небольшими участками, но и цѣлыми небольшими имѣніями. Небольшими же участками въ теченіи одного года въ Курской губерніи было куплено крестьянами земли на сумму до 2-хъ милліоновъ рублей»¹.

Вотъ фактъ, который безъ всякихъ комментаріевъ нагляднымъ образомъ рисуетъ намъ современное положеніе крестьянскаго хозяйства. Крестьянинъ бѣжитъ отъ даннаго ему надѣла и покупаетъ вновь себѣ землю на сторонѣ. «Но какъ же это такъ? Вѣдь онъ заплатилъ выкупъ за землю?» Да, заплатилъ, но онъ поступается своими деньгами; ему не въ моготу сидѣть на такомъ клочкѣ земли, на которомъ онъ ничего заработать не можетъ, и онъ находитъ выгоднѣйшимъ вдвое, втрое болѣе по-

¹ См. Докладъ и проч. стр. 8.

тратить денегъ, только добиться бы количества земли, настолько достаточнаго, чтобы онъ могъ вкладывать свой трудъ не напрасно, чтобы земля была дѣйствительной его кормилицей. Докладъ дѣлаетъ намекъ, что крестьяне пренебрегаютъ своими надѣлами вслѣдствіе общиннаго землевладѣнія. Но это собственное предположеніе авторовъ доклада, на которое нѣтъ ни малѣйшаго намека въ тѣхъ показаніяхъ, на которыя они ссылаются, и которое вполне опровергается тѣмъ, что земли равно охотно покупаются крестьянами и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ общины, какъ-то: въ губерніяхъ Харьковской, Полтавской, въ Сѣверо-западномъ краѣ и т. п. Кромѣ того, наши нѣмцы-колонисты не бѣгутъ же изъ своихъ общинъ. Очевидно, что если крестьянинъ при малѣйшей возможности уходитъ отъ своего надѣла, поступаясь даже заплаченными за него деньгами, то дѣло тутъ не въ общинѣ, а въ недостаточности надѣла, въ томъ, что, оставаясь при надѣлѣ, крестьянину быть не у чего.

Мы уже слышали показаніе одного эксперта, который говоритъ, что хорошій работникъ, справляя аккуратно всѣ безчисленные русскіе праздники, все-таки легко отработаетъ одинъ четыре душевыхъ надѣла. Слѣдовательно, онъ въ мѣру для своего труда былъ бы надѣленъ землею только тогда, когда бы ему дано было одному пять нынѣшнихъ душевыхъ надѣловъ, т.-е. 15 десятинъ. Рѣчь у эксперта идетъ о Воронежской губерніи. Но показаніе этого эксперта не единственное: то же самое приблизительно показываютъ и другіе эксперты объ этомъ предметѣ какъ по той же Воронежской, такъ и по другимъ губерніямъ. Крестьянинъ нигдѣ почти, даже въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, не можетъ кормиться однимъ своимъ надѣломъ. Онъ долженъ искать работы на сторонѣ. Такъ о Тамбовской губерніи, Кирсановскомъ уѣздѣ (гдѣ надѣлъ сравнительно очень высокій, именно въ $3\frac{1}{2}$ десятинъ на душу) землевладѣлецъ Петрово-Соловово говоритъ: «что касается до крестьянъ, то они всѣ вышли на выкупъ; но надѣлы ихъ очень малы, а слѣдовательно обременены большими платежами; не имѣя къ тому же денегъ на хозяйство, они ихъ занимаютъ и платятъ проценты, что вмѣстѣ съ другими повинностями составляетъ значительную сумму, такъ что состояніе ихъ должно дѣлаться хуже и хуже. Вслѣдствіе недостаточности надѣла, крестьяне должны нанимать земли на сторонѣ»¹. Подобнымъ образомъ отзывается графъ Шереметевъ, бывшій орловскій губернский предводитель, о надѣлахъ въ Орловской губерніи, — показанія его относятся къ черноземнымъ уѣздамъ: одному орловскому и двумъ

¹ Тамъ же стр. 279.

тульскимъ (во всѣхъ трехъ надѣлѣ на 1 душу, какъ и въ Воронежской 3 десятины): «крестьянскій надѣлъ составляетъ въ сложности 3 дес. на душу; изъ этого числа приблизительно одна десятина находится подъ усадьбою, выгономъ, пастбищами и другими угодьями, которыя хотя и не отнесены къ неудобнымъ мѣстамъ, но не обрабатываются ни въ видѣ посѣва, ни въ видѣ укоса травы; затѣмъ двѣ десятины остаются въ его пользованіи въ 3-хъ поляхъ, или въ каждомъ полѣ по 40 саж. (1,600 кв. саж.). Считая средній урожай, кромѣ сѣмянъ, 4½ четверти озимаго и 6 четвертей яроваго съ десятины, двѣ трети этого количества составляютъ три четверти озимаго и четыре четверти озимаго, что недостаточно для прокормленія соответствующаго одному надѣлу наличнаго числа душъ»¹. Между тѣмъ, продолжаетъ графъ Шереметевъ, съ дохода такого надѣла, который не можетъ прокармливать сидящихъ на немъ душъ, взимается болѣе 200% налоговъ и сборовъ. Точно также говоритъ о надѣлахъ въ Симбирской и Пензенской губерніи графъ А. П. Шуваловъ, петербургскій губернскій предводитель дворянства. «Что касается до крестьянскихъ надѣлѣ, отвѣчаетъ онъ комиссіи, то для меня не подлежитъ сомнѣнію, что въ общей сложности налоги превышаютъ доходность земли, такъ что невозможно даже признать ихъ поземельными, а лишь замаскированными личными налогами, самый же крестьянскій надѣлъ является тутъ не какъ дѣйствительная собственность, а какъ способъ соединенія — приурочиванія плательщиковъ къ одному мѣсту для цѣлей фиска»². Къ такимъ же безотраднымъ выводамъ относительно крестьянскаго населенія всей Россіи пришелъ засѣдавшій въ комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго состоянія сельскаго хозяйства дѣйствительный статскій совѣтникъ Тютчевъ. Отзывъ г. Тютчева важенъ для насъ потому, что онъ представляетъ собою общій выводъ, сдѣланный на основаніи всѣхъ свѣденій и документовъ, имѣвшихся въ рукахъ комиссіи. «Въ большей части случаевъ, говоритъ г. Тютчевъ, находящіяся въ распоряженіи крестьянъ земли при недостаточности ихъ... не обезпечиваютъ существованія крестьянина и уплаты лежащихъ на немъ разнообразныхъ податей и другихъ платежей, которые между тѣмъ годъ отъ году увеличиваются, при возрастающей повсемѣстно дороговизнѣ на всѣ безъ исключенія предметы потребленія. Доказательствъ этому много, и во первыхъ всѣмъ извѣстный фактъ, что вообще въ сѣверной полосѣ Россіи урожая хлѣба на прокормленіе крестьян-

¹ Тамъ же стр. 266.

² Тамъ же стр. 195.

ской семьи достаётъ не болѣе, чѣмъ на полгода, а иногда и на гораздо меньшее время, вслѣдствіе чего и существуетъ вынужденный отхожіи промыселъ, необходимый прежде всего для собственнаго прокормленія крестьянина и оставшейся дома семьи, а затѣмъ и для уплаты различныхъ денежныхъ повинностей. Другимъ болѣе точнымъ доказательствомъ могутъ служить въ 30 губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, собранныя земскими управами свѣдѣнія, изъ которыхъ оказывается, что только въ 78 уѣздахъ имперіи доходность земельного крестьянскаго владѣнія превышаетъ сумму платежей, лежащихъ на землѣ, а въ 222 уѣздахъ доходность эта ниже оклада. Наконецъ изъ трудовъ податной комиссіи усматривается, что крестьянину собственнику великороссійскихъ и малороссійскихъ губерній приходится уплачивать ежегодно съ каждой десятины въ средней сложности отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к., а въ Тверской губерніи 2 р. 39 к. Такая несоразмѣрность платежей съ доходностью будетъ болѣе рельефна, если сдѣлать примѣненіе ея къ владѣнію въ 10,000 десятинъ, которому, по вышеизложенному расчету, пришлось бы ежегодно уплачивать отъ 15 до 35,000 рублей, предположеніе немислимое, но приводящее къ соображеніямъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходится бороться крестьянскому населенію»¹. Свидѣтельствъ и доказательствъ на то, что крестьянинъ не можетъ ни пропитываться даннымъ имъ надѣломъ, ни уплачивать лежащихъ на нихъ податей и повинностей мы могли бы, еслибы было нужно, привести безчисленное множество. Но и тѣхъ, которыя мы привели, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что крестьянинъ поставленъ въ необходимость искать обезпеченія себѣ помимо своей земли въ другихъ стороннихъ доходахъ.

Обыкновенно какъ на обильный источникъ такихъ доходовъ указываютъ на заработки и аренду помѣщичьихъ земель. Но «заработки,—весьма справедливо замѣчаетъ. гр. Щереметевъ, мнѣніе котораго о надѣлахъ мы уже привели,—зависятъ не отъ воли крестьянъ, а отъ обстоятельствъ случайныхъ, и потому трудно опредѣлить имъ какую-нибудь норму. Если въ мѣстности живетъ землевладѣлецъ, нуждающійся въ рабочихъ, или существуетъ промышленность, вызывающая потребность въ извозѣ, то крестьянину легко найти работу; если-же условій этихъ не существуетъ, или зимній путь устанавливается поздно, то крестьяне лишаются этой поддержки и положеніе ихъ становится еще безотраднѣе. Впрочемъ, и при наилучшихъ условіяхъ заработковъ въ описываемой мѣстности, вознагражденіе, получаемое

¹ Тамъ же приложение V, стр. 46.

простымъ полевымъ рабочимъ, отъ 40 до 45 р. въ годъ, далеко не удовлетворяетъ дѣйствительной потребности его жизни, самой не прихотливой». То, что говорится здѣсь о случайности и незначительности заработковъ въ губерніяхъ Орловской и Тульской, за немногими исключеніями, можно сказать обо всѣхъ губерніяхъ въ Россіи. Что касается до арендованія земель, то арендная плата ихъ въ мѣстностяхъ плодородныхъ и густо населенныхъ, благодаря *системѣ коттерства*, дошла уже въ настоящее время до 20 и болѣе рублей за десятину пахатную и до 40 и 50 за луговую въ годъ¹, такъ что въ лучшіе урожайные годы прибыль, которую крестьянинъ можетъ получать отъ обработки арендованной десятины, никакъ значительной быть не можетъ, въ годы же средняго урожая или неурожайные аренда только закабаляетъ крестьянина въ неоплатные долги. Какъ по этому, такъ и въ виду другихъ неблагопріятныхъ случайностей крестьянину надобно имѣть много мужества, чтобы рѣшиться арендовать землю. Онъ можетъ арендовать землю не иначе, какъ въ долгъ, но нанимая землю въ долгъ, онъ долженъ помнить, что будетъ ли урожай, нѣтъ ли, тутъ снисхожденія или отсрочки уплаты долга не будетъ. «Тутъ, какъ характеристически выражается Петрово-Соловово, за крестьянами недоимокъ не числится потому, что если онъ нынче не заплатитъ, то на будущій годъ ему болѣе не дадутъ земли; къ тому же нерѣдко требуютъ деньги всѣ или половину впередъ». Мы слышали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тамбовской губерніи вошло въ обычай не позволять крестьянину собирать созрѣвшій хлѣбъ на арендованной землѣ, прежде чѣмъ онъ внесетъ полную сумму аренды за землю. Крестьянинъ арендованной земли, когда наступаетъ время жатвы, бросается во всѣ стороны, чтобы добыть денегъ и зачастую для этой цѣли продаетъ хлѣбъ на своемъ участкѣ первому встрѣчному за какую попало цѣну. Но и такую разорительную сдѣлку совершить не всегда удается. Нерѣдко случается, что онъ отказывается отъ сбора хлѣба съ арендованной десятины, потерявъ за даромъ и сѣмена и труды.

Такимъ образомъ ни мѣстные заработки, ни арендованіе земель не представляютъ собою такихъ вѣрныхъ источниковъ для крестьянскаго обезпеченія, какими ихъ обыкновенно представляютъ. Все это вещи чисто случайныя и невѣрныя. По временамъ въ тѣхъ

¹ Тамъ же стр. 51 и 58.

или другихъ мѣстностяхъ бываетъ, конечно, удача и на заработки, и на выгодное арендованіе земель; но за то въ остальныхъ всѣхъ мѣстностяхъ въ то же время или вовсе нѣтъ заработковъ, или они точно также, какъ арендныя земли, ничего не даютъ, кромѣ потери времени и дефицита. То же самое должно сказать и объ отхожихъ промыслахъ, съ тѣмъ только добавленіемъ что они неизбѣжно отъучаютъ крестьянское населеніе не только отъ сельскаго хозяйства и полевыхъ работъ, но часто отъ всякаго хозяйства и отъ всякой работы, приучаютъ къ шатанью и барству, внося деморализацію въ семью и вообще въ крестьянскую среду.

Стало быть въ концѣ концовъ крестьянскому населенію въ большинствѣ не остается все-таки никакого болѣе вѣрнаго дѣла, какъ сидѣть на данномъ ему участкѣ, какъ онъ ни малъ, и голодать на немъ, ожидая лучшихъ временъ. И надобно отдать честь нашему крестьянину, онъ обдержанъ исторіей и приученъ къ терпѣнію неимовѣрному. Послѣ освобожденія онъ крѣпко держится за данный ему надѣлъ въ ожиданіи лучшаго времени. Крестьянскія земли, отъ которыхъ при надѣлахъ отошли луга и пастбища, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выпахиваются и дѣлаются совершенно непроизводительными. «Страшное стѣсненіе въ выгонахъ,—говоритъ экспертъ Совѣтовъ, профессоръ сельскаго хозяйства,—представляетъ такое больное мѣсто въ крестьянскомъ хозяйствѣ, что въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть въ будущемъ своего рода закрѣпощеніе крестьянъ. Крестьянамъ рѣшительно нѣтъ возможности лѣтомъ держать скотъ на своей землѣ, и по этому они должны бывать его пасти на земляхъ помѣщичьихъ. Пока они разными неправдами еще могутъ пользоваться этими землями; но придетъ пора, когда помѣщичьи уголья мало по малу огородаются и тогда крестьянамъ придется дорого платить за право выгона. Луговъ также почти нѣтъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ или они находятся въ самомъ безобразномъ положеніи»¹. Изъ единогласныхъ почти показаній разныхъ лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ крестьянскимъ хозяйствомъ, показаній, собранныхъ въ 40 губерніяхъ, видно², что послѣ освобожденія крестьянъ, вслѣдствіе недостатка луговъ и пастбищъ, скотъ

¹ Тамъ же 108.

² Приложение II, Скотоводство.

у крестьянъ повсюду сталъ уменьшаться. За недостаткомъ скота земли крестьянъ, оставаясь вовсе безъ удобренія или удобряема плохо, въ самыхъ лучшихъ мѣстностяхъ быстро выпахиваются. Графъ В. И. Орловъ-Давыдовъ, землевладѣлецъ Самарской и Симбирской губерніи, по этому предмету даетъ такое показаніе въ комиссіи: «Земли истощаются даже въ черноземной полосѣ. Въ Самарской губерніи земли даже при залежномъ хозяйствѣ утрачиваютъ свое прежнее плодородіе. Земли же, принадлежащія крестьянамъ и окружающія ихъ селенія, до того истощены, что жалко на нихъ смотрѣть. Съ трудомъ можно разобрать, гдѣ посѣяна пшеница, до того посѣвъ зарастаетъ репейникомъ и другими сорными травами... Коренной и главный недостатокъ нашего хозяйства заключается въ несоотвѣтствующей къ пространству запашекъ пропорціи скота и въ недостаткѣ луговъ. Крестьяне послѣ 1861 года не имѣютъ прежней пропорціи поемныхъ луговъ»¹. Вслѣдствіе непроизводительности выпаханныхъ земель, крестьяне начинаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросать ихъ, въ другихъ вмѣсто пашни обращаютъ ихъ въ толоки. У крестьянъ во всей сѣверной части губерніи (Херсонской),—говоритъ экспертъ Шафонскій,—скота стало меньше... Рѣдко можно найти хозяина, который имѣлъ бы болѣе двухъ паръ воловъ. Это происходитъ оттого, что земля, отведенная въ надѣль, не вознаграждаетъ трудъ и недостаточна для прокормленія семьи. Крестьяне вѣроятно скоро совершенно перестанутъ работать на надѣлѣ». Далѣе экспертъ говоритъ, что даже въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ надѣль больше, напр. Елисаветградскомъ, крестьяне или продолжаютъ пахать ежегодно одну и ту же землю, не заботясь объ ея удобреніи или бросаютъ совсѣмъ пашню и обращаютъ весь надѣль подъ толоку. «До освобожденія отъ крѣпостнаго права, говоритъ онъ, помѣщикъ выпаханную землю запускалъ подъ сѣнокосъ и толоку, а крестьянамъ отводилъ другую. На выпаханной землѣ у насъ обыкновенно растетъ отличная трава, а послѣ толоки превосходный родится хлѣбъ». Но крестьяне, при ничтожномъ количествѣ земли, находящейся въ ихъ распоряженіи, очевидно, такъ не могутъ вести дѣло. Въ Симбирской губерніи, которая вся черноземная, трехдесятиный надѣль оказывается недостаточнымъ «для обезпеченія годичнаго существованія семейства, вслѣдствіе чего, говоритъ одинъ изъ экспертовъ, помѣщикъ карсунскаго уѣзда, Селиверстовъ, большинство крестьянъ почти вовсе не занимаютъ хлѣбопашествомъ и значительная часть ихъ полей вовсе заброшена. Крестьяне этой мѣстности (гдѣ его имѣніе) пред-

¹ Тамъ же стр. 232.

почитаютъ невѣрному вознагражденію за тяжелый трудъ воздѣлыванія скудной почвы, вѣрный заработокъ на моей суконной фабрикѣ»¹. Но если отъ недостатка луговъ и выгоновъ страдаетъ черноземная полоса, то о нечерноземной и говорить нечего. Здѣсь земледѣліе безъ удобренія вообще немыслимо; теперь же съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, когда на рынокъ сѣверной полосы доставляется такъ много хлѣба изъ полосы черноземной, гораздо болѣе дешеваго, чѣмъ мѣстный, удобреніе должно быть особенно обильно и тщательно. Между тѣмъ послѣ крестьянской реформы съ отнятіемъ у крестьянъ земли, такъ называемой запольной, и съ ограниченіемъ ихъ одними скудными надѣлами, у нихъ скотоводство вездѣ уменьшилось по крайней мѣрѣ вдвое противъ прежняго. Профессоръ земледѣльческой академіи Стебуть, знакомый, по его словамъ, изъ своихъ поѣздокъ съ состояніемъ земледѣлія во всей Россіи, говоритъ, что въ нечерноземной полосѣ средній урожай за послѣдніе 10 лѣтъ, едва ли можно считать выше двухъ четвертей озимаго. При очевидномъ избыткѣ на сѣверѣ рабочей силы, которая не можетъ быть употреблена производительно, по его мнѣнію, слѣдовало бы «или облегчить крестьянамъ отсюда переселеніе въ болѣе плодородныя губерніи, или насколько возможно покровительствовать культурѣ тѣхъ растений, которыя лучше оплачивали бы трудъ. Между этими растеніями заслуживаетъ особеннаго вниманія для сѣверной полосы ленъ, но воздѣлываніе его должно сопровождаться травосѣяніемъ и улучшеніемъ скотоводства»². Другой профессоръ Менделѣевъ, въ качествѣ эксперта, о Московской губерніи говоритъ, что «она находится въ условіяхъ, весьма неблагоприятныхъ для сельскаго хозяйства, особенно крестьянскаго при современныхъ экономическихъ условіяхъ, и еслибы узаконенія относительно переселенія крестьянъ были свободнѣе, то здѣсь осталось бы, мнѣ кажется, не много. Въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ столько благоприятныхъ краевъ, оставаться большой массѣ хлѣбопашцевъ въ этой мѣстности нѣтъ никакой выгоды»³.

Изъ всего доселѣ сказаннаго видно, что въ настоящее время неисчислимая масса крестьянскаго труда пронадаетъ совершенно напрасно, непроизводительно для государства и народонаселенія. Крестьянинъ бьется какъ рыба объ ледъ, не имѣя никогда покоя, чтобы найти себѣ кусокъ хлѣба; труда и безпокойства онъ употребляетъ собственно гораздо болѣе, чѣмъ прежде, но все

¹ Тамъ же стр. 153.

² Тамъ же стр. 140.

³ Тамъ же стр. 107.

время проходить болѣе въ напрасномъ бѣганьи за дѣломъ, — и даже въ счастливомъ случаѣ, когда т. е. поиски увѣнчаются успѣхомъ, онъ поставляется въ необходимость прилагать свой трудъ или во все не къ тому дѣлу, къ которому онъ болѣе всего способенъ и которое, слѣдовательно, можетъ вести самымъ производительнымъ образомъ, а къ какимъ нибудь другимъ работамъ и послугамъ, которыя и сами по себѣ не оплачиваются такъ хорошо, какъ земледѣліе, а при обилии конкурентовъ на нихъ даютъ и еще меньше, — или если и къ земледѣлію, т. е. къ земледѣлію на чужой землѣ, аренда которой за частую, не приноситъ ничего, кромѣ кабалы и окончательнаго раззоренія. Подобное условіе для добыванія себѣ хлѣба въ виду множества лежащихъ впускѣ въ государствѣ земель должно дѣйствовать на крестьянина убійственно. Это нѣсколько похоже на то, какъ если бы возложили на крестьянина тѣже самые подати и поборы, которые онъ несетъ теперь, и заставили его зарабатывать ихъ собираніемъ грибовъ, ягодъ и т. п. Человѣкъ бѣгалъ бы цѣлый день до послѣдняго истощенія и въ концѣ концовъ все таки не доставалъ бы себѣ настолько, чтобы этого хватало на самое скудное пропитаніе. При этомъ и въ будущемъ не представляется ничего радостнаго, никакихъ надеждъ. Напротивъ чѣмъ далѣе будетъ идти время, тѣмъ будетъ хуже. Надѣль, который не можетъ прокормить крестьянина теперь, тѣмъ болѣе не въ состояніи будетъ прокармливать его черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, когда число членовъ его семьи удвоится, быть можетъ утроится. Естественно, что крестьянинъ не можетъ помириться съ мыслью, что онъ долженъ остаться на такомъ бѣдственномъ хозяйствѣ. Большое число крестьянъ готово немедленно оставить свои земли, бросить все свое хозяйственное заведеніе, и идти искать новыхъ поселеній на свободныхъ земляхъ, и было уже не мало случаевъ, что при первомъ ложномъ слухѣ о томъ, что правительство вызываетъ охотниковъ изъ крестьянъ для заселенія тѣхъ или другихъ мѣстъ, цѣлыя мѣстности приходили въ движеніе, подымались съ мѣстъ, чтобы идти въ мѣста невѣдомыя, бросая все, — и только силою останавливались въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Подобныя состоянія не могутъ не дѣйствовать убійственно на крестьянина, потому что въ виду неисходнаго нищенства, они убиваютъ его энергію къ труду, заставляютъ не думать о завтрашнемъ днѣ, дѣлаютъ равнодушнымъ ко всему, приучаютъ топить горе къ чарочкѣ. Кто при этомъ можетъ исчислить и измѣрить всю ту массу нравственнаго вреда, какую подобныя состоянія развиваютъ въ крестьянской средѣ? — Сколько людей въ этой средѣ, при недостаткѣ собственнаго хозяйства и серьезнаго собственнаго труда, могутъ совершенно отстать

отъ земледѣльческаго труда, не приучившись вмѣстѣ съ тѣмъ ни къ какому другому? Сколько можетъ образоваться людей ничего не дѣлающихъ—деревенскихъ шалопаевъ! сколько можетъ народиться деревенскихъ аферистовъ разнаго рода, спекуляторовъ, которые будутъ жить исключительно обманомъ—эксплуатаціей невѣжества и простоты своихъ собратій? Наконецъ, сколько явится прямыхъ и открытыхъ воровъ?

Но предположимъ даже, что мы смотримъ очень мрачно; предположимъ, что крестьянинъ съумѣетъ болѣе или менѣе сохраниться цѣлымъ во все трудное время своего временнаго прикрѣпленія, т. е. что онъ не умретъ съ голоду, не отучится отъ тяжелаго труда, не сдѣлается воровъ, не пойдетъ грабить на большія дороги, однимъ словомъ съумѣетъ благополучно дотянуть до того великаго момента, когда онъ заплатитъ послѣдній выкупной рубль за свой надѣлъ и сдѣлается наконецъ его собственникомъ и дѣйствительно свободнымъ, т. е. имѣющимъ право идти на всѣ четыре стороны! Какую радость онъ получитъ отъ этого? Никакой. Онъ долженъ будетъ начать съ того же, съ чего началъ бы и всегда—и вчера, и сегодня, и завтра, однимъ словомъ въ каждый день, въ который объявили бы его свободнымъ, т. е. бросить свою собственность, которою выкупалъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ и идти искать себѣ новаго поселенія на земляхъ свободныхъ, гдѣ бы онъ могъ безбѣдно пропитываться съ своею семьею. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ крестьянскій вопросъ долженъ начаться снова..

Можетъ быть, тогда крестьяне устроятся лучше, если они не успѣютъ окончательно испортиться до того времени, и если ихъ свободной колонизаціи не будетъ поставлено препятствій. Но до того времени въ теченіи цѣлаго пятидесятилѣтія сколько потрачено будетъ напрасно, непроизводительно ни для народа, ни для государства силъ? Сколькихъ сотенъ милліардовъ богатствъ не досчитается странаю, которыя она могла-бы имѣть при другомъ положеніи дѣлъ? На сколько времени отстанетъ онъ въ своемъ развитіи отъ своихъ сосѣдей? Можно сказать смѣло, безъ всякаго преувеличенія, что изъ полной суммы той энергіи и напряженія труда, которую могла бы имѣть масса всѣхъ наличныхъ земледѣльческихъ работниковъ въ Россіи при правильномъ устройствѣ здѣсь поземельнаго труда, она выдѣляетъ теперь не болѣе трети, и Россія производитъ не болѣе трети тѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые могла бы производить при лучшихъ условіяхъ именно крестьянскаго труда.

У насъ есть много людей, которые, не вдумываясь въ суть дѣла, не могутъ безъ восторга говорить о томъ, что мы надѣлили всѣхъ кре-

стьянъ землею, не такъ какъ Европа, пустившая очень многихъ изъ освобожденныхъ безъ земли; при этомъ обыкновенно право и неправо Европѣ много достается огульной брани за то, что она отпустила своихъ крестьянъ на волю безъ надѣла или не всѣхъ надѣлила и всѣ ея злостраданія приписываются именно этому обстоятельству. Эти люди забываютъ, что наша страна поставлена въ такихъ условіяхъ, что разъ мы рѣшились освободить крестьянъ, мы не могли освободить ихъ иначе, какъ съ землею. Представимъ себѣ, что Россія освобождаетъ крестьянъ по образцу нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, не надѣлившихъ вовсе освобожденныхъ крестьянъ землею, даетъ имъ только личную свободу, но свободу въ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. полную свободу съ правомъ идти на всѣ четыре стороны. Сдѣлаемъ теперь еще и другое представленіе, именно, что ни одинъ изъ освобожденныхъ крестьянъ не хочетъ идти ни въ какія соглашенія съ бывшими помѣщиками относительно земли, не хочетъ брать у нихъ земли ни за какую самую ничтожную цѣну. Что жъ? Вы думаете, — государство могло бы потерпѣть, чтобы двадцать милліоновъ крестьянъ осталось безъ земли, чтобы они обратились въ шатающихся по Россіи пролетаріевъ? — Но тогда какими доходами стало бы жить государство? Чѣмъ стало бы оно покрывать свой бюджетъ? Кѣмъ стало бы населять свои безчисленныя земли? Если при освобожденіи крестьянъ возникъ вопросъ о томъ: съ землею ли ихъ освобождать или безъ земли и по этому вопросу велись горячіе споры, то это только потому, что имѣлось въ виду освобожденіемъ крестьянъ не раззорить помѣщиковъ, не оставить ихъ безъ капитала, необходимаго для веденія хозяйства, не лишитъ рабочихъ рукъ, и въ виду этого предполагалось временное прекрѣпленіе крестьянъ къ мѣсту своего жительства съ обязательствомъ платить повинности помѣщику за свою усадьбу. При такомъ только предположеніи надѣль крестьянъ землею дѣлался вопросомъ. Небудь этого, получи крестьяне полную личную свободу, правительство поставлено было бы въ необходимость немедленно устроить ихъ на государственныхъ земляхъ и несомнѣнно устроило бы гораздо солиднѣе и хозяйственнѣе, чѣмъ теперь, хотя и употребило бы только половину и даже треть тѣхъ денегъ, которыя оно употребляетъ теперь на выкупъ. Слѣдовательно намъ нечего хвалиться тѣмъ, что мы надѣлили крестьянъ землею. Мы можемъ не давать никогда полной свободы крестьянамъ, держать ихъ въ вѣчномъ прикрѣпленіи, какъ на примѣръ, въ Остзейскихъ губерніяхъ и тогда можемъ, конечно, и надѣлять ихъ землею и не надѣлять, какъ намъ будетъ угодно, но разъ мы дадимъ имъ *полную лич-*

ную свободу, мы поставлены будемъ въ необходимость надѣлить ихъ землею.

Совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ стояли къ крестьянскому вопросу другія правительства. Мы, освобождая крестьянъ не могли не дать имъ всѣмъ земли, еслибы и хотѣли; они, напротивъ, при всемъ своемъ желаніи дать всѣмъ освобождаемымъ крестьянамъ землю, не могли ее дать. Но при этомъ многія изъ нихъ сдѣлали все, чтобы черезъ освобожденіе не руйнировать хозяйствъ тѣхъ крестьянъ, которые владѣли землею въ крѣпостномъ состояніи. Въ продолженіи почти всего XVIII столѣтія правительства какъ Пруссіи, такъ Австріи внимательно слѣдили затѣмъ, чтобы земли крестьянъ ни подъ какимъ предлогомъ не были присоединяемы къ дворянскимъ имѣніямъ, чтобы въ каждомъ крестьянскомъ участкѣ пользованіе оставалось наследственнымъ въ томъ семействѣ, которое ими владѣло, чтобы и въ случаѣ совершеннаго прекращенія этого семейства участокъ не былъ присоединяемъ къ дворянскимъ имѣніямъ, а переходилъ въ руки другихъ крестьянскихъ семействъ. Были составлены кадастры или описи имѣній, съ подробнымъ исчисленіемъ и оцѣнкою всѣхъ повинностей и оброковъ, лежавшихъ на крестьянскихъ участкахъ и т. п. Въ Пруссіи, гдѣ дѣло освобожденія крестьянъ тянулось цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, очень долгое время, именно съ 1816 по 1850 имѣлся въ виду выкупъ только самостоятельныхъ хозяйствъ, такихъ, для обработки которыхъ содержалась или требовалась пара лошадей или воловъ, или которыя имѣли не менѣе 25 моргеновъ земли средняго качества. Такимъ образомъ здѣсь всегда было въ виду не только дать освобождаемымъ надѣль, но и сохранить его въ такомъ размѣрѣ, чтобы на немъ можно было вести самостоятельное хозяйство. У насъ въ высочайшихъ рескриптахъ была указана, какъ мы видѣли уже, эта же самая цѣль, — къ сожалѣнію, редакціонныя комиссіи при развитіи основаній этихъ рескриптовъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе уклонялись отъ этой цѣли и, наконецъ, можно сказать, совершенно потеряли ее изъ виду, понизивъ въ концѣ концовъ размѣръ надѣловъ до самыхъ микроскопическихъ минимумовъ. Между тѣмъ, еслибы предположить даже, что у насъ не было бы достаточно земли для надѣленія всѣхъ освобожденныхъ крестьянъ и вопросъ ставился бы такимъ образомъ: что лучше — всѣмъ ли имъ дать земли понемножку или половину оставить вовсе безъ земли, но за то остальныхъ надѣлить такъ, чтобы они могли бы жить безбѣдно и даже въ довольствѣ, то, кажется, трудно было бы колебаться въ выборѣ. По крайней мѣрѣ для насъ, русскихъ, теперь въ подобномъ выборѣ не можетъ быть сомнѣнія. Десяти-

лѣтній опытъ нашихъ крестьянъ на плохихъ надѣлахъ показалъ намъ ясно, что давать надѣлъ, на которомъ нельзя основать солиднаго и прочнаго хозяйства, значитъ почти тоже, что и оставлять крестьянъ безъ земли. Рано или поздно въ самыхъ лучшихъ мѣстностяхъ, при маломъ надѣлѣ истощеніе земли неизбежно, и надѣленнаго землею неминуемо должна постигнуть та же участь, что и безземельнаго.

Въ настоящее время едвали можно насчитать нѣсколько губерній, гдѣ крестьянинъ можетъ добывать себѣ столько хлѣба на своемъ надѣлѣ, сколько нужно на безбѣдное продовольствіе въ теченіи цѣлаго года. Обыкновенно, даже въ годы средняго урожая онъ всѣмъ правдами и неправдами едва дотягиваетъ отъ одной жатвы до другой. Первый неурожайный годъ — и начинается голодъ. Нынѣ голодъ въ Самарской и отчасти Херсонской губерніи; никто не поручится, что на слѣдующій годъ при малѣйшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ не посѣтитъ онъ любую изъ нашихъ губерній. Едвали можно указать двѣ-три губерніи, которыя можно считать въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе обезпеченными. Стоитъ пробѣжать труды комиссіи, собиравшей свѣдѣнія о современномъ состояніи нашего сельскаго хозяйства, чтобы убѣдиться вполне, что наши неурожаи зависятъ не отъ однихъ случайныхъ атмосферическихъ явленій; ихъ основная причина коренится въ неудачной скудной постановкѣ нашего крестьянскаго хозяйства. Если это послѣднее не будетъ исправлено, то по всей вѣроятности, чѣмъ далѣе будетъ идти время, тѣмъ неурожаи будутъ повторяться все чаще и чаще и, наконецъ, голодованія сдѣлаются явленіемъ хроническимъ. Можно привести безчисленное множество статистическихъ фактовъ и свидѣтельствъ въ доказательство того, что подобное явленіе неизбежно наступаетъ во всякой земледѣльческой странѣ, даже при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, гдѣ крестьянскіе поземельные участки начинаютъ дѣлаться недостаточными для веденія самостоятельнаго хозяйства. Возьмемъ, на примѣръ, королевство Виртембергское. Оно поставлено въ такія благопріятныя климатическія условія, что большая часть нашей территоріи не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ нимъ. Но тамъ, въ большей части королевства, съ давняго времени была дозволена свободная продажа и дробленіе крестьянскихъ поземельныхъ надѣловъ, которые по этой причинѣ сильно измельчали, и вотъ печальныя послѣдствія этого: «въ нашихъ общинахъ, говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей, хорошо знакомый съ положеніемъ виртембергскихъ крестьянъ, — можетъ быть, даже въ большей части ихъ число неимѣющихъ никакихъ средствъ или имѣющихъ

средства, недостаточныя для своего пропитанія, относительно очень велико и кромѣ того поземельные участки обременены долгами. Многие, часто большая часть, въ обыкновенные годы средняго урожая не могутъ пропитываться жатвою отъ своихъ полей. Число крестьянъ, которые могутъ давать работу батракамъ, очень незначительно. Когда урожай бываетъ немного менѣе обыкновеннаго, тогда еще болѣе является людей, нуждающихся въ особенномъ заработкѣ, а изъ тѣхъ, которые ведутъ собственное хозяйство, еще менѣе остается такихъ, которые имѣютъ нужду въ батракахъ. Тогда государство и общины бывають поставлены въ необходимость помогать и должны предпринимать постройку дорогъ или придумывать другой родъ работы, чтобы прокормить нуждающихся. Но это часто невозможно, и тогда наступаетъ страшная нужда. Въ продолженіе зимы до лѣта еще кой-какъ перебиваются, до того времени кой-какъ пропитываются еще собственнымъ хлѣбомъ. Но съ лѣта начинается истинное бѣдствіе. Очень многимъ жить становится нечѣмъ. Хлѣбъ дѣлается до того цѣннымъ, что даже на столахъ сравнительно зажиточныхъ крестьянъ употребляется съ крайнею бережливостію. Рѣпа, размазня, болтушка безъ приправы саломъ и даже снятымъ молокомъ, дѣлаются единственной пищею сельскаго населенія. Но и для такой скудной пищи у многихъ не хватаетъ средствъ. Начинается нищенство, въ особенности дѣтей во всевозможныхъ видахъ, въ особенности усиливаются лѣсныя порубки. Тюрмы не боятся, напротивъ, часто ищутъ ея, потому что пока въ тюрмѣ, не нужно заботиться о хлѣбѣ»¹.

Изъ сказаннаго видно, что намъ приходится не хвалиться передъ Европою нашими надѣлами, а напротивъ надобно смиренно сознаться, что идя по пути, давно ею проторенному, имѣя передъ собою многочисленныя опыты и образцы всякаго рода освобожденій, мы не сумѣли воспользоваться даже готовымъ, не сумѣли приспособить того, что тамъ было сдѣлано къ нашимъ отношеніямъ и этою неумѣlostью значительно испортили великое дѣло.

Для пополненія сдѣланнаго нами обзора экономическихъ послѣдствій крестьянской реформы намъ остается сказать нѣсколько словъ о состояніи хозяйствъ помѣщичьихъ.

Мы уже сказали выше, что главною причиною принятія существовавшихъ крѣпостныхъ надѣловъ за надѣлы нормальные и затѣмъ введенія надѣловъ минимумовъ было желаніе по возмож-

¹ Gebundenheit oder freie Veräusserlichkeit des bäuerlichen Grundeigenthums in Königsreich Hannover, von Fachtmann. S. 44.

ности сохранить хозяйство во всѣхъ самыхъ малоземельныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и дать послѣднимъ возможность если не процвѣтать, то, по крайней мѣрѣ, держаться и при вольнонаемномъ трудѣ. Достигнута ли эта цѣль? Къ сожалѣнію, нѣтъ. По единогласному показанію всѣхъ экспертовъ, которыхъ выслушивала комиссія для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства въ Россіи большая часть маленькихъ помѣщичьихъ имѣній или давно вылетѣли въ трубу, или доживаютъ свои послѣдніе дни. «Хозяйства мелкихъ владѣльцевъ, имѣющихъ до 100 десятинъ,—говоритъ землевладѣлецъ Тамбовской губерніи, Петрово-Соловово—уничтожатся, такъ-какъ нѣтъ средствъ вести улучшенное хозяйство; мелкіе владѣльцы продаютъ имѣнія, а сами поступаютъ на частную или коронную службу»¹. «Мелкіе землевладѣльцы, показываетъ г. Гудимъ-Левковичъ о Кіевской губерніи, положительно обѣднѣли, и я знаю нѣсколькихъ помѣщиковъ, которые могли называться помѣщиками почти средней руки, а теперь были вынуждены пойдти въ управляющіе, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ къ существованію»². «Положеніе малоземельныхъ помѣщиковъ, говоритъ г. Мегринъ о Ростовѣ на Дону и таганрогскомъ градоначальствѣ, сдѣлалось хуже и нѣкоторые изъ нихъ даже раззорились. Маленькія хозяйства въ нашей мѣстности невозможны въ слѣдствіе дороговизны рабочихъ рукъ и частыхъ за послѣднее время неурожая»³. Г. Шереметьевъ (А. В.) показываетъ, что состояніе помѣщичьихъ хозяйствъ по Орловской и Тульской губерніи вообще удовлетворительно, но что «исключеніями являются имѣнія мелкопомѣстныя, въ которыхъ улучшения невозможны за отсутствіемъ всякихъ средствъ»⁴.

Переходя отъ имѣній мелкопомѣстныхъ къ помѣщичьимъ имѣніямъ вообще, мы находимъ, что крестьянская реформа на большую часть имѣній повліяла также неблагоприятно, какъ и на имѣнія мелкія. До крестьянской реформы у насъ нигдѣ не было почти помѣщичьихъ хозяйствъ, основанныхъ на началахъ рациональнаго сельскаго хозяйства. Всѣ хозяйства велись крѣпостнымъ трудомъ и довольствовались тѣмъ, что давалъ этотъ трудъ. Потому и крѣпостная оцѣнка земель была чисто душевая. Имѣнія, почти что независимо отъ той или другой производительности почвы, оцѣнивались по количеству проживающихъ на нихъ душъ крѣпостнаго населенія. И въ самомъ дѣлѣ, крѣ-

¹ Тамъ же, стр. 278.

² Тамъ же 256.

³ Тамъ же 259.

⁴ Тамъ же 265.

постной трудъ нѣкоторымъ образомъ уравнивалъ естественное неравенство земель и сглаживалъ различіе ихъ естественной производительности, а слѣдовательно, и ихъ дѣйствительной стоимости. Крѣпостной трудъ нигдѣ, конечно, не оплачивался, и несмотря на то, что вездѣ былъ плохъ, вездѣ давалъ избытки. Въ мѣстностяхъ съ богатою почвою, при недостаткѣ путей сообщенія и удобнаго сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, избытки эти были часто такъ велики, что понижали цѣны этихъ продуктовъ до самаго крайняго минимума. Какъ помнится, передъ самую крестьянскую реформою цѣна хлѣба въ Полтавской губерніи стояла не выше 8 к. за пудъ и покупателей не было. Въ мѣстностяхъ съ среднимъ и низшимъ качествомъ почвы такого обилія земледѣльческихъ продуктовъ не было, но за то всегда были въ обиліи требованія на нихъ, а потому и цѣны никогда не падали такъ низко, особенно въ губерніяхъ близъ столичныхъ. Кромѣ того, помѣщикъ имѣлъ здѣсь хорошіе доходы въ отхожихъ промыслахъ своихъ крѣпостныхъ. Такимъ образомъ, вплоть до крестьянской реформы, различіе земель, по ихъ естественному плодородію, для нашихъ помѣщиковъ не было особенно ощутительно и не было никѣмъ цѣнимо, такъ что имѣнія, находящіяся ближе къ столицамъ, хотя бы они находились въ губерніяхъ съ среднимъ и даже низкимъ качествомъ почвы, предпочитались имѣніямъ съ плодородною почвою, но болѣе отдаленнымъ отъ столицъ. Крестьянская реформа, уничтоживъ крѣпостной трудъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была уничтожить и ту фальшивую цѣнность, которую онъ давалъ имѣніямъ въ неплодородныхъ мѣстностяхъ. Плодородіе земли сдѣлалось основаніемъ ея цѣнности. Желѣзныя дороги еще болѣе возвысили цѣнность плодородныхъ мѣстностей, открывъ имъ всѣ рынки для конкуренціи. Въ слѣдъ за реформою цѣны на земли въ этихъ мѣстностяхъ начали быстро подниматься и растутъ чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе до настоящаго времени и, нѣтъ сомнѣнія, будутъ расти впредь, въ особенности тамъ, гдѣ населеніе густое. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ цѣнъ на земли, и благодаря все болѣе и болѣе развивающейся системѣ коттерства, даже далеко не пропорціонально съ этимъ возрастаніемъ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ растетъ арендная плата земель. Поэтому помѣщики плодородныхъ и густо населенныхъ губерній, хотя и не имѣли до реформы правильныхъ хозяйствъ, имѣютъ полную возможность завести таковыя хозяйства теперь, если хотятъ; могутъ, и не заводя никакого хозяйства, жить на богатую ренту такъ точно, какъ прежде жили на крѣпостной трудъ, прицѣваячи. Совсѣмъ въ другомъ положеніи очутились послѣ крестьян-

янской реформы помещики въ губерніяхъ съ почвою средняго или низшаго качества. Чтобы успѣшно хозяйничать здѣсь вольнонаемнымъ трудомъ, конкурируя на рынкѣ съ плодородными мѣстностями, надобно не только имѣть большіе капиталы, но и хорошую теоретическую и практическую подготовку къ сельскому хозяйству и, сверхъ того, умѣнье вести дѣло и терпѣнье. Ничего этого у нашихъ помещиковъ накоплено прежде не было. Капиталы, пожалуй, бы еще и нашлись. Помѣщики неплодородныхъ мѣстностей сбыли надѣлы крестьянамъ за такую хорошую цѣну, что она и теперь стоитъ втрое, вчетверо, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ десять разъ выше дѣйствительной. Слѣдовательно, у тѣхъ помещиковъ, которые имѣли много душъ крестьянъ, капиталовъ вести хозяйство стало бы. Но не хватаетъ моральныхъ качествъ, необходимыхъ для веденія хозяйства. Поэтому, по единогласному свидѣтельству экспертовъ, дававшихъ показанія въ комиссіи, хозяйствомъ въ неплодородныхъ мѣстностяхъ занимаются очень немногіе изъ помещиковъ. Но и объ этихъ немногихъ крестьяне говорятъ, что «побалуютъ, побалуютъ, да бросятъ». Ясно, что помещики въ неплодородныхъ мѣстностяхъ отъ крестьянской реформы не разбогатѣли и, сомнительно, разбогатѣютъ ли когда-нибудь. Вся надежда на будущее, когда увеличится народонаселеніе, земель будетъ мало, цѣна на нихъ возвысится, а вмѣстѣ съ дороговизною земель, возвысится и аренда, — однимъ словомъ, когда на Сѣверѣ наступитъ та же система коттерства, которая теперь такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ развивается въ южныхъ густо населенныхъ губерніяхъ. Но могутъ ли ожидать даже когда-нибудь въ отдаленномъ будущемъ помещики Сѣвера такой благодати?

Надобно полагать, что прикрѣпленіе къ землѣ у насъ не останется вѣчно, что черезъ 49 лѣтъ по выходѣ Положенія 19-го февраля, когда заплачены будутъ всѣ выкупныя деньги, крестьяне получаютъ полную свободу переселенія. Мы думаемъ, что не только тогда государство не въ состояніи будетъ выдерживать дальнѣйшаго закрѣпощенія труда на плохихъ надѣлахъ, но оно находится въ этомъ состояніи и теперь и переноситъ это бремя черезъ силу. 18.853,444 р. выкупныхъ недоимокъ, накопившихся всего втеченіе десяти лѣтъ съ 1861 по 1871 годъ, показываютъ очень ясно, что въ виду все болѣе и болѣе увеличивающагося, общаго обѣднѣнія крестьянъ, государству было бы гораздо выгоднѣе дозволить крестьянамъ, даже отказавшимся отъ известной части выкупныхъ платежей, теперь же по частямъ выселяться изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ трудъ ихъ, за недостаткомъ надѣла, пропадаетъ напрасно, чѣмъ продолжать взыскивать эти

платежи, во чтобы то ни стало, и держать ихъ на такихъ участкахъ земли, гдѣ, очевидно, они выработать ничего не могутъ, а будутъ съ каждымъ днемъ только все болѣе и болѣе раззоряться экономически и портиться морально. Можно, впрочемъ, смѣло сказать, что въ плодородныхъ мѣстностяхъ государство не потеряетъ ни одной копейки изъ выкупныхъ платежей, если допустить такую мѣру. Въ этихъ мѣстностяхъ повсюду найдется много охотниковъ взять участки, оставляемые переселенцами, съ обязательствомъ выплачивать лежащія на нихъ платежи. Правительству слѣдуетъ только обозначить: 1) изъ какихъ именно мѣстъ дозволяетъ оно переселеніе? 2) въ какихъ размѣрахъ? 3) Куда? Затѣмъ эта колонизація, какъ свободная, допущенная ранѣе срока не въ видѣ общей мѣры, а въ видѣ исключенія для желающихъ, будетъ производиться собственными средствами переселяющихся. Другой вопросъ—мѣстности неплодородныя. Тамъ мало найдется охотниковъ брать остающіеся послѣ переселенцевъ надѣлы, по причинѣ очень высокой цѣны выкупной въ сравненіи съ дѣйствительною, существующею въ продажѣ. Однакожь, и здѣсь по мѣстамъ желающіе найдутся. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ экспертовъ, которыхъ выслушивали комиссіи для изслѣдованія современнаго состоянія сельскаго хозяйства, показываютъ, что и въ неплодородныхъ мѣстностяхъ, покупающіе на сторонѣ участки въ собственность, успѣваютъ сдавать свои надѣлы обществу со всѣми лежащими на послѣднихъ обязательствами, иногда приплачивая, впрочемъ, къ этому еще отъ себя извѣстную добавочную сумму денегъ. Оставляя, впрочемъ, эти частныя соображенія въ сторонѣ, мы должны повторить, что какъ бы ни повелось дѣло теперь, но по окончаніи выкупа держать крестьянъ прикрѣпленными къ землѣ, то-есть къ извѣстному клочку земли или даже къ извѣстнымъ болѣе или менѣе обширнымъ мѣстностямъ, какъ они держатся въ Остзейскихъ губерніяхъ, государству будетъ невозможно. Не только по принципу, но изъ опасности общаго народнаго и собственнаго раззоренія оно должно будетъ дозволить крестьянамъ совершенно свободную колонизацію на государственныхъ земляхъ.

Если же будетъ такъ, то тогда не только нельзя будетъ ожидать увеличенія густоты населенія въ сѣверной полосѣ Россіи, а можно скорѣе думать, что и южная полоса Россіи значительно опустѣетъ. Никто изъ крестьянъ, конечно, не захочетъ сидѣть на надѣлѣ, который его ни питать, ни одѣвать, ни согрѣвать не можетъ. Каждый изъ нихъ будетъ искать такихъ земель, гдѣ онъ будетъ имѣть возможность основать и развить свое хозяйство правильно. Но въ такомъ случаѣ—посмотрите какую стра-

нную въ хозяйственномъ отношеніи страну будетъ представлять собою Россія!

Мы уже видѣли, что по свѣденіямъ, собраннымъ бывшими редакціонными комиссіями о количествѣ земель, находившихся въ распоряженіи помѣщиковъ и пользованіи крестьянъ значилось

Въ распоряженіи помѣщиковъ.   Въ пользованіи крестьянъ.

69.421,094 десятины   35.779,014 десятинъ.

Такъ какъ редакціонныя комиссіи, при назначеніи земли крестьянамъ, держались надѣловъ, существовавшихъ въ крѣпостномъ состояніи, то общее отношеніе земель, находящихся во владѣніи помѣщиковъ къ общему числу земель, поступившихъ въ пользование крестьянъ, измѣнилось мало и послѣ реформы. Предположивъ, что даже четверть земель, находящихся во владѣніи помѣщиковъ, куплена или арендуется крестьянами, купцами, евреями, мы все-таки найдемъ, что Европейская Россія представляетъ собою нѣкоторымъ образомъ пустырь, въ которомъ по крайней мѣрѣ треть земель остается безъ обработки!! Представляется нѣсколько удивительнымъ, изъ чего хлопотали и бились представители губернскихъ комитетовъ, когда рѣчь шла о надѣлѣ крестьянъ землей? Изъ чего они отстаивали чуть не каждую сажень земли, чтобы какъ можно болѣе сократить крестьянскій надѣлъ. — А между тѣмъ нѣтъ ничего ни невозможнаго, ни невѣроятнаго въ томъ сдѣланномъ нами предположеніи, что и спустя 49 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ этотъ пустырь нисколько не сдѣлается производительнѣе по недостатку населенія, а еще болѣе обезлюдѣтъ!! Подумайте сколько у насъ есть свободныхъ прекрасныхъ мѣстъ, ни кѣмъ незанятыхъ, куда пойдетъ искать приволья и счастья свободное населеніе послѣ 49 лѣтъ своихъ тяжелыхъ бѣдствій! И Сибирь, и Кавказъ, и Крымъ, и Киргизскія степи, и Туркестанъ все вѣдь это — пока пустыри, жаждущіе энергическаго труда и населенія.

Изъ сказаннаго видно, какъ не хозяйственно ведется у насъ аграрное устройство. Посмотрите на нашихъ братьевъ американцевъ, которые также богаты землею, какъ и мы. Но какъ они обходятся съ нею? Даромъ земли они никому не даютъ, — но продаютъ землю всѣмъ, кто хочетъ ее приобрѣсти, и тѣмъ, которые хотятъ приобрѣсти ее для ренты, и тѣмъ, которые хотятъ приобрѣсти ее для собственнаго труда. Рентьерамъ продаютъ они землю дорого, будучи, конечно, увѣрены, и весьма резонно, что кто вкладываетъ значительный капиталъ въ землю, тотъ дѣлаетъ это не безъ цѣли, и слѣдовательно такъ или иначе обработывать ее будетъ; — труженикамъ они продаютъ землю очень дешево, на условіи,

что въ теченіи извѣстнаго срока земля будетъ воздѣлываться; иначе ее они берутъ обратно. Стало быть, образованіе пустырей внутри страны по принятому ими принципу раздачи земель невозможно.

Создать въ Россіи такія поземельныя отношенія, какія существуютъ въ Англіи, при нашихъ безконечныхъ поземельныхъ пространствахъ — абсурдъ рѣшительный, невозможный, абсурдъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Скорѣе мы можемъ повторить собою исторію древняго Рима, или возобновить тѣже поземельныя отношенія, какія существовали у насъ, начиная съ Θεодора Ивановича вплоть до полного закрѣпощенія, но Англіей никакъ не сдѣлаемъ. Въ томъ-то и сила, что мы не умѣемъ подражать.

Мы потеряли это искусство чуть ли не съ смертію нашего перваго великаго подражателя Петра I. Нельзя не вспомнить одного глубоко вѣрнаго замѣчанія о нашихъ подражаніяхъ со времени Екатерины II, которое дѣлаетъ Гакстгаузенъ по поводу употребляемаго крестьянами на берегахъ Кубенскаго озера бельгійскаго плуга, введеннаго здѣсь Петромъ Великимъ. «Просто невѣроятно, — говоритъ Гакстгаузенъ, — съ какимъ тонкимъ знаніемъ дѣла и съ какимъ остроуміемъ Петръ I вводилъ въ каждомъ мѣстѣ тѣ именно улучшенія земледѣлія, которыя соотвѣтствовали условіямъ данной мѣстности. Онъ имѣлъ одинаковыя способности какъ къ самымъ крупнымъ, такъ и къ самымъ мелкимъ дѣламъ. На каждомъ шагу наталкиваешься въ Россіи на воспоминанія о немъ, но его преемники не сумѣли помочь способному русскому народу какимъ-нибудь реальнымъ улучшеніемъ его хозяйства, да и не заботились объ этомъ; только теперь начинаютъ объ этомъ думать. Екатерина II почти ничего не сдѣлала въ этомъ отношеніи; все, что она дѣлала, было подражаніемъ иноземнымъ народамъ и носило характеръ одной внѣшности. Она впервые ввела вредное направленіе во все управленіе, именно съ ея времени привыкли при каждомъ новомъ учрежденіи ставить вопросъ: что скажетъ объ этомъ Европа? а не спрашиваютъ себя: дѣйствительно ли народно такое-то учрежденіе? Соразмѣрно ли, полезно ли и необходимо ли оно для Россіи?»¹ Въ этомъ неспрашиваньи себя: идетъ ли извѣстное учрежденіе къ нашимъ отношеніямъ, или нейдетъ, въ какой мѣрѣ совмѣстимо или несовмѣстимо съ нашими условіями, заключается причина, что у насъ являются иногда самыя дикія и абсурдныя подражательныя поползновенія. Къ числу такихъ поползновеній несомнѣнно должна быть причислена и

¹ Ислѣдов. внутреннихъ отношеній народной жизни. Соч. Гакстгаузена. Москва 1870, стр. 144.

мысль перенести къ намъ англійское аграрное устройство. Англія въ настоящее время, конечно, страна самая богатая и цивилизованная въ Европѣ. Это знаютъ и французы, и итальянцы, а о нѣмцахъ и говорить нечего. Благодаря только нѣмцамъ, и мы въ послѣднее время стали догадываться о богатствахъ и цивилизаціи Англіи. Однакожь, вѣдь вотъ ни французамъ, ни итальянцамъ, ни тѣмъ болѣе нѣмцамъ не придетъ въ голову мысль пересадить въ свои страны аграрное устройство Англіи. Не придетъ въ голову, вопервыхъ, потому, что это бессмыслица — вещь къ исполненію невозможная. Аграрное устройство во всѣхъ странахъ создается вѣками; сообразно съ нимъ вѣками же слагается тотъ или другой социальный строй и самый государственный механизмъ. Чтобы какая-нибудь страна могла ввести у себя чуждое ей аграрное устройство, для этого ей нужно начать ломку сверху до низу, произвести внутреннюю революцію, поставить себя на цѣлые десятки, а можетъ быть, и сотни лѣтъ въ состояніе непрестанныхъ безпокойствъ, смуть и броженій; во вторыхъ, потому, что въ Европѣ ни для кого не тайна, что аграрное устройство — больное мѣсто Англіи. Высота земледѣльческой культуры ея покупается массою безчисленныхъ экономическихъ и социальныхъ бѣдствій цѣлаго народа. И еслибы этихъ бѣдствій не смягчали съ одной стороны широкое развитіе индустріи, поддерживаемой съ давнихъ временъ монополіей или преобладаніемъ англійской торговли на множествѣ граничныхъ рынковъ, съ другой — полная свобода личности съ правомъ вести организованную войну съ капиталомъ и въ сферѣ экономической и политической, аграрное устройство Англіи, представляющее собою, въ сущности, не что иное, какъ грабежь обще-народной собственности! ничтожною горстью землевладѣльцевъ, не выдержало бы, быть можетъ, и сотни лѣтъ. Даже лучшіе представители классической или, что то же, капиталистической политической экономіи, въ началахъ которой аграрное устройство Англіи находятъ нѣкоторое оправданіе, какъ-то: основатель этой экономіи Адамъ Смитъ и Джонъ Стюартъ Милль смотрятъ на исчезновеніе прежнихъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, т. е. крестьянъ въ Англіи, какъ на величайшее зло для страны. Но мысль, которая въ другихъ цивилизованныхъ странахъ составляетъ дѣло, давно рѣшенное и давно сданное въ архивъ, у насъ является еще вопросомъ и находитъ множество сторонниковъ. Можно найти не одну сотню землевладѣльцевъ, которые и въ университетахъ, и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучались и курсы политической экономіи проходили, но которымъ дай только власть въ руки, сейчасъ

готовы будъ гъ, не задумываясь, приступить къ введенію англійскаго аграрнаго устройства въ Россіи. Вотъ въ этомъ-то неумѣннѣ приспособить примѣры и опыты прошедшаго въ другихъ странахъ къ условіямъ нашей собственной жизни и обстановки, въ этомъ неумѣннѣ подражать хорошему съ толкомъ и заключается вся наша бѣда. Отъ этого неумѣннѣ произошло и то, что мы примѣровъ и опытовъ по разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ другихъ странахъ не сумѣли приладить къ отношеніямъ и условіямъ нашей страны и вслѣдствіе этого *цѣль великая порвалась* у насъ неладно, ударивъ такъ убійственно

Однимъ концемъ по барину,

Другимъ по мужику.

Грыцько.

Грыцько

